



МАКСИМ НИКУЛИН:

*«80 лет Победы — дата серьезная,
и мы готовим к ней новую программу
“Музыка Победы”»*

Дорогие ветераны!

**Этот номер
посвящается**

**80-летию
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ!**

*С днём
Победы!*



Рассказ

<i>Михаил Смирнов</i>	И шла война	4
<i>Надежда Бессонова</i>	Ее любовь хранила, берегла	25
	Лучшие дни его молодости	29

Чтобы помнили

<i>Ирина Леонтьева</i>	Зинаида Туснолобова	20
<i>Виктор Елисеев</i>	Смерти у храбрых нет	33
<i>Татьяна Жукова</i>	Старший брат	110

Дети войны

<i>Степан Кискин</i>	Диверсанты	38
	Песня	39
	Поцелуй смерти	42
	Оккупация	45
	Освобождение	48
	Облава	50

Это интересно

<i>Дмитрий Зелов</i>	Подвиг участкового	52
<i>Владимир Братченко</i>	Конференция в Думбартон-Оксе	72

Замечательные современники

<i>Дарья Парчинская</i>	Максим Никулин: «Мой отец, Юрий Владимирович Никулин, был настоящим фронтовиком»	54
-------------------------	---	----

Так было

<i>Сергей Рогатко</i>	Ленинградская ложечка	66
-----------------------	------------------------------------	----

Забывтые имена

<i>Александр Ралот</i>	Полководец «коротышка», или «самовар-паша»	83
------------------------	---	----

Судьба художника

<i>Ирина Опимах</i>	Адриан Браувер — гуляка, пьянчуга и Мастер	88
---------------------	---	----

Донбасские истории

<i>Светлана Леонтьева</i>	Немного помрете, потом оживете	96
---------------------------	---	----

Наши современники

<i>Дмитрий Соколов</i>	Артем Сергунов: «У меня много планов и идей, которые я хочу реализовать...»	102
------------------------	--	-----

Звезды не гаснут

<i>Юрий Осипов</i>	Сергей Бондарчук: «Служить добру и людям»	115
--------------------	--	-----

Детектив

<i>Ольга Степнова</i>	Вселенский стриптиз	128
-----------------------	----------------------------------	-----

Кроссворд. Эрудит

.....	188
-------	------------

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Максим Никулин — генеральный директор
и художественный руководитель
Московского цирка на Цветном бульваре
Фото из личного архива

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

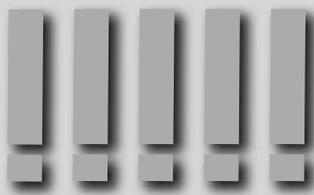
Тираж —
Зак. №

Цена свободная

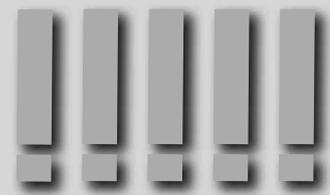
Номер подписан в печать: 17.04.2025

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора



ВНИМАНИЕ, конкурс



Дорогие читатели!

Лев Николаевич Толстой писал в своем дневнике: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома». И он был прав, потому что самое ценное, что мы имеем, это наш дом, наша семья, наши родители и дети. Дом — это наш очаг, который мы стараемся поддерживать и сохранять. Но кроме этого, у каждого из нас есть еще один дом — родительский. Там нас любят, ждут и простят все наши промахи и ошибки. Это наши родители, наши бабушки и дедушки. Какие у вас с ними отношения? Передаете ли вы любовь к ним своим детям? Это очень важно, потому что в трудные моменты нашей жизни мы, в первую очередь, спешим к своим родителям, чтобы обрести «почву под ногами».

Самые любящие, самые преданные, они всегда готовы помочь, потому что их сердца наполнены любовью к нам.

Вот мы и решили в 2025 году объявить конкурс

«ТЕПЛО РОДНОГО ОЧАГА»

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru
до конца октября 2025 года.

Итоги будут подведены в конце года и опубликованы в первом номере 2026 года, а победители получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*





Ишла война



Шла война, а Назар Иванов добирался до родной Васильевки. Наконец ранним апрельским утром, когда солнце едва показалось над горизонтом, он вернулся из госпиталя, где его вчистую списали после тяжелого ранения. До родимой сторонунки поездом ехал.

Он плохо помнил, что произошло. В атаку поднялись. Рядом фронтовой дружок бежал, а Назар чуть приотстал, доставая патроны. Тянуло гарью и сырой землей, доносились крики, стрельба, рвались снаряды, но бойцы словно не замечали этого. Назар кинулся догонять дружка, который уже приближался к немецким окопам. Он помнил, что кричал громко и протяжно, но самого крика не слышал. И тут вдруг перед ним взметнулась земля, полыхнуло пламя, опаляя его, и он завыл от боли, а потом куда-то полетел. И наступила тьма...

Очнулся Назар в госпитале. Хотел открыть глаза, но не получилось: снова перед глазами полыхнул огонь, и тело пронзила такая боль, которую невозможно было терпеть. Он не закричал, а замычал, хватаясь за забинтованную голову. Хотел, было, сорвать повязки, чтобы оглядеться по сторонам, но его придержали.

— Потерпи, милоч, потерпи, — донесся чей-то голос. — Ты в госпитале лежишь. Радуйся, что живой остался, а не полетел «журавушкой» в родные

места, не закурлыкал над хатой. И не заплачут родные над казенной бумажкой, что лег во сырую землю. Живым вернешься — это главное, а глаза...

Санитарка не договорила — с соседней койки раздался стон, и она поспешила к раненому...

Так началась его госпитальная жизнь...

Назар стоял на обочине и прислушивался к звукам. Левая сторона лица была обожжена, вместо глаза — вмятина, про волосы и говорить нечего — клочками росли возле уродливого уха. Огнем зацепило и второй глаз, половину его бельмом затянуло. А врач говорил, ему повезло, что хоть немного еще видит, другие вообще слепыми возвращаются. И живут. Главное — привыкнуть...

Назар взвыл, когда узнал, что лишился зрения, пусть не полностью, но все равно почти ничего не видел. Да лучше бы его осколками посекло, чем без глаз остаться. А врач продолжал твердить, что ему повезло, глянь, мол, на других, рук-ног нет, а они радуются, что в живых остались, что дома ждут-не дождутся, когда они вернутся. Ну и пусть, что без рук и ног, главное, что живые. И ты должен радоваться, что живым вернешься, а не «журавушкой» отправишься в родную сторону.

Назар все стоял, не решаясь сделать первый шаг. В Васильевке осталась мать, а больше никого: отца и брата убили на фронте. С братом рядышком воевали, а свидеться не пришлось. «Журавушками» домой отправились, как говорила в госпитале старая санитарка. И будут кружить над округой, печально курлыкая. И занует душа, заплачет...

Тут ему почудился журавлиный крик в небе, и он задрал голову, пытаясь рассмотреть журавлей в небе, но не получалось, и Назар, не удержавшись, зло матюгнулся. Все не мог и не хотел привыкать, что потерял зрение. Осколками посекло и огнем опалило. Рука плохо сгибается, не все осколки вытащили — но с этим можно жить, а без глаз... Хорошо, хоть жениться не успел, калека не нужен никому. Лучше остаться одному, чем портить жизнь другой...

Где-то рядом гавкнула собака, и он замахнулся сучковатой палкой, словно хотел ударить. Собака, испугавшись, взвизгнула и кинулась прочь.

— Эй, прохожий, пошто животину пугаешь? — раздался за спиной скрипучий голос. — Она службу исполняет, а ты за палку хватаешься. Шагай, куда шагаешь, а собаку не тронь.

— Да я уже пришел, — буркнул Назар. — Стою, а сам не решаюсь идти.

— Погодь-погодь... — всмотрелся в него старик, — случаем, не Назарка Иванов вернулся? Точно, он, ешкин малахай! О, как тебя покалечило! Ну, ничего, дома поправишься.

А Назар стоял и не узнавал по голосу, кто с ним говорит.

— Я не на гулянке был, — запсиховал он, — взрывом покалечило. Не могу вспомнить тебя, старик, да и глаза почти не видят — выжгло. Лучше бы вообще убило, чем так жить и других мучить.

— Дурень, что городишь! — замахал руками старик. — В «журавушку» еще успеешь превратиться, болтаешь, незнамо что! Ваша мамка с утра до ночи боженьку просила, чтобы тебя, последыша, живым увидеть. Пусть покалеченного, но живого. Приходят куда хуже тебя — без рук, без ног, но и они радуются жизни,. А ты... Эх!.. — Он кликнул собаку и потихонечку зашагал в сторону речки Ветвянки...

Васильевка большая. Она была раскидана по холмам — словно неведомый великан раскидал избы. Туда десяток, там с пяток, а в другом месте целая пригоршня. И стоят избы среди березок, одни крыши виднеются.

Назар потоптался, покрутил головой, а потом зашагал в сторону дома, опираясь на суковатую палку. Зайдя во двор, прислушался. Тишина... Ан, нет, что-то звякнуло, значит, мать дома. Он медленно поднялся по ступеням, распахнул дверь и встал на пороге, прислонившись к косяку.

— Мам, я вернулся...

Тощий вещмешок упал на пол, и он шагнул к ней, добавив: — Мать, я отвоевался.

Затем стащил с головы шапку, и мать охнула, увидев его обезображенное лицо, кинулась к нему и запричитала.

— Ну, что ты, мам, — неуклюже затоптался Назар. — Я живой — это главное, как сказал старик с собакой, имени его не помню. Живой, а остальное — это ерунда!

— Сынок, Назарушка, — продолжала плакать мать. — Я уж не чаяла, что увижу тебя. И батя твой, и старший сынок «журавушками» вернулись, а потом от тебя перестали письма приходить. Я уж думала, что и ты во сырую землю лег, а потом сообщили, в госпитале лежишь.

Мать все говорила и говорила, а сама осторожно трогала его обожженное лицо и отводила взгляд от пустой глазницы. А потом всплеснула руками и закружилась по кухне.

— Ты же с дороги, сынок, — хваталась то за одно, то за другое и не знала, что делать. — Назарушка, умойся с дороги. А баньку вечером истопим. И гостей нужно позвать. Сын с фронта вернулся!

Назар прошел в горницу, стащил с себя гимнастерку. На теле шрамы от осколков. Особенно руке досталось — плохо гнется. Врач сказал, какой-то нерв перебит. Но не беда, можно и без него прожить.

Он умылся, долго фыркал под рукомойником, потом взял чистую мочалку, докрасна растерся. Вытащил из вещмешка чистую гимнастерку, надел ее и уселся за стол, где мать уже поставила нехитрую снесь.

Едва поднял стакан с мутным самогоном, как в дверь стукнули, и на пороге появился старый Илья — сосед, который недавно тоже вернулся с фронта.

— Здоров был, солдат! — сказал он, прошел к столу и положил небольшой сверток. — Это моя Наталья передала гостинчик. Я издали заприметил Назарку и сказал бабке, чтобы гостинчик спроворила, и подался к вам. Ну, рассказывай, солдат, как воевал. Вижу, награды блестят, значит, не опозорил своих родителей. А что касается ранений — это не беда. Я вот едва живой вернулся с фронта, думал, помру, но моя бабка меня выходила, на ноги поставила. И тебя поставим. Не мы первые, кого матери и жены выхаживают, и не последние. Мои еще на фронте, — вздохнул Илья, — Федька под Курском сгорел в танке, а младшенький пропал без вести... — Он немного помолчал и махнул рукой: Наливай, Марья! За встречу выпьем, а потом за наших, кто в «журавушек» превратился.

Выпили. Следом еще по одной. И старый Илья засобирался.

— Все, пора и честь знать, — сказал он. — Корми сына, Марья. Потом к нам зайди. Наташа всякой травки даст. Отваром будешь лечить. — И ушел, притворив дверь.

До вечера покоя не было от гостей, а когда все разошлись, мать сказала:

— Даже поговорить не удалось. Так и будут тянуться друг за дружкой, пока вся деревня не перебивается в гостях. Но всех можно понять. В деревне мужиков не осталось. Одни старики да калеки, а еще бабы с детьми. Вот и вся наша гвардия. Ты ложись, сынок. Дома всяко спится лучше...

Назар скинул одежду и завалился на топчан, прикрывшись старым тулупом...

... — Ах, ты, паскуда! — заорал Назар и, размахнувшись, воткнул штык в фашиста, когда они залетели во вражеские окопы, а навстречу ему выскочил немец, который пытался передернуть затвор у автомата, но не получалось. Он заверещал, когда Назар с размаху воткнул в него штык, выдернул и снова воткнул. — Убью, сучье племя! — Потом развернулся и ткнул еще одного.

Неподалеку разорвалась граната. Следом протарахтела долгая очередь. Назар увидел, как упали наши солдаты, сраженные очередями. Снова взорвалась граната, и еще двое упали. Вдруг на него с бруствера свалился фашист и принялся душить... В глазах потемнело, нечем стало ды-

шать. Он закрутился, стараясь вырваться, и все искал нож, хлопая по голенищу сапога. А ножа не было. И воздуха не было. Назар рванулся из последних сил, протяжно закричал, взывая к помощи, и упал. Закрутился, пытаясь нащупать врага, вывернулся из чьих-то рук, замахнулся, чтобы ударить, и тут услышал голос матери. Замотал головой, пытаясь открыть глаза, а вместо этого всего лишь мутное пятно. И плач матери...

— Сынок, ты же дома, — плакала мать, прижимая его к себе. — Говорили мне, а теперь сама убедилась, что так и будешь ночами воевать.

— До последнего часа своего будет сниться война, — растирая лицо, сказал Назар, уселся на топчан и вздохнул. — Снится, что воюю, а бывает, дружки погибшие приходят. Стоят и смотрят на меня, словно говорят, почему не помог... Теперь будут они жить мертвые рядом с живыми, станут курлыкать в синь небесную, словно напоминая о себе. Постоят рядом со мной, а потом уходят, чтобы в следующий раз снова вернуться...

И мать заплакала, проклиная эту страшную войну.

Таким оказалось возвращение Назара в родную деревню...

Первые дни он никуда не выходил. В избе сидел, посматривая в мутное оконце, изредка разговаривал с матерью или выходил на крыльцо и сидел, кутаясь в ватник.

Был конец апреля. Вроде бы на солнышке тепло, а в тени еще снег лежит. Дороги развезло, не пройти, не проехать. Но наступал вечер, и тянулись к ним гости, каждый из которых приносил гостинчик. Пусть немного, но несли и обижались, если он отказывался, мол, самим есть нечего, а вы несете. Мы же от души приносим, и отказываться — грех, — говорили они и совали матери разные свертки и узелки.

А ночами хоть не ложись. Едва задремлет, и снова перед ним встают дружки, погибшие в боях. Стоят и смотрят на него. А еще батя и старший брат во сне приходили и радовались, что Назар живым вернулся. Он разговаривал с ними, все жаловался, что в живых весь покалеченный остался, а отец хмурился и говорил, что, мол, придет еще твое время, а пока не торопись на небеса, живи, как другие живут, а мы будем приходить, чтобы о нас не забывали. И они, словно в тумане, исчезали. В такие дни Назар бывал особенно задумчивым и хмурым. И так мало говорил, а тут вообще замыкался. Выйдет на крыльцо и садит одну самокрутку за другой, посматривая на деревню. Как вернулся, еще ни разу никуда не выходил, только новости слушал, что гости приносили вечерами. А бывало, дед Евсей, что жил напротив, подходил, если видел, что Назар появился во дворе. Усядется рядом и начнет о чем-нибудь рассказывать. Всех

в деревне переберет, обо всех расскажет. А потом притихнет. Назар покосится на него, а дедок сидит и смотрит на него, пригревшись на солнышке...

Но однажды Назар не удержался. Сколько не сиди, а привыкать нужно. Надумал на речку Ветвянку сходить. Пока на фронте был, ночами снилось, как рыбу с мальчишками ловил. А вернулся, и еще ни разу не побывал на речке. Он набросил ватник на плечи, взял палку, чтобы собак отгонять, хотя осталось их всего ничего в деревне, открыл калитку и зашагал вдоль заборов. Потом свернул в проулок и по меже подался к речке, заросшей по берегам тальником.

Хоть зрения осталось всего ничего, но все равно чувствовал молодую травку, запахи листвы и нераспустившихся почек, но особенно чуял запахи воды и влажной земли. Земля — это особый запах еще со времен фронта, когда наступали фашисты, а им был дан приказ, чтобы ни шагу назад. И они отбивали атаку за атакой, стояли насмерть, потому что защищали свою землю, своих отцов и матерей, жен и малых детей — свою Родину-мать.

Все меньше и меньше оставалось бойцов, и все чаще с небес доносились тоскливые крики журавлей, кружившихся над полем боя. Потом они уносились вдаль, курлыкая протяжно и печально...

И тут Назар увидел, как на него несется немецкий танк. Едва успел лечь на дно окопа, как над головой загрохотали гусеницы, и танк закрутился, стараясь похоронить Назара в его окопе. Сравнял с землей и двинулся дальше. Но вдруг зашевелилась земля — это Назар медленно выбрался из заваленного окопа, держа в руках бутылку с зажигательной смесью. Откинулся на спину, чиркнул, не услышал, а почувствовал шипение, и, словно в замедленном действии, бросил. Бутылка разбилась о моторный отсек, и взметнулось пламя. А дальше наступила тьма...

Вдоволь он тогда нанюхался земли, пока выбирался из заваленного окопа. И нанюхался, и наелся, выкарабкиваясь наружу. Видел, как полыхнул танк, и потерял сознание... Потом сказали, что повезло ему, а то бы могилкой мог стать тот окоп...

Ощупывая дорожку суковатой палкой, Назар добрался до берега Ветвянки. Хотел, было, спуститься с обрыва, но побоялся — высоко и круто. Навернешься, а обратно не выберешься, так и будешь куковать, пока тебя не вытащат.

Он осторожно подошел поближе к краю и присел на траву. Провел рукой по ней. Молоденькая! Сорвал травинку, растер в руках, понюхал. У, какой запах!

Назар достал кисет, скрутил сигарку и задымил, прислушиваясь к бормотанью переката и залиvistому голосу соловушки. Пахло речной водой и тиной. Вроде на солнце тепло, а потянул ветерок, и сразу зазнобило.

Донеслись голоса ребятишек, слышно было, как бросали камни в воду, наблюдая за кругами на поверхности, а потом бежали дальше. Заметив Назара на краю обрыва, они притихли, зашептались, осторожно прошли мимо него и припустили по берегу.

Следом послышались легкие шаги.

— Здравствуй, Назар! С возвращением, солдат! Не прикрывай шрамы, они получены в бою. Ты должен гордиться ими, а не прятаться от людей. Мне говорили, что ты вернулся, а забежать времени не было. В нашу Васильевку детдом перевели. Там я и работаю вместе с Марийкой, женой Ефима. Едва справляемся с сорванцами, так и норовят на фронт сбежать. Вот и сейчас перехватила их на дороге.

— Это они сейчас пробежали? — спросил Назар.

— Да, наши сорванцы, — сказала она и вздохнула. — А ты моего Леонтия не встречал? Может, сталкивались... — и снова тихий вздох.

— Нет, Варь, не виделась, — он сразу понял, что возле него остановилась Варвара Шаргунова. — Там столько народу, что рядом пройдешь и не заметишь. Со старшим братом почти рядом были и ни разу не повстречались. Вернется твой Леонтий, никуда не денется. Главное — верь!

— Да я верю, — снова вздохнула она. — Как ушел на войну, до сих пор ни одной весточки не получила. Но я верю, что он вернется. А ты, Назар, не сторонись людей. Они все понимают... — Сказала и заторопилась вслед за своими сорванцами.

А Назар остался сидеть на берегу Ветвянки.

Он прислушался. Показалось, что с небес доносится курлыканье «журавушек». Вот еще солдатские души возвращаются в родные края. И будут кружить над домами, и станут курлыкать, словно говоря, что это мы вернулись — ваши отцы и сыновья... А потом умчатся в синь небесную, но всякий раз будут возвращаться, о себе напоминая...

Назар долго сидел на берегу. Слушал картавый перекат, щелканье соловьев, со стороны деревни слышалось гавканье собак, два или три петуха подавали голоса, и самое редкое — мычание коровы.

Скрип-шлеп, топ-топ-топ — это шли Ерохины. Всегда вместе, всегда вдвоем. Мать рассказывала, что у дядьки Ерохина все погибли на войне. А мальчонку подобрал в госпитале, как две капли воды похож на младшенького, на Алешку. И даже имя такое же у мальчика. Пусть живут. И ему радость, и мальцу семья...

— С возвращением, Назар, — раздался за спиной голос дядьки Николая. — Как живешь, солдат? Все воюешь ночами? Я тоже воюю. Наверное, все мы, кто был там, ночами возвращаемся на войну, чтобы встретиться с погибшими дружками, которые легли в сыру землю, чтобы «журавушками» подняться в синь небесную. Эх, жизнь!.. А это мой сыночек, Алешенька...

Назар неумело погладил по голове мальчонку.

Тот смотрел на него, а взгляд серьезный, как у взрослого. Наверное, у всех ребятишек, кто глянул в глаза войны, такие же взгляды...

— А вы, дядька Николай, как поживаете? — спросил Назар, повернувшись к нему обожженным лицом. — Мать говорила, будто ваш дом сгорел, — коротко махнул он покалеченной рукой.

— Эка, как тебя зацепило, — качнул головой Николай. — Ничего, главное, живым вернулся. Радость для матери. Береги ее. А дом... да, сгорел. И в землянке жили, и временку ставил. А сейчас с Алешенькой за новый дом взялись. Вдруг старшие сыны вернутся, а у нас новый дом их ждет.

— Ну, тогда и меня в помощники записывай, — криво улыбнулся Назар. — Правда, от меня толку мало, но все же буду помогать. Вон, Алешка подскажет, что делать. Да, Алешка?

Малец с серьезным видом кивнул и повернулся к Николаю:

— Батя, пошли, я покажу, где старые скобы видел, пригодятся в хозяйстве.

— Хозяин растет, — едва заметно улыбнулся дядька Николай. — А строгий растет — страсть! Иногда сам боюсь...

И они ушли. Скрип-шлеп, топ-топ-топ...

Вскоре поднялся и Назар. Медленно зашагал по меже. По проулку вышел на улицу, постоял, прислушиваясь к шуму: где-то гомонили ребятишки, наверное, там был детдом.

Неторопливо шагая в сторону своего дома, он вспоминал слова Варвары, что не нужно скрывать свои шрамы, полученные на войне. А ведь она правильно сказала, он не на гулянке был, а воевал за них, за землю нашу. Так почему же должен скрывать это? Душой понимал, но...

Назар толкнул калитку и зашел во двор. В избу не стал проходить, а уселся на крыльце и закурил. На душе вдруг появилась радость, но он не мог понять, откуда она взялась. Эти годы, что провел на войне, отучили его улыбаться. Нет, почему же, он смеялся, когда с солдатами шутили, потому что без шуток на фронте тяжело. Потом узнал о гибели отца и брата, следом сам чуть было не погиб. И сколько месяцев провел в госпитале с забинтованной головой, с покалеченной рукой, которую собирали по кусоч-

кам и сделали почти как новую, как говорил врач. А когда увидел в зеркало свое обезображенное лицо, жить расхотелось. Чуть не взвыл, когда еле-еле рассмотрел, что с ним стало, и грохнул осколок зеркала о пол, чтобы не видеть эти страшные шрамы и пустую глазницу...

Заскрипела дверь. На крыльце появилась мать. В старенькой кацавейке, платок на плечах, она присела рядом с ним на ступеньку. Назар покосился на нее, но промолчал, и снова задрал лицо вверх и зажмурился. Как-то непривычно было, что вокруг тишина, что не свистят пули и не та-рахтят пулеметы. Не слышно разрывов снарядов и стонов раненых, где-то вдалеке орет петух, кричат ребятишки, наверное, играют. Да уж, где-то идет война, а здесь мирная жизнь, и он находится в ней. Это было непривычно. Ему все казалось, что сейчас поднимется ротный, взмахнет пистолетом и протяжно крикнет: «В атаку!» Он вскочит вместе с другими солдатами, все дружно закричат «Ура!» и помчатся на врага, чтобы гнать его с нашей земли, чтобы никогда, сволочи, не совались к нам, потому что нас не победить. И Назар заскрипел зубами — протяжно, зло...

— Опять про войну думаешь? — покосилась на него мать. — И днем думы о ней, и ночами... — она вздохнула и сгорбилась.

— Да, мам, о ней, проклятой, думы мои, — помолчав, сказал Назар. — Кто побывал там, тот до последнего своего часа о ней не забудет, так и будет сниться ночами. Так и будут приходить погибшие дружки, кто в синь небесную поднялись «журавушками». Будут стоять и смотреть. И ни словечка не скажут. А потом словно в тумане исчезнут. Утром поднимешься, а в душе тоска...

— Ты бы сходил куда, — сказала мать. — Вон, кто вернулся, у Семена собираются. Видать, тоже душами маются. Я бы бутылочку дала, есть у меня припасенная. Посидел бы с ними, поговорил. Глядишь, на душе стало бы полегче, а то маешься как неприкаянный...

Назар снова покосился на нее, но промолчал.

— Жениться бы тебе, Назарка, — неожиданно сказала она. — Глядишь, ребяенок бы появился. Мне в радость, и у тебя заботушки бы прибавилось, может, и дум стало бы поменьше...

— Придумала тоже — жениться, — буркнул Назар. — Я мимо зеркала прохожу и отворачиваюсь, чтобы себя не видеть... — Он мотнул головой и нахмурился.

— С лица воду не пить, как говорится, — упрямо проговорила мать. — Вон, сколько девок вокруг. Или все о своей Вальке сохнешь? Так одна живет. Не сложилась жизнь с мужиком-то, еще до войны разбежались. А больше никого не захотела принимать. Видела ее, когда ты воевал, про

тебя спрашивала. Я ничего не утаила. Все рассказала, как есть. Она привет передавала...

— Ты ничего лучше не могла придумать?! — взвился Назар. — Моей мордой детишек пугать, а ты Вальку чуть ли не сватаешь. Подумала бы, перед тем как разговор говорить. Дай бутылку! К Семену пойду, а то разлаемся...

Он сунул бутылку в карман, в другой положил небольшой сверток со снедью, прихватил кисет и подался со двора.

Прошел по улице вдоль нескольких домов и только тогда заметил, что шагает без своей спутницы — палки. Хотел, было, повернуть обратно, но раздумал: появись, мать снова заведет разговор про женитьбу, да еще Вальку приплетет. Нужен он ей, как корове пятая нога. Хотя, что говорить, на фронте частенько о ней вспоминал, но гордость не позволяла ей написать, а сейчас тем более не пойдет к ней, она сразу скажет, мол, пока был здоров, не нужна была, а теперь прибежал. Не дождется!

Придерживаясь за заборы и плетни, Назар осторожно зашагал по деревне. Спотыкался и падал. Поднимался, чертыхался и снова шагал. Он уж много раз пожалел, что не вернулся за палкой. Это в избе или во дворе он мог пройти с закрытыми глазами, а тут нужно каждый шаг делать на ощупь. Хоть ложись и ползи, как на фронте бывало...

— Здорово, Назар! — донесся со стороны старческий голос. — С возвращеньцем тебя! Куда лыжи наострил?

— К Семену Мытникову иду, — приостановился Назар и закрутил головой. — А с кем я говорю? Что-то не припоминаю по голосу...

— Дык, дед Лександра я, — захекал старик. — Помнишь, как крапивой лупцевал, когда с дружками в колхозный сад залез? Хотел из берданки солью стрелнуть, да пожалел вас, оглоедов...

— А, помню, конечно, — закивал Назар. — Я уж думал, тебя на свете нет, а ты еще небо коптишь, дед Лександра, молодец! — И тоже криво засмеялся, радуясь, что узнают в деревне.

— А что со мной будет? — снова захекал старик. — Всех своих схоронил, а про меня, наверное, позабыли. Говоришь, к Семке идешь? Дык, мимо проскочил. Тебе нужно в проулок свернуть и по нему спуститься к речке.

— Ладно, дед Лександра, я пошел, — чертыхнувшись, сказал Назар, развернулся и, придерживаясь за забор, зашагал. — Будь здоров, старик!

Он падал, поднимался и снова шагал, стараясь вспомнить дорогу. Наконец добрался до нужного дома, поднялся по ступеням, толкнул дверь, зашел, ударившись лбом об косяк, и, потирая ушибленный лоб, произнес:

— Здоров был, Семен! Гостей принимаешь?

Донеслись шаги, и из горницы появился Семен. Босиком, в галифе и гимнастерке с красной нашивкой о тяжелом ранении. Один рукав болтался, из другого выглядывала покалеченная кисть. Он обнял Назара одной рукой, подтолкнул его и пробасил:

— Здоров был, солдат! С возвращением, Назарка! Наши ряды пополняются! Проходи...

Назар подошел к столу, положил сверток, рядом поставил бутылку, достал кисет и, усевшись на шаткую табуретку, сказал:

— Давай, Семка, выпьем за возвращение!

Они разлили по стаканам. Развернули сверток, в котором лежало несколько полураздавленных картошек в мундирах — это Назар раздавил, когда падал, — горка мелкой рыбешки — кто-то из соседей поделился, пара луковиц да головка чеснока. Вот и все угощение. Семен поставил большую чашку с кислой капустой, взяли за стаканы, но тут на пороге появился сосед Николай Морозов с ведром в руках, в котором были видны картошка с ростками, немного свеклы и с пяток луковиц.

— Здорово, мужики! — сказал он и поставил ведро возле печки. — Это моя Аннушка передала. Немного, но прожить можно. С возвращением, Назар! — ткнул он широкую ладонь, здороваясь, громыхнул табуреткой и присел рядом. — Видел Генку Козина, к тебе собирался. Тоже что-то хотел принести.

Едва договорил, как дверь распахнулась, и в избу ввалился Геннадий в солдатской форме. В руках залатанный мешок. Он оставил его у входа, подошел и, облапив Назара, чуть ли не прокричал:

— Здоров был, солдат! Не обращай внимания, это после контузии. Врач сказал, что пройдет. Набрехал, наверное, все ору да ору. — Он громко захохотал, шлепая ладонями по ногам, и его голова затряслась, в страшном оскале открывая щербатый рот. Геннадий схватился за голову и протяжно застонал...

— Все, Генка, успокойся, — прижимая его голову к себе, забасил Семен и оглянулся на Назара: — Ни радоваться нельзя, ни злиться. Сразу трясушка нападает. Все, Генка, все...

Он дождался, когда Генка притихнет, налил в стаканы, поднял свой:

— Ну, братцы, с возвращением!

Они чокнулись, выпили, закричали и потянулись к незамысловатой закуске.

— Давайте-ка, братцы, выпьем за всех погибших, кто лег в сыру землю, что «журавушками» поднялись в синь небесную!

Снова подняли стаканы. Замерли на мгновение — у каждого было, кого вспомнить и помянуть — и, не чокаясь, выпили.

— Да, много «журавушками» вернулись в родные края, — вздохнул Семен. — Меня рано списали. Вернулся, а бабы плачут, радуются, что живым вернулся, а некоторые плачут — похорожки пришли. Глянул, а в деревне одни старики и бабы, и я среди них. Такая тоска меня взяла, хоть волком вой. И выл, и головой бился, когда оставался один... — Сказал и замолчал, лишь зубами заскрипел...

Все молчали и о чем-то думали. А о чем они могли еще думать, как не о своих семьях, о друзьях-товарищах, которые остались на поле боя, о дружках, с кем воевали, и которые сейчас гонят фашистов в хвост и гриву. Да обо всем думали, и о жизни — тоже...

— А что за тележку ты делаешь? — взглянул на соседа Семен. — Что собрался возить на ней? Даже мешок не положить, слишком маленькая...

— А, эта, что ли... — мотнул головой Николай, — для Корнея делаю. Оторвало ноги по самую мошонку. Как привезли его, ни разу на улице не был, сиднем сидит перед окном, и все на этом. Я заходил к ним. Баба нарадоваться не может, что живым вернулся, а он зубами скрипит. Говорит, лучше бы там остался, чем безногим быть. Ну, я и пообещал, что сделаю коляску. И работа у него будет, я с председателем говорил. Тот пообещал пристроить на ток или в мастерские. Будет бумажки перебирать. Корней обрадовался, когда узнал. Теперь прохода не дает, потопрапливает.

— Да, досталось мужику, — громко сказал Геннадий, и его голова снова затряслась в страшном оскале. Он схватился за нее и сидел так, пока не успокоился, потом продолжил: — А сколько таких «корнеев» возвращается домой — не счесть. А сколько еще вернется — одному Богу известно. И нам досталось немало. Каждую ночь воюем. И будем воевать, пока журавлями не поднимемся в синь небесную, и будем жить, пока будут помнить о нас. — И снова затряслась голова в страшном оскале.

— Правду говорите, братцы, — произнес Назар, нащупал кисет и принялся на ощупь скручивать сигарку. — Помню последний бой. Поднялись с дружкой в атаку — всю войну бок о бок провоевали. Дружок первым бежал, я за ним. Приостановился, чтобы винтовку перезарядить, а тут снаряд рванул, и нас обоих накрыло. От него ничего не осталось, как потом сказали, а мне, можно сказать, повезло — я боком стоял. Помню взрыв, и пламя обожгло лицо, вспыхнул, как свечечка, и все на этом. Очнулся в госпитале. А когда увидел себя в зеркале, жить не хотелось. Эх, война проклятущая!..

— А у нас во взводе был солдат, сколько воевал, ни одного ранения не было, — заговорил Семен. — Вся шинелька в дырках, даже сапоги распарывало осколками, а на нем ни царапинки, словно заговоренный. Воды он боялся, как черт ладана. А тут нужно было переправляться через речку. Вроде неширокая, но глубокая. Этот солдат весь извелся. Утону, и все тут! Да еще какая-то цыганка нагадала, что не от пули смерть примет, а от воды. Вот он и уперся: не буду переправляться, и все тут. Лучше на этом берегу сдохну, но в воду не полезу, хоть под трибунал отдавайте! И отдали бы, если бы не наш старшина, который сказал ему, что тоже плавать не умеет. Решил на бревнах переплыть. Плоты большие, в них легче попасть, а в пару бревен наверняка можно промахнуться. В общем, уговорил солдата и даже пообещал, что рядом поплывет. Они связали по два бревнышка. Солдат для пущей верности попросил, чтобы его привязали, а то со страху он может руки отпустить и тогда напрямик на дно отправится. Все сделали, как он просил. И тут началась переправа. Фашисты как принялись из орудий садить! Гляжу, плоты, словно щепки разлетаются. Осталось немного до берега, и я вдруг вижу, как нашего солдатика подкинуло взрывом и перевернуло плотик. А он же привязанный был! Все, хана солдату!.. Я уже на берегу был, когда это увидел. Кинулись к нему, плот быстро перевернули — может, еще живой. И видим, как солдатик наш рот разевает, а глаза выпученные, того и гляди, лопнут...

— И что солдатик, живой остался?

— Живым-то остался, — задумчиво сказал Семен, — но полные портки навалил. Как увидел, что на берегу стоит, так от радости и кинулся на немцев. Те, наверное, подумали, что русские новое оружие применили — такой дух стоял, что они врассыпную кинулись, а некоторые в плен сдались, лишь бы в «душегубку» не попасть...

Друзья громко расхохотались. Посмотрят друг на друга и снова хохочут, да так громко, что чуть стекла не вылетели.

— Слышь, Семка, помнится, ты же плавать не умел, — вытирая слезы, сказал Геннадий. — Уж не про себя ли ты рассказал?

И хохот грянул еще сильнее.

— Эть, придумают же, — удрученно произнес Семен. — Хоть ничего не говори, сразу приписали. — Он махнул рукой и загоготал, шлепая покаленной рукой по столу.

Засиделись допоздна, кто-то притащил еще бутылку. И снова нескончаемые разговоры. Говорили обо всем, но, в основном, вспоминали войну. Давно стемнело, когда стали расходиться по домам.

— Назар, может, останешься? — предложил Семен и протяжно зевнул. — Ночь на дворе, как пойдешь?

— Дойду, — сказал Назар, набросил на плечи фуфайку, шапку на глаза надвинул. — Сюда добрался и до дома дойду.

Он осторожно вышел на улицу. Долго стоял, прислушиваясь к деревне, и щурился, всматриваясь в редкие тусклые огоньки. Медленно шагнул и... тут же растянулся.

— Растуды твою качель! — не удержался, рявкнул Назар. — Хоть под забором оставайся! — Но все же заелозил и попробовал подняться.

— Давай-ка помогу добраться до дома, — в темноте кто-то подхватил его под локоть.

Назар засопел, вырывая руку, что-то знакомое послышалось в женском голосе. И даже запах волос, когда она наклонилась к нему, тоже показался знакомым. Он закрутил головой, отшатнулся:

— Еще не хватало, чтобы меня баба до дома провожала. Я и сам в состоянии дойти!

— Уже заметила, в каком состоянии, — раздался короткий смешок, и его снова подхватили под руку.

— Ты?! — даже не удивленно, а с яростью, что ли, рыкнул он. — Решила посмеяться надо мной или надумала пожалеть калеку? И без тебя обойдусь! — Он рванул руку, споткнулся и снова упал навзничь.

Это была его первая любовь — Валька, гордая и неприступная, которая не простила его и выскочила замуж без любви, ему назло. А он все эти годы помнил о ней. И, наверное, она оберегала его от смерти там, на фронте. А сейчас, когда она стояла рядом, Назар разозлился.

— Да нужен ты мне! — вскинулась она. — Мать попросила, чтобы за тобой зашла. Нечего мне показывать характер, а то я свой покажу, ты меня знаешь...

Не слушая его, Валентина подхватила Назара под руку и повела по темным улицам в сторону дома.

Они шли и ругались. Спотыкались и оба падали. Снова поднимались и шагали по колдобинам, пока не добрались до дома. Ввалились в калитку, снова упали, и уже не было сил подняться. Потом все же, поддерживая друг друга, поднялись, добрались до крыльца и молча уселись, стараясь прийти в себя.

Хлопнула дверь в избе, и на пороге появилась мать с керосиновой лампой в руках. Прищурилась, рассматривая при тусклом свете, потом всплеснула руками и воскликнула:

— Божечка мой! Вас собаки драли или по деревне катали?

— Это Назарка меня по всей деревне катал... — Валентина ткнула в него пальцем и принялась осматривать порванное платье и фуфайку. — Ничего себе проводила до дома! Нет уж, я лучше домой пойду, целее буду.

Она принялась приводить в порядок растрепанные волосы, повязала платок и взялась счищать с одежды грязь и пыль. Потом поднялась и собралась уходить.

— Не уходи, — неожиданно попросил Назар. — Посиди со мной, как раньше бывало...

Валентина присела.

Назар сидел и молчал. Она тоже не шевелилась.

Мать потопталась возле них, протяжно зевнула, и, прикрывая ладошкой рот, скрылась в избе.

Они сидели и молчали.

— А помнишь, как я перед ледоставом через Ветвянку переплыл, когда ты замуж выходила? — неожиданно сказал Назар. — И опоздал...

— Дурак был, потому и поплыл, — помолчав, произнесла Валентина. — Мог бы по мосту пройти. А если бы простыл да помер? Сейчас бы не пришлось сидеть...

Они снова замолчали.

Каждый думал о чем-то своем. Наверное, вспоминали прошлую жизнь. Скорее всего, так и было...

Они долго сидели на крыльце. Едва заметно занимался рассвет. Темные предутренние сумерки окутали деревню.

— А я вспоминал тебя... — снова заговорил Назар. — Особенно на фронте. Наверное, ты оберегала меня от смерти... — Сказал и замолчал.

— И я вспоминала тебя, — задумчиво произнесла Валентина. — Каждый день, месяцы и годы — всегда... И тоже замолчала.

Они сидели и смотрели, как разгорался рассвет.

— И что теперь делать? Я же вон какой...

— Надо жить, Назар, — посмотрела на него Валентина. — А как у нас сложится, чтобы людей не смешить — это от нас зависит...

И все так спокойно, словно она заранее все знала, что такой разговор обязательно состоится.

Они продолжали сидеть, посматривая на рассвет. И вдруг внутри этого рассвета несмело защелкал соловей. Ему стал вторить другой, за ним еще один. И вот уже целый хор завел соловьиные трели.

Где-то еще шла война, а они слушали, как заливаются соловьи, смотрели на узенькую полоску рассвета и думали о будущей жизни — светлой и долгожданной... □

Ирина Леонтьева



Зинаида Туснолобова

История этой женщины невероятна. Даже ознакомившись с ее биографией, сложно поверить, что такое действительно возможно. Но таковыми были герои Великой Отечественной войны. Именно благодаря их мужеству и героизму и стала возможной великая Победа.

Зинаида Туснолобова (урожденная Морозова) родилась в 1920 году в белорусской глубинке, в Витебской губернии. В 1930-е годы ее отец, Михаил Туснолобов, спасаясь от репрессий, бежал с семьей в Сибирь и там, чтобы затеряться, сменил фамилию. Опасения не были беспочвенными: его родной брат, Семен Морозов (дядя Зинаиды), председатель колхоза «Вторая пятилетка», герой Первой мировой войны, Георгиевский кавалер, несмотря на свою инвалидность, безупречную трудовую биографию, был репрессирован и погиб.

До начала Великой Отечественной войны Зинаида Туснолобова успела потрудиться лаборантом-химиком треста «Ленинскуголь» в Ленин-

ске-Кузнецком. В апреле 1942 года она, окончив краткосрочные курсы медсестер, отправилась добровольцем на фронт. Вот что она писала в июле 1942 года: *«Наши части находились в непрерывных боях. Мои друзья по оружию стойко сражались, несмотря на массу трудностей, которые мы испытывали. Участок, занятый дивизией, оказался абсолютно ровной, открытой местностью, что очень затрудняло подвоз боеприпасов и продовольствия, к тому же, неимоверная жара утомляла бойцов...»*

6 ноября 1942 года за спасение 26 бойцов в период с 19 по 23 июля санитарка 60-й армии Воронежского фронта, гвардии старшина медицинской службы Зинаида Тусноло-



бова была представлена командиром полка к ордену Отечественной войны I степени, но была награждена орденом Красной Звезды. Вскоре за этот же подвиг ее наградили орденом Красного Знамени. А всего за 8 месяцев на фронте она вынесла с поля боя 123 раненых.

А теперь задумаемся в сухие цифры статистики. Ибо вынести с поля боя, в условиях реальных боевых действий, одного раненого и доставить его к месту транспортировки в ближайший полевой госпиталь, совсем непросто даже физически крепкому мужчине. Юная Зинаида Туснолобова на своих хрупких женских плечах сумела вынести более сотни советских бойцов.



*Зинаида Туснолобова
в госпитале после операции*



*Зинаида Туснолובה
и Иосиф Марченко*

25 января 1943 года части Красной армии освободили от оккупантов Воронеж, и дивизия, где служила Зинаида Михайловна, начала медленное, тяжелое продвижение в Курскую область. В феврале 1943 года в бою за станцию Горшечное Курской области Зинаида Туснолובה пыталась оказать помощь раненому командиру взвода. Однако пока она ползла к лейтенанту под вражеским огнем, сама была тяжело ранена: ей перебило ноги. В это время фашисты перешли в контратаку. Туснолובה попыталась притво-

риться мертвой, но один из немецких солдат заметил ее и ударами сапог и приклада попытался добить санитарку. Посчитав, что она убита, гитлеровцы пошли дальше.

Ночью подающая признаки жизни санитарка была обнаружена разведгруппой. Ее перенесли в расположение советских войск и лишь на третий день доставили в полевой госпиталь. От сильного обморожения всех конечностей развилась гангрена. За несколько месяцев лечения мужественная санитарка перенесла восемь операций, которые спасли ей жизнь. Увы, вследствие обморожения ей были ампутированы руки и ноги. Так совсем еще молодая, милостивая девушка превратилась в инвалида.

На ее месте практически любой тут же впал бы в отчаяние, посчитав, что жизнь кончена. Но не такой был негибимый характер мужественной Зинаиды. Когда ее состояние немного стабилизировалось, к ней в госпиталь стали приезжать рабочие оборонных заводов, люди, узнавшие о Зине из газет, чтобы выразить свое восхищение, пожелать сил и крепости духа. У многих из них на глазах наворачивались слезы. Как позже вспоминала сама Зинаида, выжить ей в то время во многом помогла книга Николая Островского «Как закалялась сталь».

Во время пребывания в Москве в Институте протезирования мужественная девушка получала множе-

ство писем и на все отвечала. Прочитав однажды письмо майора Корзинкина, сообщавшего о прохождении 1-го Прибалтийского фронта в районе Полоцка, Зина обратилась к воинам фронта с открытым письмом-призывом:

«Отомстите за меня! Отомстите за мой родной Полоцк! Пусть это письмо дойдет до сердца каждого из вас. Это пишет человек, которого фашисты лишили всего — счастья, здоровья, молодости. Мне 23 года. Уже 15 месяцев я лежу, прикованная к госпитальной койке. У меня теперь нет ни рук, ни ног. Это сделали фашисты...»

На это ее письмо, опубликованное в мае 1944 года, Туснолобова получила свыше трех тысяч откликов. Так у юной Зины появилось много друзей и почитателей. А на фронт с Урала отправились пять танков имени Зины Туснолобовой. Вскоре лозунг «За Зину Туснолобову!» появился на бортах многих советских танков, самолетов и орудий. Например, на фюзеляже самолета Героя Советского



Союза Петра Андреева была надпись — «За Зину Туснолобову!»

В январе 1945 года, после двух лет пребывания в госпиталях, Зинаида Туснолобова была готова к выписке, чтобы начать жизнь с чистого листа. С помощью протезов она снова научилась ходить и даже писать ручкой благодаря протезу, крепившемуся к остатку одной из кистей. Вскоре Зинаида вернулась на малую родину, в Полоцк. Благодаря своему невероятному мужеству, стойкости и силе духа она смогла преодолеть все выпавшие на ее долю жесточайшие испытания и физиче-

ские страдания. В первый мирный послевоенный год она вышла замуж за Иосифа Марченко, тоже участника Великой Отечественной войны. Молодые люди были знакомы еще по Ленинск-Кузнецку, но годы военного лихолетья разлучили их. Влюбленные старались часто писать друг другу письма, однако полевая почта работала нерегулярно, письма нередко приходили с опозданиями, а то и вовсе терялись. А потом наступил момент, когда Иосиф Марченко долгое время не получал писем от своей возлюбленной. Он уже не на шутку забеспокоился, ведь сам писал ей часто — но как будто в пустоту. Однако вскоре почтальон вручил ему заветный конверт от Зинаиды. В нем были следующие строки: *«Мой дорогой Иосиф! Не знаю, где, при каких обстоятельствах найдет тебя это письмо. Пишу все, как есть, ничего не утаивая. Обманывать, ты же знаешь, я никогда не умела. Со мной стряслась непоправимая беда: я потеряла руки и ноги. Горько и обидно остаться в двадцать три года инвалидом. Видимо, моя песенка спета. Будь свободным, родной. Поступай, как сочтешь удобным для себя. Не могу, не имею права стать преградой на твоём пути. Устраивай свою жизнь. Прощай...»*

Едва выписавшись из госпиталя после тяжелого ранения, brave лейтенант Иосиф Марченко поехал разыскивать свою возлюбленную. Узнав, что за беда с ней приключи-

лась, он не бросил невесту, а найдя ее, навсегда остался с любимой женщиной. Вместе супруги Марченко сумели устроить свою мирную жизнь и вырастить двоих детей.

Зинаида вела очень активную общественную работу, за годы которой помогла словом и делом тысячам граждан Советского Союза: к ее мнению и слову чиновники всех уровней и ведомств прислушивались.

Спустя годы о мужестве и героизме Зинаиды Тусноловой, проявленные отважной медсестрой во время Великой Отечественной войны, узнавало все больше народу. И в 1957 году ей было присвоено звание Героя Советского Союза. Осенью 1965 года Международный Комитет Красного Креста наградил Зинаиду Туснолову медалью Флоренс Найтингейл, таким образом, она стала третьей советской медсестрой, удостоенной этой почетной награды, которая присуждается медицинским сестрам и братьям за исключительную преданность своему делу и храбрость при оказании помощи раненым и больным.

Ее не стало в 35-летнюю годовщину Победы. Именем Зинаиды Тусноловой в ее родном Полоцке названы одна из улиц города и Полоцкий медицинский колледж.

Открыт для посетителей музей-квартира человека потрясающего жизненного мужества и стойкости... □

Ее любовь хранила, берегла...

Моей маме

Ольге очень хотелось летать. Подобно прославленным летчицам Валентине Гризодубовой, Полине Осипенко, Марине Расковой подняться в небо. А еще стать диктором на радио. Но ни в летное, ни в театральное училище ее не приняли. Расстроенная, она долго бродила по московским улицам, пока на Петровке не наткнулась на табличку «Московский электротехнический институт связи».

«А почему бы и нет?» — подумала она, направляясь в приемную комиссию и тихонько напевая свою любимую «А ну-ка, девушки, а ну, красавицы». Экзамены в институт она сдала на «отлично».

Жизнерадостная, красивая, энергичная, Ольга стала любимицей курса, с ней было легко общаться и дружить. Она режиссировала студенческие спектакли, участвовала в спортивных соревнованиях, прыгала с парашютом...

Но 22 июня 1941 года все рухнуло: фашистская Германия напала на нашу страну. Мирной жизни больше не существовало, пошел отсчет нового, военного времени. Началась Великая Отечественная война. Уже через месяц бомбы стали падать на Москву. Ольга, как и большинство москвичей, не спала сутками, после занятий в институте помогала тете шить солдатские рукавицы, дежурила на крыше своего дома — сбрасывала и тушила зажигательные бомбы, рыла противотанковые рвы под Москвой.

С каждым днем в городе нарастали тревога и напряжение. К середине октября почти все заводы прекратили работу, началась эвакуация госучреждений, поползли слухи о готовящейся сдаче столицы. Многие поспешно покидали Москву, но Ольга уезжать не собиралась. Ей предложили вести занятия в техникуме при институте. Однако судьба распорядилась иначе.

Утром 16 октября Ольга услышала по радио, что немецкие танки находятся в нескольких километрах от Москвы. Она ехала в институт на трамвае, так как метро было закрыто. На улицах царили неразбериха, хаос, паника. Трамвайные пути то и дело перекрывали толпы беженцев, вереницы нагруженного транспорта. Удушливая гарь дымящихся со всех сторон уличных костров врывалась в вагонные окна.

Все занятия в институте были отменены. Во дворе пылал костер — жгли архивы. Возле костра толпились студенты, пытались спасти свои документы.

Ольге повезло, она сразу увидела папку со своей фамилией. Схватила ее и побежала разыскивать друзей-однокурсников.

В пустом актовом зале на крышке рояля сидел худощавый лейтенант в синем комбинезоне с двумя топориками в петлицах на воротнике и с огромной кобурой на боку. Поглядывая по сторонам, он насвистывал какую-то мелодию. Увидев его, Ольга остановилась и рассмеялась — уж очень смешно он выглядел в общей суматохе. Он в ответ улыбнулся девушке. Так произошло их знакомство — они сразу понравились друг другу. Павел, оказавшийся проездом в Москве, заехал повидаться со своим другом, ждал его в зале. Когда тот появился в компании студентов, он предложил всем, не теряя ни минуты, уезжать из Москвы вместе с ним — его военный грузовик стоял во дворе.

Уже в машине, медленно ползущей в колонне по шоссе Энтузиастов — единственной не заминированной дороге, по которой можно было выехать из Москвы, Ольга ругала себя за легкомыслие, согласившись ехать с незнакомцем, неожиданно ворвавшимся в ее жизнь. В одном стареньком пальтишке, с собой ничего не успела взять, даже с бабушкой не попрощалась.

Но расставаться с ним она уже не хотела. В его словах «все будет хорошо, поверь» были искренность, надежность, защищенность. Не поверить им и его сияющим, добрым, благожелательным глазам Ольга не смогла. Согласившись на это безумное путешествие — в полную неизвестность, она ловила себя на мысли, что с Павлом поедет куда угодно, лишь бы быть с ним рядом.

Путь был длинным и долгим в сплошном потоке машин с ранеными, беженцами, с различным грузом, накрытым брезентом. В Казани студенты решили попытаться счастья в местном университете. Прощаясь с Ольгой и понимая, что это, может, навсегда, Павел неожиданно встал перед ней на колени и сказал: «Выходи за меня замуж!»

В Златоуст — пункт его назначения — они приехали уже мужем и женой. Их поселили в маленькой восьмиметровой комнатухе офицерского общежития, где стояли стол с табуреткой да железная кровать. Выдали казенное армейское имущество: постельные принадлежности, алюминиевый чайник, две кружки, две ложки и две миски. Так 5 декабря 1941 года в день победы советской армии под Москвой началась их семейная жизнь.

Ольга стала работать на телефонной станции. Отovarив свою первую рабочую карточку, она отправила посылку бабушке в Москву.

Вскоре Павел вновь был направлен на фронт. Провожая мужа, Ольга положила в левый карман его гимнастерки свой оберег — затертый серебряный рубль, подаренный ей на счастье бабушкой. Ольга никогда с ним не расставалась, считала, что он приносит удачу.

Сберег талисман и ее любимого Павлушу — заслонил от вражеской пули, летевшей ему прямо в сердце. Но об этом она узнает только после вой-

ны и, спустя годы, будет показывать эту монету с вмятиной посередине — бесценную семейную реликвию — своим детям, а затем внукам и правнукам, рассказывать им, как в крошечном аду этот заветный рубль спас жизнь их отцу, деду и прадеду...

Март 1943-го в Златоусте выдался холодным, ртутный столбик зашкаливало за минус 40. На солдатском одеяле Ольгу несли в больницу. Роды начались преждевременно. Ни машин, ни носилок, ни места в переполненных ранеными городских больницах не оказалось. Ей еще повезло: единственная врач загородной больницы, куда Ольгу принесли, пожилая женщина, эвакуированная из Харькова, была опытной акушеркой. Роды оказались очень тяжелыми, кроме йода и бинтов в больнице никаких медикаментов не было.

«Это просто чудо какое-то. — Каждый раз, когда Ольга Иннокентьевна вспоминала об этом, ее глаза озарялись радостными огоньками. — Врач сумела в тех тяжелейших условиях сделать все, чтобы сохранить нам троим жизнь. К сожалению, я даже имени ее не знаю. Моя благодарность ей безмерна. Я потеряла очень много крови, к тому же, положение детей было неправильным. Если бы не она...»

— Двойню будем рожать, голубушка, — ласково и как можно спокойнее сказала тогда врач. Ольгу охватили страх и паника: ей одного-то ребенка завернуть и положить было не во что. А тут двое!

Серое солдатское одеяло разрезали пополам, армейские простыни и наволочки разорвали на пеленки, и так она, голодная, обессиленная, едва держащаяся на ногах, вынесла своих крошечек на лютый уральский мороз...

— Дети меня спасли, — говорила о том времени Ольга Иннокентьевна. — О себе думать было некогда. Мне о них думать надо было. Где положить, во что завернуть, чем кормить? Молока у меня не было, разжевывала кусочки хлеба, заворачивала в тряпочку и давала им сосать.

Кто-то посоветовал ей кормить девочек пережаренной мукой, немного молока выделили на кухне детского питания, эвакуационный центр помог с пеленками и распашонками, даже корытце и марганцовка для купания малышек нашлись.

— Люди были тогда намного добрее, отзывчивее, — рассказывала Ольга Иннокентьевна. — Отдавали последнее, стараясь помочь друг другу всем, чем могли.

Но надеялась она всегда только на себя. Своих дочек никому не доверяла, боялась выпустить из рук.

Осенью 1943-го Ольга неожиданно получила ответ на свой давний, уже забытый в заботах о детях, запрос в Москву. Ее вызывали для продолжения учебы в институте.

Проходящие переполненные поезда в Златоусте брали штурмом. Ее впихнули в вагон, помогли протиснуться к открытому окну, через которое провожавшая Ольгу женщина передала ей дочерей.

До Москвы доехали не сразу. В Куйбышеве их вагон отцепили. Зал ожидания был битком забит пассажирами. Начальник станции, увидев ее с двумя орущими свертками на руках, предложил угол за занавеской, где работал местный художник — рисовал портреты членов Политбюро к ноябрьским праздникам. Десять дней, проведенные на вокзале, показались вечностью. И художник еще каждый день донимал: «Отдай, да отдай мне ту, которая поспокойнее, — Наташеньку. Все равно двоих до Москвы не довезешь, — то и дело говорил он. И продукты приносил, и козу привел, продолжая твердить: «Отдай! Не передумала?»»

Нет, она не передумала, не отдала. Обеих, вопреки всему, здоровыми привезла в Москву.

— Не представляю, как это свое дитя, свою кровиночку кому-то можно отдать. — Говорить об этом без волнения Ольга Иннокентьевна никогда не могла. — Мне было очень трудно с ними. От голода девочки орали день и ночь, в два голоса сразу. Уложить их спать, уgomонить было настоящей мукой. Одну держала на руке, другую клала на колени, пытаюсь убаюкать, а они орали и орали...

О рождении дочерей-двойняшек Павел узнал из заветного фронтового треугольничка в самом пекле битвы под Курском. Радостное известие ошеломило его, такого поворота судьбы он никак не ожидал. Ребенок был очень желанным для него, неважно, кто — мальчик или девочка. Но чтобы сразу двое! Еще не представляя себя в роли отца, Павел мысленно был там, на Урале, с ними троими, самыми дорогими и любимыми. Он должен выжить в этой мясорубке, он должен увидеть своих дочерей!

9 мая 1945 года в 6 часов утра по радио передали сообщение о капитуляции Германии. Ольга выбежала во двор, полный ликующих и кричащих людей: «Ура!», «Победа!»

В том же сорок пятом году она с отличием окончила институт и получила диплом инженера-экономиста.

— Все эти годы я думала только об одном, — вспоминала Ольга Иннокентьевна, — как мои девочки встретятся со своим отцом, как он будет им рад.

Они встретились. Но не в победном 45-м в Москве, а в 47-м в Германии, где Павла оставили служить после окончания войны. Увидев двух одинаковых девчушек в одинаковых сереньких шубках и меховых шапочках, бодро спрыгивающих с подножки вагона, Павел впервые в жизни растерялся. А те при виде незнакомого дяди, крепко обнимающего и целующего их маму, громко заплакали в два голоса на весь берлинский вокзал.

Так они стояли, рассматривая друг друга, пока та, что побойчее, Надюша, не подошла к нему и, шмыгая носиком, не спросила:

— Ты, правда, наш папа?

— Правда, — ответил майор, протягивая малышкам руки.

Там, в Германии, у них родилась еще одна дочь — Танечка.

Вернувшись в Москву, Павел продолжал служить в армии, а Ольга — успешно работать по специальности. Она рассчитала рентабельность проекта первой линии автоматизированной обработки почты, которая была установлена на московском Главпочтамте в середине прошлого века, экономически обосновала эффективность применения цифровой системы связи, которой сегодня пользуется весь мир.

Шли годы, уже и бриллиантовая свадьба была отпразднована. Каждый год в день Победы у Павла и Ольги обязательно собиралась за столом их большая дружная семья. Он по-прежнему приглашал свою Олюшу на турвальса, а она читала любимому Павлуше свои стихи.

О мгновенно принятом осенью 1941 года решении Ольга ни разу не пожалела. Их внезапно вспыхнувшее чувство закалилось войной. Их любовь выдержала все испытания. Они выстояли в то лихолетье и победили в борьбе за жизнь, за будущее своих детей и внуков.

Лучшие дни его молодости

Моему отцу

На него дважды приходила похоронка. Но в смерть весельчака-одессита, души любой компании Пашки никто не верил. А материнское сердце даже не впускало в себя эту трагическую весть, выстукивая без конца: «Жив, жив твой Павка! Жди!» И она верила. Ждала и молилась. И дождалась...

Он спрыгнул с подножки медленно подходящего к перрону поезда и бросился к ней навстречу. А она, маленькая, сгорбленная, растерянная, без конца смахивала дрожащей рукой набегающие слезы и не могла поверить, что возникший перед ней офицер — совсем уже взрослый, отпустивший, как когда-то его отец, усы — ее долгожданный сыночек, которого она помнила босоногим, с вечно разбитыми коленками. Живой! Невредимый!

Без единой царапины! С погонями майора на военном кителе, увешанном орденами и медалями.

Рядом с ним, сияющим, радостным, вышла из поезда молодая красавица-жена с малышкой на руках и двумя дочурками-близнецами постарше. Он и тут сумел отличиться...

Родственники и друзья подхватили его на руки и так, утопающего в море цветов, среди которых его, небольшого роста, худощавого, и видно-то не было, одни только горящие счастьем, озорные глаза, несли до самого дома под восторженные приветствия прохожих. Наконец-то, он дома, на родной земле, где каждый кустик знаком с детства. На его ласковой, хлебосольной Украине, где он не был целых десять лет...

Нам, дочерям, о войне отец, кадровый военный, рассказывать не любил. Мы и после войны еще долго месяцами не видели его. То он строил один военный аэродром, то другой. То прокладывал в непроходимых местах дороги.

К боевым наградам прибавлялись награды трудовые. А в редкие часы его пребывания дома все наши просьбы рассказать о том, как он воевал, по-прежнему оставались без ответа или наталкивались на скупые короткие фразы:

— Никаких подвигов я не совершал. Я просто выполнял свою работу, защищал Родину. И эту работу старался делать как можно лучше...

Родился он в крестьянской семье в украинском селе Вытягайловка, где все друг другу были родственниками, и фамилия у всех была одна и та же — Вытягайловские.

Отца он помнил плохо. Вернувшись инвалидом с Первой мировой войны, он умер рано, оставив на руках жены троих малолетних детей.

Жили впроголодь. Хлеб, и тот был большой редкостью, пока Пашка не подрядился разгружать мешки с мукой в соседней пекарне. За это он получал от хозяина буханку свежесыпеченного черного хлеба, с которой, сломя голову, несся домой, чтобы вручить ее маме, чем очень гордился в свои двенадцать лет. Чувствуя себя ответственным за семью после смерти отца, видя, как нелегко было матери, Павел старался помогать ей во всем. После окончания девятого класса он пошел работать и параллельно учился на рабфаке.

Жажда деятельности его обуревала. Он мог стать врачом — ему очень хотелось вылечить больную маму. Или художником — он хорошо рисовал. Или инженером — он любил технику и прекрасно в ней разбирался. Поваром, наконец...

Но одной из самых привлекательных в те годы была профессия военного. Военизированный дух времени наполнял повседневную жизнь. Маршевые песни Дунаевского из популярных кинофильмов моментально подхва-

ывались и пелись повсюду. Пашка тоже, не переставая, напевал себе под нос: «Эй, вратарь, готовься к бою! Часовым ты поставлен у ворот». Не попробовать себя в этой профессии он просто не мог...

В 1938 году Павел поехал в Москву поступать в военное училище. Конкурс был большой. Он очень обрадовался, когда в списке счастливицов, принятых в московское Военно-инженерное училище, увидел свою фамилию.

Учился Павел на одни пятерки... А в начале января 40-го, после досрочной сдачи выпускных экзаменов, новоиспеченного лейтенанта прямо из учебных классов отправили на войну — Финскую, где он и получил свое боевое крещение, прорывая знаменитую «линию Маннергейма».

Зима в Финляндии в тот год была лютой. Температура воздуха падала до минус 45 градусов. В густых лесах было много снега, идти по которому можно было только на лыжах. За нашими бойцами охотились финские снайперы.

В саперном взводе, которым командовал Павел, оказались в основном пожилые рабочие с калининских заводов, которые ему в отцы годились. Они не только не знали, как обращаться с минами, но и винтовки-то в руках держать как следует не умели. Ему приходилось учить их прямо на передовой.

Через три месяца эта, как ее называли, «зимняя», а для Павла — его первая война, закончилась.

Они вышли из окопов. Тишина. Солнце светит. Белый снег искрится. Ослепленные бескрайней белизной, они разлеглись на льду Финского залива, наслаждаясь окружающей красотой...

Вскоре батальон Павла погрузили в товарные вагоны и перебросили в Латвию, а затем — в Белоруссию.

Обычная армейская жизнь текла спокойно. Жили в палатках. Строили землянки, блиндажи, укрепляли огневые позиции. Под Полоцком батальон получил приказ готовить инженерные сооружения для учений высшего командного состава Белорусского военного округа, которые были назначены на июнь.

По завершении работ Павлу, заядлому футболисту, поручили организовать футбольный матч. Команда, в которой он был полузащитником, одержала победу. Усталые, но довольные легли спать.

А на рассвете их разбудил свист авиационных бомб. От взрывов земля вставала дыбом. Так, 22 июня 1941 года, с первым налетом фашистской авиации началась для Павла Великая Отечественная война...

— Горько вспоминать, но люди, застигнутые врасплох, бежали, кто в чем и кто куда, — рассказывал он внимательно слушавшим его школьникам. — С самолетов строчили пулеметы. Убитых и раненых было много. Я успел схватить сапоги и форму. Одевался в каком-то овраге. Командиры начали собирать своих солдат. Уже к вечеру нас отправили в Минск для восстановления и укрепления оборонительной полосы...

Осенью Павла откомандировали в Москву. Там ему присвоили очередное звание и направили начальником военных ремонтных мастерских на Урал, в Златоуст. Но Павел рвался на фронт и добился своего.

С лета 1942 года он в составе 14-й Новгород-Северской инженерно-саперной бригады 65 армии 2-го Белорусского фронта, которым командовал Константин Рокоссовский, теснил немцев с Брянщины, прошел мясорубку Курской дуги, форсировал Днепр, снова шел по белорусской земле, которую немцы превратили в сплошное минное поле, освобождал Варшаву, прорывался в неприступную крепость Кенигсберг...

После окончания войны его оставили служить в Германии еще на 2 года.

На вопрос, где было труднее всего, он отвечал:

— Трудно было везде. Война — очень опасная и тяжелая работа. А в работе сапера даже малейшая оплошность грозит смертью. Мы были все время на передовой. Приходили первыми, уходили последними, обеспечивая продвижение наших войск вперед. Немцы не давали нам продыху ни днем, ни ночью. Мы строили, а они тут же разрушали. Мы снова строили — они снова рушили. И так без конца. А от меня все требовали: «Быстрее, крепче, надежнее!» Действовать приходилось по ситуации.

По ситуации... Сколько раз он и в болоте увязал, и бросался в ледяную воду, чтобы вытащить рухнувшую с переправы повозку или грузовик, спасая боеприпасы, брал в руки и лопату, и лом, заменяя под ураганом свистящих пуль убитых или раненых солдат, сам устанавливал мины. Однажды в Белоруссии из-за этих мин, вовремя не подвезенных на передовую, командир полка сгоряча приказал расстрелять его. Уже был взведен курок, но связной успел прибежать с сообщением об отмене приказа: наши снова пошли в наступление, мины не потребовались.

— А орденам и медалям, которые ты получал, был рад? — спрашивал его внук.

— Было как-то не до этого. Никто о них тогда особенно и не думал. Главное было разбить врага, прогнать его со своей земли, защитить свой дом, своих родных. Это был наш долг, и мы его выполнили до конца.

...Сколько построено им во время войны переправ и мостов, установлено и разминировано мин, вырыто землянок и блиндажей, взорвано и сооружено дотов и дзотов, сколько километров гатей проложено по труднопроходимым болотам, топям — и все это под непрерывным огнем противника, — не подсчитано никем.

Зато сам Павел точно знал, что страшная и кровавая Вторая мировая война вырвала из его жизни 1460 самых лучших дней его молодости, вспоминать которые ему было тяжело до самых последних дней его долгой жизни.

Благодарную память о нем хранит музей одной из московских школ в центре столицы. □

СМЕРТИ У ХРАБРЫХ НЕТ



В истории мировой авиации сохранилось немало имен летных асов. Нам известны фамилии многих летчиков, как отечественных, так и зарубежных. Мы знаем, что Кожедуб в 1943 году совершил 146 боевых вылетов, сбил 20 самолетов. А. Покрышкин в том же году совершил 354 боевых вылета, принял участие в 54 воздушных боях и сбил лично 13 самолетов и 6 самолетов в группе. А вот о Георгии Глотове или совсем не упоминается, или очень редко...



В Добринском районе затерялось небольшое село Отскочное. Здесь в крестьянской семье Федора Федоровича Глотова в 1913 году и родился сын, которого в честь Георгия Победоносца нарекли Георгием. Семья была большая — девять детей, и глава семьи не успевал плести для них лапти. Родители часто называли Георгия Егором, а ровесники — Ерой или Еркой. Лапти снашивались быстро, но вместо новых отец сплетал всего один. Вот и щеголял Ерка в разных лаптях — один новый, другой старый. А дочки мест-

ного священника заметили это и стали дразнить его «разнолапотным». Конечно, если бы это были мальчишки, не так было бы обидно. А здесь — девчонки. И однажды Ерка не сдержался и начал таскать поповских дочек за косы. Те в слезы и батюшке пожаловались. Священник, встретив Федора Федоровича, начал упрекать его. Придя домой, отец устроил сыну выволочку. Об этом случае Георгий Федорович частенько рассказывал летчикам между боями, вспоминая свое детство. И при этом замечал,



Снимок сделан 21 марта 1942 года в тот момент, когда командир эскадрильи Георгий Глотов рассказывал летчикам Василию Гнееву и Ивану Чемоданову о том, как он атаковал и сбил «Мессершмитт-110»

как он слезно умолял отца сплести новые лапти, а тот только руки в сторону отводил — мол, не до тебя с твоими лаптями...

Окончив школу, Георгий Глотов решил стать педагогом и поступил в Усманский педагогический техникум. Добирался до города и обратно домой пешком. Однажды на скромную стипендию приобрел новенькие лакированные ботинки, но ходить в них можно было только в техникуме. Вот здесь как раз и пригодились отцовские лапти, которые он сплел ему перед поступлением на учебу. Чудоботинки Георгий обычно заворачивал в газету и нес под мышкой, а весь путь до околицы родного села проделывал в лаптях. Удобно не только ногам, но и веселее в них шагать.

Там надевал ботинки, а лапти заворачивал в газету...

В то время все мальчишки мечтали быть похожими на Чкалова, Байдукова, Громова, Водопьянова. Не избежал этой участи и Георгий. После окончания техникума он по путевке воронежского областного комитета комсомола в 1936 году поступил в авиационное училище, и по его окончании начал службу в авиационной части Ленинградского военного округа.

Время было суровое: началась советско-финская война. Принял в ней участие и Глотов. Свой первый боевой вылет он совершил 31 ноября 1939 года. Воевал в 7-м истребительном авиационном полку. Летал на И-153. Восьмого марта 1940 года

младший лейтенант Готов южнее Лаволы открыл свой боевой счет, сбив финский «Бленхейм», а на следующий день — новая победа, на этот раз истребитель. Первый он сбил лично, а второй — в паре. 13 марта 1940 года военные действия завершились...

Он был одним из первых, кто встретил тот страшный день — 22 июня 1941 года. Заместитель командира эскадрильи по летной части 158-го истребительного авиационного полка лейтенант Готов вскоре стал одним из лучших асов. 29 июня в районе станции Ритуппе на И-16 (летчики называли истребитель «ишачком») он открыл «свой» счет: в этот день был сбит Ю-88. А через месяц — новая победа в районе Домашева, позже в районе Сабска от метких пуль Глотов нашел погибель экипаж другого Ю-88. 28 июля командир полка майор Афромеев и комиссар Журавлев подписали наградной лист на лейтенанта Глотова, где отмечалось, что «за время войны с германским фашизмом проявил себя инициативным, мужественным командиром-летчиком, беспредельно преданным социалистической Родине. Умело ведя в бой подчиненных, искусно маневрируя и правильно используя огонь, неоднократно выигрывал сражения с противником. За время военных действий имеет 54 боевых вылета с налетом в 37 часов 25 минут. В воздушных боях сбил два самолета «Юнкерс-88» и один разведчик. Все приказы командования выпол-

няет с большим чувством ответственности за порученное ему дело, всегда доводя его до конца. Среди личного состава пользуется заслуженным авторитетом».

Вскоре грудь Глотова украсил орденом Красного Знамени. Затем последовали новые победы. 19 августа над городом Чудово разгорелся воздушный бой. Все попытки немцев сбросить бомбы на позиции советских войск окончились полным фиаско.

В сентябре георгия Глотова перевели в 17-й истребительный авиационный полк Северо-Западного фронта, где он воевал до января 1942 года. Затем сражался в составе 154-го истребительного авиационного полка.

Враг имел преимущество в воздухе. Нашим летчикам приходилось по несколько раз подниматься в небо, отражая налеты самолетов с черными крестами на крыльях. 154-м полком командовал майор А.А. Матвеев. Трудная задача стояла перед ним и его соединением. Наши летчики прикрывали путь гитлеровцам к Ленинграду с востока. Жестокие воздушные бои разгорелись в районе Кордыни, Смердыни, Виняголово, Погостье, Кондуя. Земля сотрясала от взрывов снарядов, а в небе в воздушной «карусели» гремели выстрелы...

Особенно тяжелым для летчиков выдался март 1942 года. Быстро заправляли самолеты горючим, набивали патронами пулеметы, и снова в небо. Девятого марта командир

первой эскадрильи старший лейтенант Глотов прикрывал наступление пехоты. Немцы бросили на бомбежку в сопровождении истребителей большую группу «Юнкерсов». Воздушный бой разгорелся в районе болота Соколий Мох.

Наши летчики так и не дали гитлеровцам сбросить бомбы на головы нашей пехоты. В этом воздушном бою враг потерял два самолета. Один из них, Ю-88, подбил лично Глотов, второй — его ведомые. Тяжелым выдался для наших авиаторов и следующий день. Восточнее местечка Бараки Георгий Федорович подбил Хш-126. 16 марта Глотову довелось дважды подниматься в воздух. И в этот день от его метких выстрелов нашли верную смерть экипажи Хш-126 и Хе-113. На следующий день он вновь сбил два самолета гитлеровцев, которые навсегда «успокоились» в районе болота северовосточнее местечка Бараки и западнее Виняголово навсегда упокоились экипажи двух Хе-113. Через день в районе болота Ковригина Гладь он меткими выстрелами поджег Ю-88. 21 марта в районе городка Остров Георгий Федорович одержал новую победу: к земле на этот раз устремился Ме-110...

В конце марта по ходатайству командира полка Матвеева и комиссара Сяина Глотов был награжден орденом Красной Звезды. В наградном листе отмечалось, что Глотов «... отличный летчик-истребитель.

Летает на самолетах: И-15, И-16, И-153, Як-1, Р-40. Общий налет за период его летной работы — 870 часов, 1939 посадок... Он участвовал в 26 воздушных боях, им лично сбито 6 самолетов противника, и этот счет растет ежедневно... За образцовое выполнение боевой задачи, поставленной командованием и умелое руководство выдвинут на должность командира эскадрильи...»

Счет подбитых гитлеровских самолетов действительно рос. 30 августа 1942 года он одержал в районе станции Назия и станция Жихарево сразу три победы. В этот день им были сбиты три Ме-109.

Он сражался в составе 159-го авиационного истребительного полка, а затем капитан Глотов вновь вернулся в родной 158-й полк. Довелось ему летать и на «Киттихауке», и на Р-40, вооруженными «эрэсами». Порой не хватало самолетов, приходилось даже ждать очереди.

А вскоре командование представило Глотова к новой награде — ордену Ленина. В наградном листе отмечалось, что за период его командования эскадрильей было произведено 209 боевых вылетов, проведено 28 воздушных боев с противником, сбито 16 самолетов противника...

16 августа 1942 года на груди Глотова засверкал орден Ленина. Это была его последняя награда. Двадцать девятого сентября 1942 года в районе разъезда Боры развернулся

ожесточенный воздушный бой. Рев моторов, стрекот пулеметов, разрывы снарядов. В этом бою Георгий Федорович одержал очередную победу — к земле устремился Ю-88. 30 сентября выдался, как обычно, летным днем. Правда, наступили заморозки, с каждым днем холодало все больше. Но наши летчики были готовы к выполнению очередных боевых заданий «бати» Матвеева. Они знали, что в Сталинграде ведутся ожесточенные уличные бои, а им здесь приходится «прохлаждаться». В этот день в небо вновь взмыла эскадрилья Глотова. Вскоре появились самолеты с черными крестами. Бомбардировщики шли в сопровождении истребителей. Бой обещал быть жарким. Наши летчики атаковали врага. Несколько бомбардировщиков, дымя шлейфами, устремились к земле. Внизу было Синявино, и пехотинцы наблюдали за этим боем. Неожиданно ведомый Глотова был атакован гитлеровцем. Георгий Фе-



Георгий Федорович Глов

дорович как опытный летчик знал, что самый страшный удар в воздушном бою — это удар сзади. В любую минуту ведомому грозила неминуемая смерть. Как командир он не имел права рисковать, но мог погибнуть молодой летчик, и капитан Глов бросился ему на помощь. В это время другой немецкий истребитель уже заходил в хвост командира эскадрильи. Поймав в прицел немецкий истребитель, Глов нажал гашетку пулемета. Дымя, самолет с черными крестами отвалил от ведомого и устремился к земле. Это была последняя победа героя — истребитель, подкравшийся к самолету командира эскадрильи, сумел поджечь его самолет. Так погиб Георгий Федорович Глов, спасая своего бойца. Его спас, но сам спастись не успел... □

Диверсанты

Всем детям, опаленным войной, посвящается.

Дело было в селе Вязовка, что под Сталинградом, на левом берегу Волги, в канун переломной битвы 1942 года, когда решалась судьба всей Великой Отечественной войны. Семья нашей маленькой героини Люды с трогательной фамилией Душа находилась в эвакуации в этом селе: сама она, ее мама, три старших сестры и новорожденный брат. Напротив их дома, через дорогу, в бывшей школе располагался госпиталь. Четырехлетняя Людмила, ее сестры и другие дети все время проводили там и, чем могли, помогали раненым красноармейцам. Они разговаривали с ними, читали стихи, перевязывали раны и выполняли другие поручения. Солдаты были очень дружны с детьми, просили приходить почаще, и угощали их сахаром из своих пайков.

Однажды они попросили детей принести им палки, чтобы можно было ими отбиваться.

— От кого вы тут, в больнице, решили отбиваться? — недоуменно спросили дети.

— От диверсантов, — угрюмо ответили красноармейцы, вытаскивая из-под кровати огромную убитую крысу.

Оказывается, с поля боя везли столько раненых солдат, что в госпитале кроватей для них не хватало, и многие просто лежали на полу. Большинство бойцов были в очень тяжелом состоянии, из их ран текла кровь, на запах которой крысы прогрызали норы и пробирались в палаты. После этого утром раненые обнаруживали, что у одного отгрызено ухо, у другого часть носа и так далее. Палки, принесенные детьми, стали именно тем оружием, которым раненые солдаты стали уничтожать этих кровожадных и ненасытных «диверсантов».

Но была и настоящая диверсия со стороны фашистов. Однажды, темной ночью, они сбросили на парашютах мышей, зараженных туляремией.

Среди населения началась эпидемия этой страшной болезни, из десяти зараженных выживало только четверо. Мать Людмилы подвешивала на дерево хлеб в сумочке на веревке, но наутро на его месте все равно оказывалась куча мышей. Они были повсюду. Это было целое нашествие больных мышей, которых мертвыми каждое утро мать Людмилы убирала целыми кучами. В результате, она заболела этой гадкой туляремией и скончалась в больнице....

Наступил самый сложный период для этой многодетной семьи, когда четверо малолетних детей остались один на один с суровой реальностью. Вся тяжесть семейных забот легла на плечи одиннадцатилетней Лизы. Она теперь топила печь в доме, стирала, убирала, присматривала за своими младшими сестрами и братом. Раненые солдаты делились с детьми своими пайками, чем в трудную годину спасли от голода и смерти их семью.

Эту фашистскую диверсию, этот ад и лишения Душа Людмила запомнила навсегда. Кто-кто, а она-то знает настоящую цену Великой Победы и пронесла ее через всю свою жизнь.

А когда в 1970 году 9 мая у нее родилась дочь, она, не задумываясь, назвала ее Викторией.

Да.... Такой народ победить невозможно, ибо душа его божественна, а помыслы всегда чисты....

Песня

Всем детям, опаленным войной, посвящается...

— Боже мой, как это было давно... Практически вся жизнь пролетела как один день, а вот память, это странная штука, заставляет меня вновь и вновь возвращаться в то военное прошлое, которое совпало с моим детством, — начала свой рассказ моя мама, живой свидетель той безумной, страшной и кровавой войны, которую развязал в прошлом веке буржуазно германский фашизм против Советского государства рабочих и крестьян.

— Мама! Ведь это было более семидесяти лет назад, да еще в прошлой жизни, — возразил я ей.

— А я вот тебе расскажу один случай из моего детства, а ты попробуй найти в этих общечеловеческих ценностях различия между тем, что было тогда и что сейчас происходит в этих войнах современного буржуазного мира, — обратилась она ко мне, начиная свое повествование.

Шел 1942 год. В оккупированном Крыму и, конечно же, в нашей деревне господствовала «новая» власть фашистской Германии. Фашисты с местным населением обращались как с рабочим скотом, считая всех нас, от мала до велика, второсортной низшей расой, которая только обязана работать на них да обслуживать их интересы. Правда, среди них попадались отдельные солдаты, которые попали на фронт помимо своей воли. Они не хотели войны и не хотели никого убивать, но были вынуждены подчиниться жестокой подавляющей фашистской государственной машине Третьего рейха. Таким, например, запомнился немецкий повар, толстый добряк в очках, который при каждом удобном случае, пока не видели сослуживцы, старался нам, голодным детям, что-нибудь подсунуть из еды, приговаривая плохо по-русски:

— Фойна плехо, я погибать, тома у меня такой же киндер. Фойна плехо, я погибать, кушай, кушай...

Однако это было исключением из общего правила, а так мы, маленькие дети, просто напросто раздражали германских солдат, пропитанных геббельсовской пропагандой, и потому старались как можно реже попадаться им на глаза. Зато румыны, в отличие от немцев, не были заносчивыми и раздражительными, но вели себя нагло и развязано, в особенности по отношению к молодым девушкам.

Здесь их донжуанству не было предела, вплоть до пустых обещаний жениться и увезти в Румынию, играя на теме спасения от угона их в Германию.

Так вот, именно с румынскими солдатами произошла та история, о которой я не могу забыть на протяжении всей своей жизни и которая заставляет меня смотреть на современный мир сквозь призму Великой Отечественной войны и моего голодного обворованного детства.

На окраине деревни в нашем доме квартировались румынские солдаты. Моя же мама, хозяйка дома, и ее сестра, с нами, с маленькими детьми, ютились рядом в пристройке с буржуйкой да двумя наспех сколоченными нарами, на которых были матрацы и подушки, набитые обыкновенной соломой. Рыскающие крысы и постоянный голод были вечными спутниками нашей оккупационной жизни. Мне на всю жизнь врезалась в память картинка, когда мой годовалый брат Сережа, страдающий из-за постоянного недоедания рахитом, сидел голенький на этих нарах и собирал не доеден-

ные крохи хлеба, а за стеной горланили до утра пьяные, сытые, не званые румыны. Голод не тетка, он заставлял нас, пятилетних детей, искать различные способы для выживания. Но что могли малыши? Разве что рассказать стишок или спеть песню. Вот мы с сестрой это и делали для румынских солдат, за что они нам давали хлеба, а иногда в поощрение плитку немецкого черного шоколада. Однажды с нами увязался наш двоюродный брат Николай, которому, так же как и мне, было пять лет и которому, как и нам, очень хотелось кушать, а если повезет, то получить такую же плитку шоколада. Он заикался от рождения, а когда волновался, то это приобретало ярко выраженный характер. Конечно же румыны это подметили да заставили его кроме стиха спеть еще и песню. Маленький мальчик старался изо всех сил, но от волнения заикался все больше и больше. Зато румыны от такого речевого дефекта получали удовольствие и гоготали так, что весь дом от этого ходил ходуном.

— Пой лучше, а то не получишь шоколад, — особенно резвился один из оккупантов.

Николай старался, но чем больше он это делал, тем хуже у него получалось, а это еще больше распяляло совсем одуревших от смеха румын.

— Споешь не запинаясь, как Аня и Вера, вот тогда и получишь свой шоколад, — не унимался солдафон, издеваясь над мальчишкой, — а пока эту плитку отдаю девчонкам.

Горькими слезами взახлеб рыдал малыш, а грохот вражьего смеха продолжал сотрясать стены. В этот миг мы с Верой одновременно поднялись и каждая, отломив от своей половинки еще половинку шоколада, молча протянули его плачущему Николаю. От такого детского непосредственного поступка в комнате воцарилась гробовая тишина, от которой каждый из присутствующих взрослых мужиков почувствовал себя круглым идиотом. Перекинувшись между собой по-румынски, они стыдливо выставили нас на улицу, после чего наши уроки пения закончились навсегда. Зато какой урок дружбы и единства получили оккупанты от голодных, беззащитных маленьких детей, а ведь это дорогого стоит, больше чем любая власть и деньги, больше чем любые армии мира, вместе взятые. Никакой захватчик никогда не сможет победить такой народ.

— Вот теперь, сынок, найди различие между той войной и сегодняшними войнами, — закончила мать и, подумав, добавила, — Я уверена, что они одинаково губительны во все времена ...

Поцелуй смерти

Моему отцу, коммунисту,
участнику боевых действий, посвящается...

Стояла сухая, теплая крымская осень 1941 года. Все было, как всегда, листья на деревьях пожелтели, трава на полях вокруг деревни посохла, а в небе слышалось печальное курлыкание улетающих на юг журавлиных стай. Печаль уходящего лета была бы естественной, если бы не одно «но». Тревога стояла не только в раскаленном солнцем воздухе, она нависала над всем крымским полуостровом, над деревней Калининдорф, проникая в души селян одним страшным словом «война». Война была уже близко, где-то под Перекопом, и раскаты оружейных залпов, авиабомбежек все четче и громче отдавались эхом по всей деревне. Шла внеочередная мобилизация молодых ребят, которым исполнилось 18 лет, а так же добровольцев. Необходимо было срочно спасти фронт...

Баянист, молодой сельский парень, весело растягивал меха, выдавая все новые и новые песни да кадрили. Собралась вся деревня Калининдорф. Молодежь есть молодежь, она веселилась как всегда, а старики и родители ребят молчали и плакали, понимая всю глубину постигшей их трагедии.

— Мама, перестань плакать. — успокаивал, обнимая мать, Михаил, самый старший брат Степана. — Красная армия сильна, мы разобьем фашистов и я вернусь!

— Нет, сынок, это надолго, — уткнувшись в грудь сына и горько плача, причитала мать. Она уже проводила на фронт мужа, теперь вот провожает сына, а остается одна с семьей маленькими детьми.

Степка был вертлявый и непоседливый мальчишка тринадцати лет, он крутился возле брата с матерью и все слушал. В этот момент он вспомнил одну историю, когда в пятилетнем возрасте выучил наизусть четверостишие А.С. Пушкина:

*«Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах».*

Брат Михаил пять километров нес его на плечах в школу и обратно, чтобы он, Степка, смог рассказать его на утреннике. Он очень любил бра-

та и всегда им гордился, поэтому слезы сами собой наворачивались на глаза...

Прошло три дня... В доме, на окраине села, поздно вечером раздался стук в дверь. Мать, оставив стряпню на печке, бросилась ее открывать.

— Миша! Миша! — только и смогла выдавить из себя бедная женщина.

На пороге стоял весь грязный, оборванный, пропахший порохом и дымом, ее любимый сын, ее кровиночка, ее Михаил.

Вся семья собралась вокруг него и всю ночь напролет слушала его рассказ о том, как они, комсомольцы, необстрелянные бойцы Красной армии, сдерживали натиск врага на узком крымском перешейке под Ишунем. После очередной массивированной бомбежки и наступления врага они были почти полностью разбиты, но в этот момент подошла помощь — рота моряков из Севастополя. Оставшимся в живых молодым бойцам дали время для отдыха и передышки. Командир, предвидя исход битвы, разрешил своим бойцам из близлежащих сел до утра проститься со своими родными.

Это было их последнее свидание...

Утром колхозный трактор с прицепом собрал всех молодых бойцов и новых добровольцев. Теперь, уже без музыки и веселья, они прощались навсегда со своими близкими и родными, теперь они знали, что их дорога лежит только в один конец.

— Прощай, мама! Прощайте, мои братья и сестры! Не забывайте меня! — напоследок прокричал Михаил, размахивая рукой из прицепа уезжающего трактора.

На следующий день раскаты грома со стороны Перекопа только усилились. Сельские мальчишки, Степкины ровесники, собрались для обсуждения событий, происходящих в последние дни. Конечно же, всех, в первую очередь, интересовала судьба их односельчан, среди которых были их старшие братья, отцы и просто знакомые. Так, на этой импровизированной сходке было принято единственно, как казалось всем, правильное решение — бежать на фронт под Ишунь, чтобы увидеть все происходящее своими глазами, чтобы оказать помощь своим родным и вступить в бой с проклятыми фашистами. Конечно же Степка был заводилой и инициатором этого святого дела. Он уверял всех, что по прямой линии от Калининдорфа до Ишуни расстояние, примерно, 15-20 километров, и они смогут преодолеть его за 3-4 часа. Оружие и прочую амуницию заберут на поле боя у погибших красноармейцев и фашистов. Он говорил так убедительно, что все остальные его тут же поддержали. Поход наметили на утро следующего дня.

Рано утром, пока еще не взошло солнце, друзья, тайком от всех, отправились в путь. Степка оказался прав, через 4 с лишним часа бега и быстрой ходьбы они оказались под Ишунем.

Стояла тишина и только за бугром, над следующим полем, каркая, парила в небе тьма черных ворон. Ребята гурьбой ринулись туда. Когда они взбежали на бугор, их взору открылась страшная картина прошедшего утром боя. Все поле было усеяно телами фашистов и моряков Черноморского флота. В воздухе стоял смрад из смеси крови и пороха. Тела убитых были сплетены в смертельной рукопашной схватке. Было видно, что моряки полегли все, но не отступили, а количество врагов, лежащих рядом с ними, превосходило их количество вдвое. Ужас всей картины довершала армия черного воронья, которая с дьявольским остервенением выклевывала открытые глаза героев и их врагов. Оцепенение охватило ребят от увиденного.. Первый раз в жизни Степка чувствовал, как его волосы на голове встают дыбом, а сердце, детское сердце, колотилось в груди так, что, еще мгновение, и оно разорвется на части. Это был шок, переходящий сначала в испуг, а потом в какой-то животный страх. Впервые в жизни дети увидели смерть и заглянули ей в глаза...

Дорога назад была быстрой и стремительной. Подавленные и охваченные ужасом, дети неслись домой, как угорелые. Прибежав в село, они молча разошлись по домам.

Утром следующего дня, не сговариваясь, снова собрались вместе — у каждого в руках была лопата. Так же не сговариваясь, под грохот наступающей канонады, они ринулись вновь на Ишунь. Хотя им было страшно, ребята не могли оставить своих героев-моряков лежать на поле просто так, на радость черному воронью. Однако прибыв на место сражения, они увидели, что на поле, кроме рыскающего воронья, никого не было. У местных жителей ребята узнали, что фашисты трупы своих солдат убрали еще вчера днем, а тела наших моряков ночью тайком унесли жители Ишуня и захоронили.

Так Степка и его друзья узнали по-настоящему, что такое война... Слезы катились по их щекам, но, в то же время, рождалось в груди чувство ненависти, гнева и брезгливости к наступающему врагу, к этой ползучей «коричневой чуме», название которой — фашизм...

Оккупация



Крымское солнце уже катилось за горизонт, наступали ранние октябрьские сумерки 1941 года. Фашисты, боясь понести непредвиденные потери, не решились, на ночь глядя, войти в деревню, и стали хоронить своих убитых солдат, дожидаясь утра. Не сидели, сложа руки, и жители деревни. Они спешили дотемна похоронить убитых и спасти тяжело раненых красноармейцев. За ними, к Степкиному дому, где располагался временный лазарет, была отправлена подвода.

— Ульяна! — прокричал Степкиной матери, колхозной медсестре, конюх Рыбачук. — Давай, быстрее грузи раненых, пока немцы не нагрянули.

— Иду, Шимка, иду, — отозвалась Ульяна, позвав своих детей — Степку, Дмитрия и Кристину, начала погрузку. Когда груженная подвода тронулась, она перекрестила раненых и смахнула набежавшую слезу...

Наступило утро... Прочесав каждый двор, каждый сарай, каждый подвал, фашисты начали квартироваться по домам.

— Юде? — прямо с порога выпалил долговязый немецкий офицер, увидев Ульяну. От такого внезапного, наглого вторжения всю семью охватили оторопь.

— Господин майор спрашивает — ты еврейка? — перевел с сильным акцентом немецкий адъютант, вошедший в дом вслед за офицером.

— Нет-нет, — спохватилась Ульяна и бросилась показывать непрошеным гостям свои документы. — Вот здесь написано — «албанка».

— Гуд, гуд, — проворчал старший офицер. Рассматривая ее документы, он наткнулся на удостоверение медсестры и тут же что-то быстро начал говорить своему адъютанту.

— У нас много раненых, им нужна срочная медицинская помощь и уход, — перевел адъютант. — Господин майор приказал в твоём доме организовать госпиталь, а ты будешь работать медсестрой, если хочешь, чтобы ты и твои дети остались живыми.

Ульяна покорно опустила голову...

Расквартировавшись, фашисты согнали всю деревню, от мала до велика, на деревенскую площадь. Адъютант долговязого майора стал зачитывать циркуляры немецкого командования всем жителям Калининдорфа. В них говорилось об одних только повинностях и обязанностях, за невы-

полнение которых всем жителям грозило постоянно звучащее слово — «расстрел». Под конец адъютант представил односельчанам назначенных фашистами старосту и его полицаев. Старостой оказался их односельчанин — Духновский, а полицаями — Порублев, Попов, Кижеев и ... Рыбачук. Ропот негодования прокатился среди людей.

— Молчать, скоты! — сорвался на крик адъютант. — Кто не согласен с решением немецкого командования, того мы просто расстреляем, как расстреляем сейчас этих солдат. — Он дал отмашку, и немцы вытолкали телегу без лошади, на которой лежали тяжело раненые красноармейцы. Затем последовала команда, и на глазах стариков, женщин и детей, фашисты открыли огонь по пленным. Новоявленный предатель и полицаи Шимка Рыбачук только ехидно улыбался. В Степкином сердце мгновенно заклокотала ярость, забыв о страхе, он подбежал к долговязому майору и залпом выпалил:

— Господин майор, расстреляйте Шимку Рыбачука, он иудейской веры, он враг теперь не только нам, но и вам.

Адъютант перевел все дословно, и старший офицер, не разбираясь, тут же достал пистолет и выстрелил в предателя несколько раз. Воцарилось гробовое молчание. Затянувшуюся паузу прервал все тот же офицер, приказав через своего переводчика всем расходиться по домам.

Степка, получивший от матери затрещину, с гордостью за то, что отмстил предателю, убежал со своими друзьями на окраину села, где они любили собираться вместе. Ребята восхищались Степкиным поступком и его смелостью, а весь их дальнейший разговор сводился к тому, что делать дальше.

— Будем народными мстителями, — сказал Степка, вытряхивая из своих карманов ненужные пустые патронные гильзы и осколки от снарядов. — Игры кончились, нам надо вооружаться, мстители должны быть с оружием.

Все, без исключения, согласились с ним и разошлись по окрестностям деревни, где еще вчера гремел бой, в поисках оружия.

Вот так Степка и его друзья встретили непрошеную фашистскую власть и ее «новый порядок»...

С начала оккупации фашистами деревни Калининдорф прошло более двух лет. На дворе уже стоял декабрь 1943 года. За это время Степка и его друзья выросли, превратившись из мелкой деревенской шантрапы в довольно серьезных пятнадцатилетних юношей. Увы, война заставляет всех быстро взрослеть, не оставляя своей суровой жестокостью времени для детства.

Враг тоже стал другим. Его беспардонная наглость и похабная заносчивость, с приближением Красной армии, превращались, на глазах у всех местных жителей, в маниакальную подозрительность и в безудержно ра-

стущую трусость. Конечно же, свою определенную лепту в этот процесс внесли местные юные мстители — Степка и его друзья.

Началось все в сорок первом, когда ребята поклялись мстить фашистам и предателям за все те беды, которые принесли они на их родную землю, в их родное село Калининдорф. Группа юных мстителей состояла из семи человек, а главным заводилой был, конечно, Степан. Ребята, на свой страх и риск действовали одни, без чьей-либо поддержки. Свои акции они проводили очень осторожно, смело и находчиво, так, что их месть была похожа всегда на бытовые случайности или небрежность. То убьют полицаю, охранявшего работу в карьере, столкнув огромный камень ему на голову, то расправятся с карателями, спящими в доме на окраине села, заткнув на несколько часов дымоход в печке, то подстерегут пьяного старосту на сеновале в сарае и, заперев его там, сожгут заживо. Но особенно, вооруженные трофеями с поля боя, юные мстители любили действовать в моменты налетов советской авиации, которая своими бомбежками все чаще и чаще стала беспокоить фашистские тылы. В момент бомбежек немцы прятались как крысы по норам, а ребята в это время уничтожали гранатами заранее определенные объекты: склад ГСМ, дизельную электростанцию, бронетехнику и прочее военное имущество. Урон противника от таких действий был колоссальным, а постоянные мистические смерти приводили врагов и их пособников в неопишуемый ужас.

Однако мальчишеский азарт сыграл со Степкой злую шутку. Видя растущую трусость фашистов, он смастерил деревянный пропеллер и поздно вечером, тайком, установил его у себя во дворе. Ночью поднялся ветер и пропеллер, затарахтев, заработал.

— Партизаны! Партизаны!.. — выбежав на улицу и открыв стрельбу, кричали испуганные постояльцы Степкиного дома.

Однако во дворе кроме одиноко работающего деревянного пропеллера ничего не было.

— Арестовать Степку! — приказал офицер, догадавшись, кто виновник этой суматохи. — Посадить в подвал, а завтра расстрелять как партизана.

Ульяна, мать Степана, бросилась офицеру в ноги и стала умолять его простить непутевого сына. Офицер долго упирался, но, под напором плачущей многодетной матери, немного смягчился.

— Хорошо. Расстреливать не буду, но в подвале пусть посидит трое суток без воды и еды, — уже не так зло бросил фриц, и вся семья вздохнула с облегчением.

Судьба была и в этот раз благосклонна к бесстрашному Степке. Сидя в подвале, радовался, что его не убили, и не потому, что хотел жить, а потому что месть овладела его юным существом настолько, что стала всем смыслом его жизни в борьбе с ненавистным врагом...

Освобождение



Весна в крымской степи — это всегда чудо. Она ощущается во всем — в дуновении легкого теплого ветерка, в песне жаворонка, парящего высоко в небе, в разноцветье полевых цветов, в ласковом, по весеннему нежном, еще совсем не жарком степном солнце. Так было всегда. Так было и наступающей весной 1944 года.

Красная армия, громя фашистов по всем фронтам, стремительно приближалась к границам Крыма и, казалось, будто сама природа радуется этому долгожданному событию, встречая его своей райской красотой.

Степка возвращался домой после двухмесячного фашистского плена и вдыхал полной грудью аромат свободы, вспоминая все, что с ним произошло за это время.

Оккупационные власти немецкого вермахта еще в конце зимы сорок четвертого срочно принялись укреплять Турецкий вал на крымском перешейке под Перекопом. Для этого туда насильно сгонялось все взрослое население. Под эту разнарядку попадал Степкин брат Митя, которому недавно исполнилось 18 лет. Однако Дмитрий лежал дома больной, с воспалением легких, и вместо него по его документам на принудительные работы отправился Степан, выручая брата.

Два месяца «ударной» Степкиной работы фашистам вышли боком. Шустрого парнишку опытным глазом сразу же заметил кузнец, настоявший на том, чтобы Степка работал вместе с ним в паре на кузне. Это был здоровый украинец лет сорока пяти. Звали его Иван Петрович, но Степана он просил называть его просто Петровичем. Взяв парня в подмастерье, он быстро ввел его в курс дела, и работа у них «закипела». Вдвоем они два месяца клепали бракованные кирки, лопаты и ломы, которые очень быстро и часто выходили из строя. Вдобавок ко всему Степан хорошо был знаком с расположением строящихся оборонительных сооружений и огневых точек, так как постоянно собирал пришедший в негодность инвентарь, а вместо него развозил на конной повозке, вновь отремонтированный. Степку знали все. После таких походов Степка докладывал все увиденное кузнецу, который что-то тут же чертил и записывал себе на листок бумаги, пряча его потом под большую железную болванку.

К началу апреля работы на Турецком валу практически подошли к концу.

— Степка, держи наш папир. — позвал кузнец парня. — Отдашь его Алексею, да смотри, не попадись с ним к этим гадам. Лучше жди, когда будет авианалет.

— Не бойся, Петрович, если что, я его съем, — ответил паренек, пряча драгоценный листок себе в карман.

Про Алексея ходили разные слухи. Поговаривали, что он на самом деле офицер Красной армии, засланный в тыл к врагу для проведения разведывательной и диверсионной работы. Некоторые утверждали, что он имеет связь с крымскими партизанами и подпольем. Прямых доказательств этому не было, однако фашисты держали Алексея на особом контроле.

Когда Степка подъезжал на своей повозке к тому участку, где работал Алексей, раздалась сирена и, буквально через несколько минут, начался авианалет. В ответ заработали вражеские зенитные установки. Степан бросился в окоп, где должен был находиться Алексей, и увидел рядом с ним сгорбленную спину перепуганного немецкого конвоира. Рядом взорвалась упавшая бомба, и Степан, недолго думая, схватил лопату и ударил ею фашиста по каске. Фриц от страха упал, как подкошенный, на землю и потерял сознание.

— Ну, ты, Степка, даешь! — прокричал парню Алексей. — Зачем так рискуешь?

— Нет времени, а Петрович просил передать вам срочно эту бумагу, — ответил Степан, передавая Алексею схему военного объекта.

— Вот это да! Молодцы! — только и смог ответить Алексей, заглянув в содержимое полученного листка.

Не прошло и трех дней, как советская авиация стала наносить бомбовые удары по противнику в точно определенные места.

Пока Степка вспоминал все это, дорога закончилась, и он увидел свой дом, стоящий на окраине деревни Калининдорф...

— Степа, ты что все время улыбаешься? — спросила мать сына на следующее утро.

— Мама, немцам хана! Не сегодня-завтра придут наши, — хитро подмигнул матери Степка и засобирился на улицу к своим друзьям, которых, как ему казалось, не видел целую вечность.

Не прошло и двух дней, как Степкины слова стали сбываться, со стороны Перекопа усилились раскаты канонады наступающей Красной армии и оборонявшихся врагов. Утром следующего дня в фашистской среде началось брожение. Они сжигали в разведенных кострах бумаги, свою военную амуницию и вещи. Затем через деревню на юг, к Севастополю, спешно прошла немецкая автоколонна. Вслед за ней тут же в Калинин-

дорф вошел передовой отряд Красной армии. Все местные жители, со слезами на глазах выбежав из своих домов, встречали освободителей. Для них наступил не просто праздник, для них наступил тот день, когда они могли не бояться ежеминутно за свою жизнь, а так же за жизнь своих родных и близких. Из рабов, из немого рабочего скота, они в один момент превратились вновь в свободных и равноправных советских людей.

Степка и его друзья ликовали вместе со всеми. Их переполняла гордость за свой небольшой вклад в борьбе за это святое дело.

Облава



Осенью 1941 года пятнадцатилетний Вовка вместе со своей мамой и братом в Карасу-Базаре оказался не случайно. Его отец был активным коммунистом и всегда боролся за укрепление советской власти в их родном Бахчисарае. Когда же началась война, он одним из первых отправился добровольцем защищать свою родину и свою семью от фашизма. Подмявши под себя всю Европу коварный, жестокий и сильный враг упорно продвигался на восток. Эхо войны бомбежками и артиллерийской канонадой уже отзывалось по всему Крымскому полуострову, а потому советскими властями было принято срочное решение об эвакуации семей евреев и коммунистов в тыл. Однако враг наступал так стремительно, что выехать успели не все, поэтому, спасая Вовкину семью от потенциальных предателей, красноармейцы эвакуировали ее к родственникам отца в Карасу-Базар.

Время, проведенное в этом крымском городке, Вовке запомнилось навсегда. Фашисты бесчинствовали повсюду. Особенно Вовке запомнились облавы, которые враг проводил внезапно в поисках партизан и подпольщиков, активно действующих как в лесах Белогорья так и в самом городе. Однажды, попав под такую облаву, Вовка оказался вместе с другими людьми на городском стадионе, где гитлеровцы устроили фильтрационный лагерь. В самом ограждении стадиона невысокий щуплый Вовка нашел лаз, через который бежал от неминуемого фатального допроса, концом которого был бы обязательный расстрел всей его семьи и родственников. Теперь он на своей шкуре прочувствовал всю горечь оккупационной вла-

сти, когда опасность не просто ходит за тобой по пятам днем и ночью, а нависает над всей твоей жизнью кровавым домокловым мечом. Страшная действительность пришла в каждый дом, в каждую семью. Расстрел у Белой скалы крымчаков и евреев положил начало фашистского террора, на который народ молчаливо ответил массовой поддержкой подполья и партизанского движения. Враг был бессилен что-либо этому противопоставить, а потому внезапные облавы в Карасу-Базаре продолжались вплоть до освобождения города Красной армией.

Очередная облава проводилась изоциренно и только на детей до восемнадцати лет. Немецкие солдаты собирали всех на улицах города и по домам, а затем сводили под конвоем в кинотеатр, который до войны носил имя Михаила Васильевича Фрунзе. Официально было объявлено, что в целях воспитания подрастающему поколению будет показан патриотический фильм о Великом Третьем рейхе. Вовка вновь, вместе с другими ребятами, попал под раздачу. Он оказался на самом заднем ряду, возле будки с кинопроектором, где киномехаником работал сводный брат отца дядя Ришат. Тот, увидев племянника из бойницы для кинопроектора, позвал его громким шепотом:

— Вовка, давай руки, я тебя вытащу.

Не долго думая, Вовка поднял руки и через мгновение оказался внутри кинобудки.

— Где тебя взяли? — спросил Ришат у мальчишки, переживая за родню.

— Возле дома, едва успел спрятать брата в подвале, — отозвался тот.

— Ты в курсе, что детей будут угонять в Германию?

— Как?.. — только и смог выдать из себя Вовка.

— А вот так, сынок, давай, перематывай бобину и, если что, ты — мой помощник.

Крутя бобину, Вовка стеклянными от безысходности глазами смотрел на экран, где под звуки фанфар наступала «коричневая чума», поглощая весь зрительный зал вместе с детьми. От этой жуткой картины в горле образовался ком, который разрастался по всему телу огненной ненавистью к врагу. Когда же после фильма началась погрузка детей по автомобилям для отправки в Германию, им вслед из окна кинотеатра смотрел уже не просто Вовка, а Владимир Григорьевич Степанец, в одночасье повзрослевший юноша, готовый антифашист и боец против ненавистного врага, который, громя фашистов, дошел до Берлина, за что был награжден орденом Отечественной войны второй степени, медалью «За взятие Берлина», а также медалью «За победу над Германией»... □

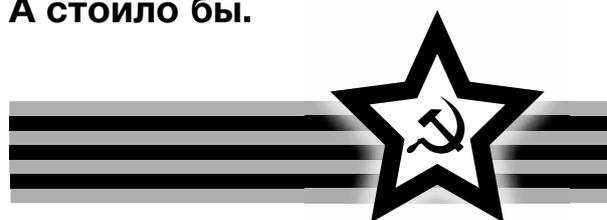
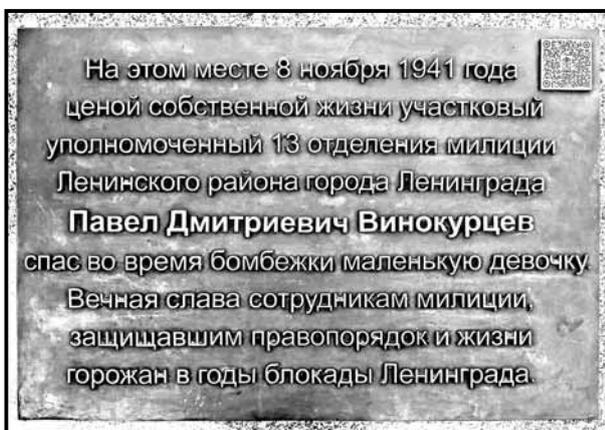
Дмитрий Зелов



Подвиг участкового

На площади Стачек, что в Северной столице, напротив Нарвских триумфальных ворот пару лет тому назад установили памятник, о котором мало кто знает даже в Санкт-Петербурге. Сержант милиции, слегка пригнувшись и куда-то стремительно несясь, держит на руках маленькую девочку. Сразу за монументом призывно светятся витрины одного из бесчисленных торговых комплексов, посетители которых едва ли удостоивают скульптурную группу даже беглого взгляда.

А стоило бы.



8 сентября 1941 года — скорбная и трагическая дата в истории Ленинграда, в тот день замкнулось кольцо блокады и великий город перешел на осадное положение. О том, что она продлится неимоверно долгих 900 дней и ночей, в тот сентябрьский день еще никто не мог знать. Однако бла-

годаря исключительному мужеству, стойкости и упорству его защитников Ленинград выстоял, а Советский Союз разгромил сильнейшего врага на планете, подарив человечеству мир и свободу. Впрочем, все это случилось позже, а вот события, которым посвящен памятник на площади Ста-

чек, произошли ровно спустя два месяца после начала блокады.

С самого начала вражеской блокады фашисты варварски занимались методичным разрушением одного из красивейших городов Европы и мира, подвергая город на Неве регулярным бомбежкам и артобстрелам. Разрушались не только старинные особняки, памятники истории и культуры. Получали ранения и гибли мирные граждане, случайные прохожие, спешившие по своим каждодневным неотложным делам и бытовым заботам, рабочие и служащие, мужчины и женщины, старики и дети...

Со времен Великой Отечественной на Невском проспекте, центральной артерии города и его знаковом символе-образе, на одном из домов сохранилась лаконичная, выведенная белыми трафаретными буквами на синем прямоугольнике надпись в форме таблички: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Защитники Ленинграда и действующие регулярные части Красной армии изо всех сил старались противодействовать врагу, но на первых порах силы были не равны.

8 ноября 1941 года Ленинград подвергся очередному варварскому артобстрелу и бомбежкам мирного города со стороны фашистских захватчиков. На том самом месте, где стоит памятник милиционеру с маленькой девочкой, в этот день участковый уполномоченный 13-го отделения милиции Ленинского района Ленинграда Павел Дмитриевич со-

вершил подвиг. Оказавшись в зоне обстрела, Павел Винокурцев, прослуживший к тому времени в ленинградской милиции уже 10 лет, обеспечивал на улице общественный порядок, помогал прохожим укрываться в бомбоубежищах. Когда на улице разорвалось несколько снарядов, он вдруг увидел у стены одного из домов маленькую девочку, в ужасе метавшуюся перед телом убитой от взрыва матери. Схватив ребенка на руки, Винокурцев побежал к ближайшему укрытию, но в это время рядом с ним разорвался очередной фашистский снаряд. Падая на землю, участковый милиционер успел прикрыть девочку своим телом, но сам, увы, погиб.

Ценою своей жизни он спас маленькую девочку от смерти. Подвиг и трагедия слились воедино. Имя Павла Дмитриевича Винокурцева (1905–1941), уроженца деревни Марскино Вологодской губернии, ушедшего в вечность в расцвете лет, с 1988 года носит Винокурцевский проезд Ленинграда (а затем и Санкт-Петербурга), примыкающий к Витебскому вокзалу Северной столицы. На стене павильона станции метро «Пушкинская» петербургского метрополитена установлена памятная табличка, кратко, но емко раскрывающая суть героического поступка сержанта милиции. В 1943 году, уже после прорыва блокады Ленинграда в ходе операции «Искра», сержант милиции Павел Винокурцев был посмертно награжден медалью «За оборону Ленинграда». □

Максим Никулин



«Мой отец, Юрий Владимирович Никулин, был настоящим фронтовиком»

Максим Никулин — генеральный директор и художественный руководитель Московского цирка на Цветном бульваре, сын актера и клоуна Юрия Никулина. Мы поговорили с Максимом Юрьевичем о его великом отце, о том, как отмечают День Победы в цирке, о семейных традициях, а также о том, какое будущее у цирка и цирковых артистов. Об этом и о многом другом.

— Максим Юрьевич, знаю, что Цирк подготовил новую программу ко Дню Победы...

— Разумеется, это новая программа, которая вышла в конце апреля, и посвящена она этому событию. Все-таки 80 лет — дата серьезная. И для нас очень важная, и для Юрия Владимировича была бы она очень важная. И для цирка в принципе: во время войны цирк работал, артисты воевали, бывали случаи, когда с манежа целые номера, аттракционы уходили на фронт. Поэтому мы тоже участвуем в этой знаковой дате, а программа называется «Музыка Победы».

— Как будет отмечаться этот великий праздник в цирке?

— Каждый год по традиции мы приглашаем в цирк наших ветеранов, тех, кто воевал, тех, кто помнит это время. Обязательно в этот день ездим на Новодевичье кладбище к Юрию Владимировичу, там тоже говорим друг другу добрые слова. Это то, что касается цирка, его неофициальной части. Ну, а так — каждый по-своему.

— Максим Юрьевич, а как отмечался День Победы в вашей семье?

— Для отца вообще было два главных праздника — это Новый год, как такая жизненная точка отсчета, и День Победы, поскольку он сам был фронтовиком. Мы собирались всей коммуналкой отмечать, кто-то приходил из друзей. День 9 мая начинался

с того, что отец вставал, брал записную книжку и начинал звонить всем своим однополчанам.

Кстати, на парад мы никогда, помоему, и не ходили, потому что парад — это такая больше официальная сторона праздника. А для нас он — больше личный, поэтому не особо у нас в семье было принято ходить на демонстрации, парады. С каждым годом становится все меньше тех людей, которые могли бы об этом вспомнить и отметить. Это жизнь, и тут все закономерно.

— Почитала воспоминания вашего отца о Великой Отечественной войне. Он пишет очень пронзительно, смерть ходила буквально рядом с ним, кажется, Юрий Владимирович родился в рубашке. А что он рассказывал вам?

— Намного меньше, чем он написал об этом. Я не знаю, он, наверное, меня берег. Или ему самому было некомфортно разговаривать с ребенком о войне. Я помню, что спрашивал у отца, как было на войне, как он воевал, но он как-то всегда очень мягко от этой темы отходил. И я, в конце концов, понял, что не надо его спрашивать о Великой Отечественной. Знаете, с годами я понял, что это свойство настоящего фронтовика. Я очень много их повидал в свое время — мы делали программу сорок лет назад, посвященную сорокалетию Победы, и через нашу студию прошли тысячи людей, которые воевали. Сейчас их, конечно, осталось гораздо меньше. И вот настоящие фронтовики



очень скупο делились своими воспоминаниями. Из некоторых приходилось клещами вытягивать воспоминания, а ведь это были герои, настоящие герои! А иногда приходили люди, увешанные медалями, начинали с порога рассказывать, как они выиграла войну, и сразу становилось понятно, что это люди, которые и пороха-то не нюхали. Поэтому я понимаю, что значит настоящий, а что — ненастоящий фронтовик. Вот отец был настоящим фронтовиком.

— Каким он был в быту, а какой — вы?

— В этом плане мы похожи. Это же воспитание, идет все из детства. Все непринхотливо и незатейливо. Я же до четырнадцати лет жил с родителями в

коммунальной квартире, поэтому ни о каких барских замашках подумать не мог. И родители были людьми тихими, скромными, жили по-семейному. Я тоже семейный человек.

— А в чем, на ваш взгляд, заключался секрет счастливых семейных отношений отца и матери?

— Мне очень трудно об этом судить. Секрет — он на то и секрет, что не каждый его знает, наверное. Но я наблюдал много счастливых семейных пар, и несчастливых, в том числе, тоже. И я считаю, что тут две вещи должны присутствовать обязательно — это любовь и уважение. Вот без этого никакой совместной счастливой жизни быть не может.

— И, вместе с тем, ваших родителей в силу рода их деятельности очень часто и долго не бывало дома...

— Да, родителей месяцами не было в Москве, а иногда и в стране. Но я никогда не



чувствовал какого-то отрыва, не ощущал себя брошенным ребенком. Они всегда рядом со мной были — были и письма, и телефонные звонки, и посылки. Я чувствовал их присутствие, их любовь.

— А были ли в вашей семье какие-то традиции?

— Главная традиция в нашей семье — это семья. (смеется) Главное, чтобы она была, чтобы она существовала. Чтобы семья ощущалась как семья. Я знаю семьи, где достаточно большое количество народу, но нет

общения и контакта, общности какой-то. У нас нет такого, чтобы мы жили своей отдельной жизнью и не интересовались друг другом. Конечно, мы многое потеряли за эти годы, но много и появилось за эти годы. Шесть внуков, например. Недавно родился внучатый племянник. Наша семья растет, и нас всех это радует. Мы собираемся вместе, не так часто, как хотелось бы, но по мере возможности. Главное, что есть это ощущение семьи: есть кто-то за плечами, сбоку, локоть чувствуешь, вот это главное. И, конечно, помимо семьи, есть дру-



зья. У нас в семье принято интересоваться, что происходит у других. У нас есть семейный чат, и даже если мы не рядом, мы имеем информацию друг о друге: как растут дети, что нового, какие планы. И отец держал нас в курсе своих дел, и сегодня мы держим друг друга в курсе дел.

— Максим Юрьевич, чем занимаются ваши дети и внуки?

— Внуки занимаются пока ничем — просто потому, что они внуки. А вот старший внук серьезно подготавливает себя к профессии кинооператора. Он очень любит этим заниматься, ему очень интересно, и я рад за него. Он собирается поступать на эту специальность. А старшие дети работают со мной. Максим возглавляет фестивальную программу, он директор нашего международного фестиваля. Юрий занимается пиаром и специальными проектами. Я ими доволен, они работают хорошо. Им нравится, это самое главное. Они сами выбрали работу в цирке, никто их не тянул. Оба окончили школу-студию МХАТ. А старшая дочка уже очень давно живет в Германии, она врач-нейрохирург.

— Какие книги лежали на полке у ваших родителей, и каких авторов любите читать вы?

— Самых разных! От родителей мне досталось почти четыре тысячи

томов. Родители были книголюбцами, читать они очень любили. Что касается нынешних авторов, то я не могу сказать, что подружился с современной литературой. Не могу, не получается у меня — я не знаю, почему. Я пытался себя заставить почитать то, что мне рекомендовали друзья: «Почитай вот этого автора, интересный, и вот того». Не знаю, это не мое. Сейчас я занимаюсь тем, что перечитываю. Если брать классику, то это Чехов. Причем не пьесы, их я не люблю, а рассказы — это полный восторг! Что касается драматургии, то это Мольер. Недавно перечитывал — просто про нас.

так же, как вопрос, откуда берутся анекдоты. У одного из фантастов как-то прочитал рассказ о том, как двое ученых решили выяснить, откуда берутся анекдоты. И они обнаружили, что их рассылает нам веземная цивилизация...

— А как происходит набор артистов в цирк?

— Попасты к нам в цирк непросто. Не потому, что это какое-то замкнутое, закрытое заведение, а потому, что мы следим за качеством. Качество — вот что для нас главное. И нам нужны не только профессиональные качества, но и человеческие тоже. Поэтому

— Можно ли надеяться, что произойдет «реинкарнация» великих клоунов? Откуда вообще берутся клоуны?

— Это очень большой вопрос, на который нет ответа, к сожалению, ни у меня, ни у кого-то другого. Откуда берутся клоуны — никто не знает. Это



му мы очень тщательно отбираем для себя артистов. Приходят по-разному. Есть, к примеру, образовательные учреждения, училища. Есть цирковые династии, из которых вырастают замечательные артисты. Есть люди, которые приходят из спорта. Спорт — вещь жесткая, даже жестокая, еще более жесткая, чем цирк. В спорте, если ты достиг определенного возраста и так и не показываешь результата, тебя просто убирают. И что делать? Образования практически нет, только навыки, только школа. Поэтому приходят из спорта и работают в силовой акробатике, гимнастике и прочем. Бывает и по-другому. Был случай, когда к нам приходил спортсмен высокого класса, чемпион Европы по гимнастике. Репетировал, а потом сказал: «Не могу, тяжело». Цирк и спорт — это разные вещи.

В спорте есть стремление к рекорду, это другое. Цирк — это все-таки искусство.

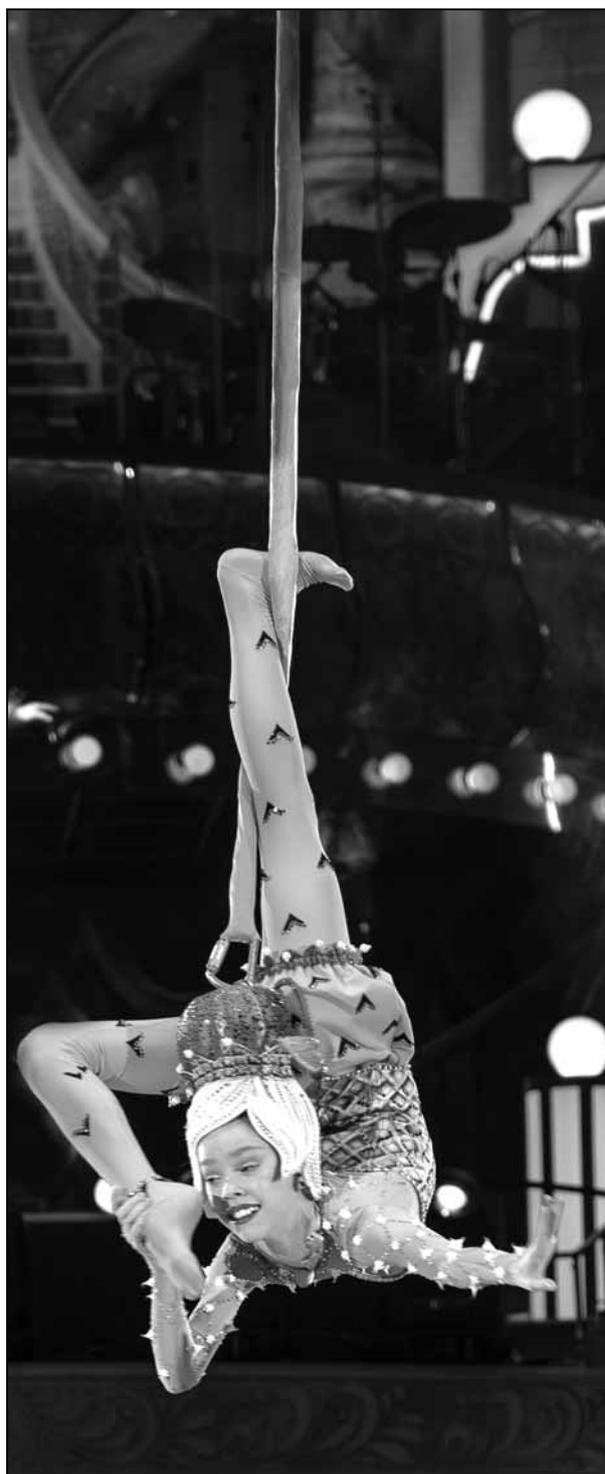
— Максим Юрьевич, в одном интервью вы сказали, что с осторожностью относитесь к экспериментам в цирке. Почему?

— Есть творческие коллективы, которые занимаются творческим экспериментированием в цирковом направлении. Мы же предназначены для другого — развлекать людей. Отношение к цирку у многих складывается с детства, когда родители впервые привели в цирк. Потом человек уже приводит в цирк своих детей. Не приходят в цирк люди просто так, из серии: «А давай пойдём в цирк!» Цирк — это другое, это не кино. Ну, вы наверняка помните свое детство, когда вам папа с мамой впервые купили билеты в



цирк? Ребенок спрашивает у родителей: «А что там будет?» Родители отвечают, что будет то-то и то-то. И вот представьте себе ситуацию, когда семья приходит в цирк в ожидании, они уже на что-то настроились, к чему-то готовы, и вдруг им показывают совершенно не то. Причем, это «не то» может быть интересным, захватывающим, красивым, но совершенно не тем, на что они настроивались. И после ребенок задает вопросы: «Вы же говорили, что будет это, а где это, а где то?» И родители будут чувствовать себя виноватыми перед ребенком, а это очень плохое чувство. Да, мы должны удивлять, мы должны восхищаться, само собой, но мы должны быть в чем-то ожидаемыми, знакомыми человеку. Это как встреча со старым приятелем, с которым не виделся годами. Ты его вспоминаешь, как ты его видел в первый раз, когда это было давным-давно. Вот так и мы, поэтому к искусству цирка нужно очень осторожно относиться. Вы знаете, мне нравится английская поговорка, что настоящий джентльмен должен отставать от моды на год. Так и мы — должны оставаться привычным для зрителя, предпочитая традицию чему-то модновому, модному и экспериментальному.

— Поговорим еще о вашем отце. Юрий Никулин — это феномен. Гениальный артист и клоун, добропорядочный семьянин, любимец миллионов, светлый человек. И уже непонятно, когда вер-



нутя такие артисты, как ваш отец, которого можно назвать Человеком с большой буквы...

— Не хочется думать, что никогда. Да, годы проходят, и пока ничего похожего нет. Вы сказали слово «гениальный», но я не люблю таких эпи-

тетов. Некоторые даже употребляют слово «великий». Если подумать и оценить жизненный путь человека... Вот Юрий Владимирович Никулин. Многие говорят — гениальный клоун. Он не был гениальным клоуном. Он был очень хорошим, талантливым, смешным, с огромной фантазией — это все от Бога. А воплощение всего этого в совокупности — ему очень повезло, что все это получилось. Но рядом с ним выступали и другие клоуны — талантливо, интересно, самобытно. Был и Михаил Шуйдин, был и Леонид Енгибаров, и Карандаш — много было ярких, замечательных клоунов. Он был в одном ряду с ними. Действительно яркий артист. Говорят, великий артист. А что тогда сказать о Папанове, Миронове, Жарове, Кторове, Раневской,

Плятте? Могу долго перечислять, и все они находятся в одном ряду. Да, действительно, папа был очень талантливый, хороший актер, которому удавались и комедийные, и драматические роли. Но, опять-таки, в ряду с кем-то, а не над кем-то, понимаете? А вот великим по-настоящему он был как человек. За это отца все так и любили, вся страна. Сейчас не хватает: доброты, милосердия, человечности, искренности, честности. А в отце всего этого было сполна, и он этим охотно делился. Его любили именно за это, а не за его роли в кино или выступления на манеже цирка.



— Максим Юрьевич, а какие киноработы отца вы считаете лучшими?

— Тут я не оригинален: считаю вершиной его комедийного творчества «Бриллиантовую руку». А то, что касается серьезных фильмов, то это «20 дней без войны» Германа. С моей точ-



ки зрения, это две самые-самые его работы.

— Расскажите, пожалуйста, о вашем благотворительном фонде помощи артистам цирка «Цирк и милосердие».

— Это фонд, которому уже 30 лет. Фонд создавал Юрий Владимирович, это семейный фонд, частный. Он был создан и работает как фонд, прежде всего, помощи и поддержки артистам цирка, ветеранам цирка. Естественно, в нем много других направлений.

К примеру, детский цирковой фестиваль «Дорога в цирк». В этом году в четвертый раз будет летом проходить. Мы работаем вместе с Президентским фондом культурных инициатив, государство поддерживает нас в этом и помогает. Еще мы проводим мероприятия в таких детских центрах, как «Орленок», «Смена», «Алые Паруса» и, конечно, «Артек», который в этом году отмечает 100-летие, и в этом мы тоже будем участвовать. Да, фонд работает, сегодня через него едут на линию фронта на-

ши агитбригады, там достаточно много работы.

— Знаю, у вас также есть и музей...

— Музея у нас два. Один, который уже давно существует и работает. Там всегда открыты двери, туда можно зайти и посмотреть. Это, в основном, музей Юрия Никулина и цирка, потому что отца трудно от цирка оторвать, но это музей и о нем. А Музей Цирка — это второй музей. Но он пока как «музей» не функционирует в силу разных причин, в том числе, технических. Мы не можем обеспечить запуск людей с улицы, чтобы прийти и посмотреть. Мы только-только начали им заниматься, и он требует еще много доработок, требует привлечения людей, знакомых с музейным делом. Мы же не музейщики, у нас другая профессия, а тут нужны профессионалы. Сейчас мы как раз занима-

емся поиском и подбором кадров, их расстановкой и организацией. Хотелось бы, чтобы это было на профессиональном уровне.

— Максим Юрьевич, напоследок хотела спросить и о вашей творческой судьбе. У вас была возможность стать актером — ведь, будучи мальчиком, вы снимались в эпизоде у Гайдая в «Бриллиантовой руке», затем был еще один фильм Александра Митты. Вам не грустно, что судьба сложилась именно так, что вы выбрали именно цирковой путь?

— Стать актером я никогда не хотел. Я не стремился к этому и часто задавался вопросом: «Почему люди идут в артисты?» Есть внешняя сторона всего этого — слава, успех, популярность, поклонники, автографы. А есть внутренняя потребность — человек ощущает в себе, что он мо-





жет быть интересен этому миру. Может что-то рассказать о жизненных обстоятельствах, объяснить, по-новому что-то показать. Это потребность, и она есть не только у артистов, но и у художников, писателей, композиторов. Ведь они пишут не потому, что хотят писать, а потому что не могут не писать. Потому что что-то есть внутри, что просится наружу, и то, что выплеснется. Масса примеров, когда люди писали, зная, что это не будет поставлено, выставлено, опубликовано — они все равно сочиняли, писали в стол, снимали фильмы «на полку», то есть понимали, что сами по себе должны этим заниматься. У меня в жизни такой потребности не было, поэтому не стоило даже стараться пытаться стать артистом.

— Максим Юрьевич, и в заключение вопрос о вашем юбилее, который состоится в следующем году, честно говоря, думала, что вам лет на десять меньше...

— Если говорить о физическом состоянии, то физически я не в самой лучшей форме. Я всегда об этом говорю, вы знаете, есть люди спортивной формы, бывают плохой, а бывают — никакой. Я никогда к спортивной форме не тяготел. А что касается порывов души... как же быстро все пронеслось! Но грех жаловаться. Нет, жизнь не прошла, я буду жить еще долго... □

Беседовала Дарья Парчинская

Фото из личного архива

Ленинградская ложечка

.....

Великую Отечественную войну мой отец встретил в Ленинграде во время окончания школы. В тот выходной день он с ребятами после выпускных экзаменов отправился на велосипедах на берег Финского залива. Время для них наступило свободное, искристое, яркое. Вот они и решили просто отдохнуть, ни о чем не думая и ни о чем не беспокоясь. Вся жизнь лишь только начиналась...

Уже после веселого пикника, возвращаясь в город, на какой-то свалке ребята прихватили неизвестно как там оказавшиеся финские гляцевые журналы. В одном из них красовалась гротескная карикатура на Михаила Ивановича Калинина: красноармеец дергает за бороду «всероссийского старосту», а из широко раскрытого, улыбающегося рта Калинина вылетает очередной орден и медаль.

Отец, конечно же, ничего не подозревая, притащил это «художество» домой. Его старший брат Григорий, уже заканчивавший к тому времени институт и работавший в Главсевморпути, увидев карикатуру, сказал, как отрезал:

— Немедленно сжечь!

Отец от таких слов опешил, не зная, что на это ответить или возразить.

— Чтобы все расставить на свои места, — добавил дядя Гриша и тихо проговорил: — война началась...

Эта фраза совершенно сбила отца с толку, и он сразу же выполнил указание старшего брата.

...Потом, по словам отца, наступили осенние дни, недели и месяцы невероятных блужданий, сомнений, страхов, искушений и постоянной неизвестности. Отец убегал из дому и снова возвращался. Ему казалось, что он обуза в семье брата. Уже были разрушены Бадаевские продовольственные склады. Уже всюю бомбили город. Уже кто-то из начальников давал команду все изъять из продовольственных магазинов, а затем снова вернуть в ограниченных размерах. Уже прошла первая паника и первые недоумения, недопонимания. Уже немец замкнул кольцо блокады. Уже появились карточки: разные, всевозможные, разноцветные. Какие-то талоны на суп в «столовку». Да много чего произошло, о чем написаны целые тома.

Дядя Гриша как специалист гидролог, получив повестку на Балтфлот, должен был отправиться в часть. Но на руках его жены, ее младшего братца

и ее пожилых родителей, оказался еще и мой заболевший отец, так сказать, пока непризывного возраста — «иждивенец» по гражданскому статусу. Согласно законам того времени, на таких, как он, выдавалась хлебная норма, дошедшая зимой до 125 грамм на человека.

Здесь стоит заметить, что отец тети Нины — жены дяди Гриши, Константин Всеволодович, к началу войны руководил снабжением целого Василеостровского района. Как говорится, у него были все карты на руках. Но этот человек, кстати, не будучи даже членом партии при такой должности, но будучи кристальной чистоты работником, еще со старых спецов, управленцев Елисеевскими складами и гастрономами, не приносил домой ничего, кроме своего пойка. Всю зиму постоянно хлеба пустой чай, по весне сорок второго он тихо скончался от обычной «водянки».

Тогда, поздней осенью сорок первого, отец ослаб до такой крайности, что его близкие просто не знали, что с ним делать. К тому времени не все уже переполненные больницы принимали подобных доходяг. Дядя Гриша притащил моего отца и, сунув в руки врача свою повестку из военкомата, заявил:

— Вот... пожалуйста. Я никуда отсюда не уйду, пока вы его не возьмете. — Он присел на краешек чьей-то кровати и едва себя сдерживал, чтобы окончательно не разрыдаться.

Врач в растерянности крутила в руках повестку и не знала, как на все это реагировать. Наконец она бросила, словно оторвала от сердца:

— Кладите его сюда, — и показала кивком головы на место в коридоре, где уже битком лежали больные.

Так отец невероятным образом оказался в коридоре одной из городских больниц. И это было уже счастье.

Но потом это счастье сменилось на то, что и описывать обычному человеку, родившемуся в мирное время и воспитанному на всем готовом, в хороших условиях, весьма трудно. Если не сказать большего.

Наверное, стоит в этом месте сделать некое, если так можно выразиться, «лирическое отступление». Не вдаваясь в медицинские подробности, несколько слов о таком заболевании, как дистрофия. Оно, как и многие заболевания, имеет несколько степеней или стадий. Судя по рассказу отца, у него уже зимой, когда он лежал в этом больничном коридоре, была последняя степень. Это означает, что при почти полном отсутствии аппетита его живот был раздут до немислимых размеров, словно у беременной женщины на девятом месяце, а тоненькие ножки выглядели так, будто у детишек Бухенвальда или Освенцима. Одним словом, выглядел он весьма печально и отвратительно.

Такие, как он, были обречены. Их молча кормила медсестра маленькой ложечкой, в которой была некая сладковатая жидкость. Что именно — вряд ли кто знал. Содержимое этой ложечки доставалось не всем, а только тем, кто находился ближе всего к посту дежурной медсестры. Наверное, просто на всех не всегда хватало. Мой отец, по счастливой случайности, оказался почти рядом с медсестрой. Однако это еще ничего не означало, ведь другие как-то выживали... Впрочем, для многих этой роковой ложечки так и не хватило...

С каждым днем количество умерших в больнице все увеличивалось и увеличивалось. Лежавшие вперемешку женщины и мужчины, дети и старики, за редким исключением, были совершенно неподвижны. Умерших никто не выносил, а клали друг на друга штабелями, затягивая больничными простынями. Таким образом, вокруг моего отца образовывались самые настоящие горы трупов...

Но однажды, уже по весне сорок второго, свершилось то, что не поддается никакому рациональному осознанию и осмыслению. В один из ярких солнечных дней его мысли вдруг обрели некую потребность к внутреннему движению. К жизни! Появился слабый, едва заметный аппетит. Боже, это обычное слово «аппетит» было в то время для таких обреченных сродни чуду! Как символ спасения! Скорее всего это и было самое настоящее чудо.

Медсестра почти сразу среагировала на это изменение в нем, и ему дали некую уже мутноватую, более густую жидкость в такой же ложечке. Затем по прошествию еще какого-то времени эта порция стала повторяться, пока не достигла ежедневной нормы, при которой отец стал неким невероятным образом поправляться. Он даже попытался сесть на кровать, а потом и встать на ноги.

Между тем, в голове у него крепко сидела мысль, что он является «издивенцем», поэтому он даже и не помышлял тогда о каком-либо возвращении в семью брата.

Почти одновременно с появлением аппетита, по словам отца, у него родилась всего лишь одна мысль: «Валить! Из больницы, из города вообще! Неважно, куда, как, при каких обстоятельствах. Главное — бежать! Куда глаза глядят! На все четыре стороны! Из этого замкнутого пространства, где жизнь и смерть борются за право властвовать над человеком. И кто на самом деле побеждает — никто толком не знает. Он вдруг со страхом представил, что и за стенами этой больницы таким же образом живет некая старушка-смерть, от которой нет никакого спасения, кроме как бежать неведомо куда. И даже неважно, что нет сил, главное — бежать!»

Возможно, в тот момент эта «идея фикс» могла показаться на самом деле лишь последней здоровой и единственной для него мыслью о спасении. Схватившись за нее как за соломинку, он начинал внутренне жить уже какой-то иной жизнью, неизвестной тогда ему.

Чем больше он приходил в себя, тем эта навязчивая мысль о простом, банальном побеге из больницы, без разрешения, без документов, даже без его одежды и прочего, охватывала его все сильнее и сильнее. Всего, до мизинца ступни. Он даже и не помышлял поделиться ею с кем-либо. Страх и отчаяние лишь подгоняли его в этих безумных раздумьях. И в какой-то день эта мысль, переродившись в действие, буквально выстрелила — как то ружье в конце пьесы, которое было заряжено таившейся, невидимой и невероятной сверхэнергией человеческой сущности.

По прошествии времени он не совсем помнил, как выбрался из больницы в том, в чем был, то есть в какой-то осенней одежонке. К сожалению, и мне в свое время так и не удалось выяснить, как ему удалось это безнаказанно проделать. Хотя в той обстановке, которая сложилась весной сорок второго года в Ленинграде, когда город окончательно был измучен первой блокадной зимой, удивляться не приходится. Все было на грани. Как в кошмаре, и, в то же время, обыденно и просто. Умирали потому, что к смерти привыкли. И выживали тоже по привычке. Потому что иного кроме жизни ничего не знали.

Все было возможно, и даже невозможное.

Примерно по такому же невероятному сценарию развивалась история и с моим отцом. Невероятным образом совершенно истощенный юноша восемнадцати неполных годков через пустыри Малой Охты добрался до Ладоги. Кто его на это надоумил — тоже неизвестно. Наверное, кто-то по дороге подсказал, что, если хочешь выбраться из города, иди по этому направлению. Он и пошел, словно тень. Затем по «Дороге жизни» его вывезли, как тогда говорили, на «Большую землю».

Оказавшись на том берегу озера, расположенном в сосновом бору, отец оказался в каком-то пересыльном лагере, где располагались простые прибывшие горожане.

А теперь стоит всем весьма сильно напрячься и представить на минутку картину, которая была, так сказать, рукотворно «создана» в реальности людьми, мало что понимавшими, что на самом деле происходило там, в городе, в те крошечные месяцы. Некое тамошнее местное начальство «странным» каким-то образом распорядилось для вновь прибывших устроить по тем временам шикарнейший обед. Целое пиршество! На полевой кухне им приготовили картофельное пюре с говяжьим бефстроганов, и все это расставили на столах, наскоро сработанных из свежеструганных досок.

Один запах, витавший над этим местом, чего стоил!

Конечно же, всех предупредили, что надо бы есть все это маленькими порциями. Аккуратненько, не спеша. Но до того ли было в этот момент. Тут такое начало твориться!

Обезумевшие люди хватали в свои искаженные ротки это пищевое богатство, о котором они даже и не помышляли тогда в блокадном городе. И, конечно же, многие тут же падали замертво. Заворот кишок буквально сворачивал людей в бараний рог. Физиологический соблазн оказался выше простых человеческих чувств и здравого разума.

Отец вспоминал:

— Я сперва схватился за тарелку... Но потом, испугавшись увиденного, вскочил, попятился от стола и, ухватившись сзади обеими руками за сосну, стоял и жадно вдыхал эти умопомрачительные ароматы. Потом, все же не в силах удержаться, подходил к столу, хватал в ложке каплю пюре с тягучей мясной подливой и снова возвращался к сосне. Снова обхватив обеими руками за спиной сосну, сцепляя их до боли в замок, так и продолжал стоять. В конечном итоге, так я тогда и вышел от этого страшнейшего соблазна, от этого невиданного искушения, которое свалилось не известно по чьей вине на наши головы... Может быть, начальство хотело выслужиться или показать нам свою заботу. А только обернулось это тривиальной бедой.

Через какое-то время после этого случая отца отправили в глубокий тыл, и он снова оказался в распределительном лагере. Там его, конечно же, накормили как следует и привели, что называется, в нормальный человеческий вид. Затем через внешний осмотр и обмер тела, а также после полагавшейся беседы «по душам» с работниками органов, установив возраст и прочее, определили в призывники.

Вскоре к ним приехали так называемые «покупатели»: военные с фронта, для оформления в воинскую часть. Вначале ему предлагали поступить в военное училище. Но на его вопрос, как там кормят, от одного такого же призывника он услышал:

— Говорят, неважно...слабовато... Сам видишь, все для фронта идет...

Отец задумался. Чувство голода, когда-то осенью сорок первого совершенно явное и нормальное, затем перешедшее в нем в привычку и, наконец, закончившееся для него полной дистрофией последней степени, стало теперь определяющим в его сознании для дальнейшего его существования.

— А ты на фронт просись... — вдруг стал советовать, словно бывалый боец, тот же призывник. — Там, говорят, кормят нормально, паек и все такое...

Отец сразу же ухватился за эту мысль и вскоре, когда приехал офицер из автобата, напросился в его команду.

После учебы на водителя он оказался на фронте, да еще на Волховском. В общем, откуда ушел, туда и пришел.

За годы войны на чем только ему не пришлось повоевать: начиная от видавших виды штабных «эмок» до американского «студебеккера», на которых возили нашу знаменитую «Катюшу». Исколесил всю войну и, наконец, добрался до Кенигсберга.

Однажды, еще будучи пацаном, я как-то в бане увидел у отца на ягодицах большие, глубокие шрамы. Конечно же, я воспринял тогда увиденное за фронтовые ранения. Но при расспросе оказалось, что это обычные пролежни — места от гниения мяса. А на фронте отец не был ранен. Лишь пару раз контужен. Та блокадная больница и была его главной «фронтвой» раной на всю жизнь.

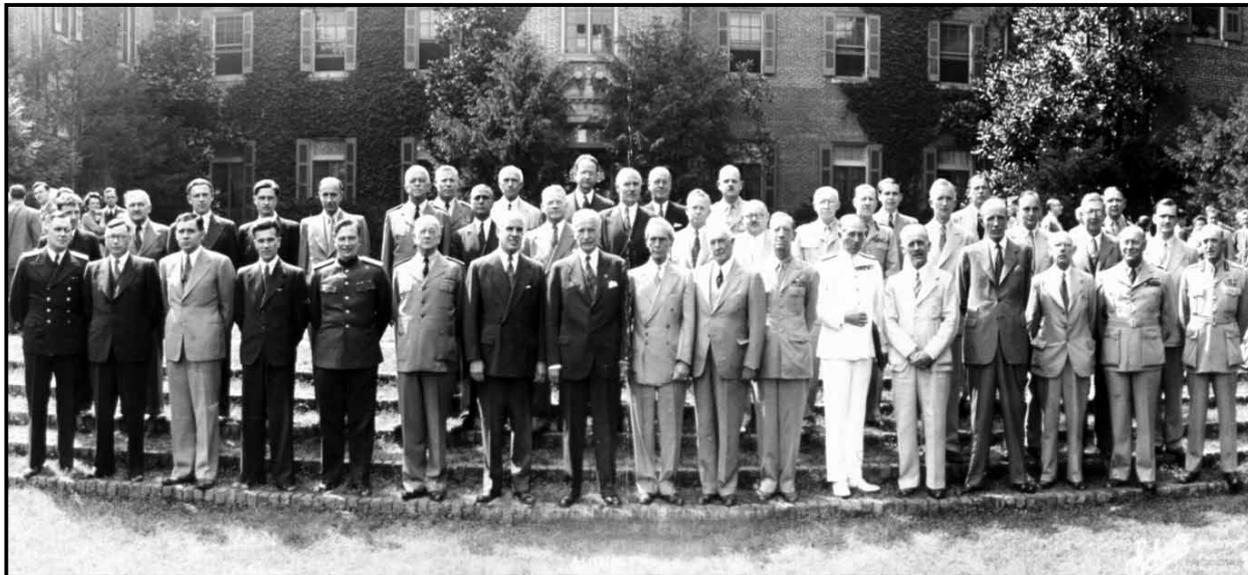
Уже в шестидесятые-семидесятые мирные годы, окончательно расслабившись от сытой жизни, его организм переболел всеми возможными и невозможными желудочными заболеваниями, которыми отец, в силу военных испытаний, не страдал на фронте, из-за этого даже не окончил институт после войны — не мог сидеть на лекциях: не выдерживал диких болей в желудке. Потом все по санаториям ездил...

С годами я стал понимать, что настоящая война оказалась для отца не на фронтах, а на той больничной койке в блокадном Ленинграде. А главной наградой его стали не медали, и даже не орден Отечественной войны, который потом, уже в восьмидесятые годы, раздавали всем живущим тогда ветеранам на просторах нашей Великой родины. Его главной наградой всегда считалась та «ленинградская ложечка». Скорее всего, обычная чайная, по столовому стандарту. Я иногда прикасался к его недопитому чаю. Он настолько был сладко-приторный, что его нельзя было взять в рот. Свою чайную ложечку он всегда как-то странно облизывал, словно не хотел с ней расставаться, и аккуратненько клал возле чашки... Отца давно уже нет...

По прошествии многих лет, сидя порой за чашкой чая, я смотрю на свою сегодняшнюю ленинградскую ложечку, купленную как-то по случаю в одном из ленинградских музеев, и начинаю размышлять о великой, тайной брэнности нашего земного бытия...

Может быть, благодаря той отцовской ленинградской ложечке, и я теперь живу и пишу эти строки... □

Конференция в Думбартон-Оксе



30 октября 1943 года на проходившей в Москве конференции министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов, государственный секретарь США Кордэлл Хелл, министр иностранных дел Великобритании Антони Иден и посол Китая в СССР Фу Бинчан, получивший полномочия от правительства Чан Кайши, подписали Декларацию четырех государств. В ней, в частности, провозглашалось создание международной организации по поддержанию мира и безопасности на планете после победы над фашистской Германией.



После завершения Московской конференции госсекретарь Хелл заявил: «Мы договорились о создании Организации Объединенных Наций, мирового органа, основанного на международном праве, который навечно сохранит мир и обеспечит народам земного шара возможность идти по пути прогресса».

В ноябре того же года, уже на Тегеранской конференции, было

принято решение образовать советскую, американскую и английскую рабочие группы и поручить им разработку проекта Устава Организации Объединенных Наций. Было согласовано, что делегации приступят к работе не позднее сентября 1944 года, а местом работы была выбрана усадьба Думбартон-Окс недалеко от столицы США Вашингтона.

Советская делегация вылетела в США 12 августа 1944 года. Путь до Вашингтона был нелегким и опасным. В те годы надежных, всепогодных самолетов еще не существовало, в Европе, на Тихом океане и в Атлантике бушевала война, поэтому более надежным был выбран маршрут через Сибирь, Чукотку, Аляску и Канаду. Делегацию возглавлял посол СССР в США Андрей Андреевич Громыко. В нее вошли: дипломаты А.А. Соболев и С.К. Царапкин, контр-адмирал К.К. Родионов, генерал-майор Н.В. Славин, профессора С.А. Голунский, С.Б. Крылов и Г.Г. Долбин, а также М.М. Юнин — секретарь делегации, и В.М. Бережков — секретарь-переводчик.

На четвертый день полета в салон буквально ворвался командир корабля и объявил радостную новость: — «Только что сообщили по радио, что союзники форсировали Ла-Манш и высадились на побережье Франции!»

20 августа самолет приземлился в Вашингтоне.

Делегацию встречали заместитель государственного секретаря США, глава американской делегации Эдвард Стеттениус, заместитель министра иностранных дел Великобритании, глава британской делегации, Александр Кадоган, дипломаты и другие официальные лица, а также представители прессы. Аэровокзал был украшен американским, советским и британским флагами. Стеттениус и Громыко обменялись приветствен-

ными речами, прозвучали гимны СССР и США, и знаменосцы с флагами трех стран в сопровождении почетного караула промаршировали мимо советской делегации и встречающих лиц. В окружении эскорта мотоциклистов делегация была доставлена в лучший отель Вашингтона «Статлер». Что касается Британской делегации во главе с Кадоганом, она прибыла накануне. Самой многочисленной была делегация хозяев.

Для работы конференции госдепартамент США арендовал старинное имение Думбартон-Окс, принадлежащее Гарвардскому университету.

Утром 21 августа, перед открытием первого пленарного заседания, был поставлен небольшой стол, на котором лежал деревянный председательский молоток и установлены микрофоны для трансляции открытия конференции по радио. На церемонию открытия конференции прибыл государственный секретарь США Корделл Хелл. Ровно в 10 часов утра за стол президиума сели госсекретарь США Хелл, три руководителя делегаций и, совсем не к месту, посол Великобритании в США лорд Галифакс. Вряд ли Андрею Андреевичу доставило удовольствие сидеть рядом с лордом. В своей книге «Памятное» Громыко вспоминал: «Лорд Галифакс с большим трудом, можно сказать, мучительно, воспринимал все, что подрывало милые его сердцу устои.<...>До Второй мировой войны он<...>оказался среди тех, кто до-

бывался соглашения с Германией на антисоветской основе, и был одним из отцов мюнхенского заговора.<...> К этому стоит добавить: будучи вице-королем Индии, он в 1930 году посадил в тюрьму Махатму Ганди за то, что тот провел 200-мильный «соляной поход», протестуя против британской монополии на продажу соли.

После того как в зале воцарилась тишина, Хелл надел пенсне, три раза стукнул молотком по столу, раскрыл папку и от имени президента Рузвельта и своего имени обратился к собравшимся с приветственной речью, в которой помимо прочего говорилось: «Правительства, представленные здесь, полностью разделяют убеждение, что сохранение мира и безопасности в будущем является главной целью международного сотрудничества <...> и взяли на себя долю ответственности за руководство в создании международной организации, преследующей эту цель». Закончив речь, Хелл стукнул молотком и предоставил слово руководителю советской делегации. Поддержав высказывания госсекретаря, Громыко заявил: «Народы наших стран ведут борьбу не на жизнь, а на смерть против злейшего врага человечества — гитлеровской Германии. Эта борьба уже стоила нашим странам, а также многим другим свободолюбивым странам мира тяжелых человеческих и материальных жертв.<...> Вот почему они стремятся создать международную

организацию, которая будет в состоянии позаботиться о том, чтобы подобные трагедии не повторялись и чтобы обеспечить народам в будущем мир, безопасность и процветание.<...> Понятно, что для сохранения мира и безопасности недостаточно иметь только желание обуздать агрессора.<...> Совершенно необходимо обладать ресурсами, с помощью которых можно предотвратить или подавить агрессию и сохранить международный порядок».

Поблагодарив Громыко, Хелл вновь стукнул молотком и предоставил слово руководителю британской делегации. Развивая мысли предыдущих ораторов, Кадоган добавил: «У нас имеется основание быть благодарными Советскому правительству. Мне кажется, что именно по его инициативе было принято решение об организации нынешних переговоров. Совершенно очевидно, что, если великие державы не будут объединены в своей цели и не будут готовы взять на себя и лояльно выполнять свои обязательства, ни один механизм, созданный для сохранения мира, не окажется работоспособным. События развиваются быстрыми темпами, поэтому мы должны работать быстро и упорно».

По предложению Громыко было решено, что рабочими языками будут русский и английский на равном положении, но английский язык может чаще использоваться. Стеттениус пожаловался, что его посто-

янно преследуют корреспонденты, желая получить хоть какую-либо информацию. Решили, что пресс-секретари будут делать ежедневные или через день, информационные заявления. Наконец, когда с процедурными вопросами было покончено, Хелл объявил заседание закрытым.

22 августа в 10 часов 30 минут председатель конференции Стеттениус открыл первое пленарное заседание конференции. Делегации в полном составе заняли места за столами, установленными в виде буквы П. Слева расположилась советская делегация, по правую руку — англичане, «на вершине буквы» уселись хозяева конференции, а на противоположной стороне разместился секретариат.

23 августа Руководящий комитет сформировал четыре подкомитета: редакционный, юридический, по вопросам безопасности и подкомитет военных представителей. Еще до начала конференции три страны обменялись меморандумами со своими предложениями по работе конференции. Документ советской делегации состоял из трех укрупненных разделов, которые в ходе переговоров предполагалось детализировать. Американский меморандум, наоборот, был подробно сформулирован и состоял из десяти пунктов. Дело в том, что еще в сентябре 1939 года президент Рузвельт и госсекретарь Хелл поручили помощнику госсекретаря Пасвольскому воз-



Андрей Андреевич Громыко

главить работу по подготовке документов по созданию новой международной организации вместо обанкротившейся Лиги Наций. Работа велась в строжайшей тайне. Кроме президента и госсекретаря о ней никто не знал. В секретных документах госдепартамента уже весной 1942 года эта будущая организация именовалась «ООН». Громыко считал, что «Лео Пасвольский являлся как бы мозговым центром государственного департамента США по проблемам, связанным с «ООН». Он выступал за развитие добрососедских связей между США и СССР, отлично говорил по-русски и был, после Стеттениуса, пожалуй, самым

активным членом американской делегации».

После непродолжительных дебатов Руководящий комитет за основу переговоров единогласно принял английский документ, содержание которого изложил глава делегации Кадоган.

На первом пленарном заседании было достигнуто согласие о названиях двух основных органов будущей организации. Ими должны были стать «Генеральная ассамблея» и «Совет Безопасности».

Мы не будем утомлять читателя сопоставлением представленных меморандумов, а, тем более, анализом работы конференции. Ведь она для советской делегации продолжалась сорок дней (с 21 августа по 28 сентября), а завершили ее представители США, Великобритании и Китая 7 октября 1944 года. Остановимся лишь на наиболее интересных моментах, вызвавших дискуссии или споры, а также на некоторых любопытных событиях, не связанных напрямую с работой конференции.

После завершения первого пленарного заседания американская делегация пригласила всех участников конференции на прием в фешенебельный отель «Рузвельт». На приеме присутствовал весь официальный Вашингтон. В самый разгар приема Стеттениус неожиданно попросил тишины и громкогласно объявил: «Дамы и господа! Я спешу со-

общить приятную новость. Президент Рузвельт согласился принять завтра утром всех участников переговоров в Белом доме!»

Прибывшую в Белый дом советскую делегацию проводили в президентскую библиотеку, где уже находились американцы, англичане немного запаздывали и, как только прибыли, морской офицер попросил всех следовать за ним. Вот как описывает встречу с президентом США переводчик делегации Валентин Бережков. «Рузвельт сидел за большим письменным столом в кресле. Он попросил всех подойти поближе. Мы подходили к нему и здоровались, пожимая руку.<...> Обведя присутствующих взглядом, президент сказал, что хотел бы обратиться к нам, как участникам важной конференции, с небольшим приветствием, которое звучало так:

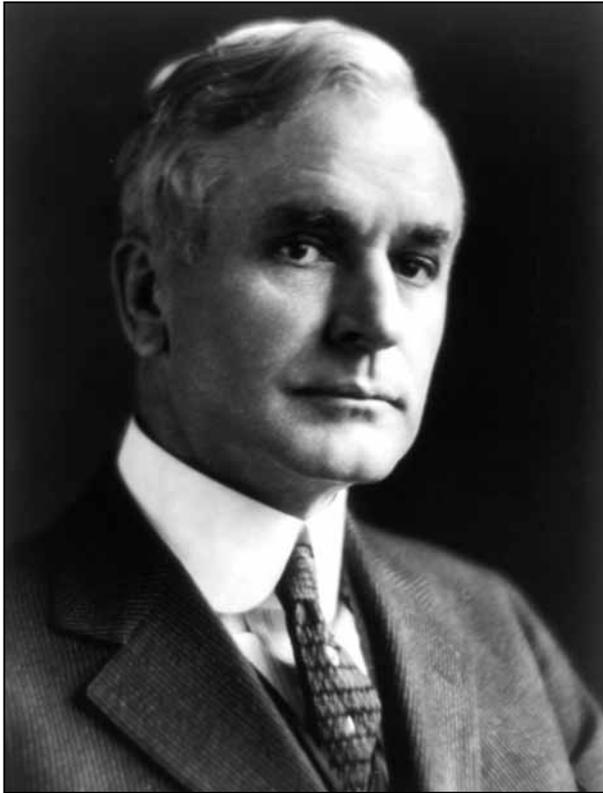
«Джентльмены! Эта наша встреча является неофициальной. Я не готовил своей речи. Я выражу лишь свои чувства, мне хотелось пожать вам руки. Я был бы рад, если бы у меня была возможность отправиться в Думбартон-Окс, чтобы принять участие в ваших переговорах. На вас возложена огромная ответственность. В известной мере это предварительная ответственность, но мы извлекаем уроки из опыта, и я надеюсь, что при разработке планов будущего мира мы установим такое же добровольное сотрудничество и единство действий, какого



Усадьба Думбартон-Окс

мы достигли в деле ведения войны. Это совершенно замечательный факт, что мы вели эту войну с таким великим единодушием. Я думаю, что тут многое зависело от личностей. В 1941 году, например, я плохо знал мистера Черчилля. Я встречался с ним один или два раза, совершенно неофициально, в период Первой мировой войны. Но после трех-четырех дней, проведенных вместе, мы очень понравились друг другу. Я узнал его, и он узнал меня. Другими словами, мы сошлись. Позднее мистер Молотов приехал сюда, и мы провели вместе много времени. Затем, в следующем году, в Тегеране маршал Сталин и я узнали друг друга. У нас создались великолепные отношения. Мы сломали лед, если когда-либо он существовал, и с тех пор уже нет никакого льда. Мы

должны заключить мир, такой мир, при котором крупные страны будут действовать в унисон, предотвращая войны с помощью применения силы. Мы должны быть друзьями, совещаться друг с другом — это источник познания друг друга. Я надеюсь, что этого можно будет достигнуть, ибо такой дух уже был проявлен, когда мы взяли совместно за достижение победы в войне. Но этот дух мы узнали лишь в последние несколько лет. Это нечто новое — близкие отношения между Британской империей и Соединенными Штатами. Великая дружба между русским народом и американским народом — это тоже новое. Мы должны сохранить дружбу, и, распространив этот дух на весь мир, мы добьемся мира для наших внуков. Все, что я могу сделать, это по-



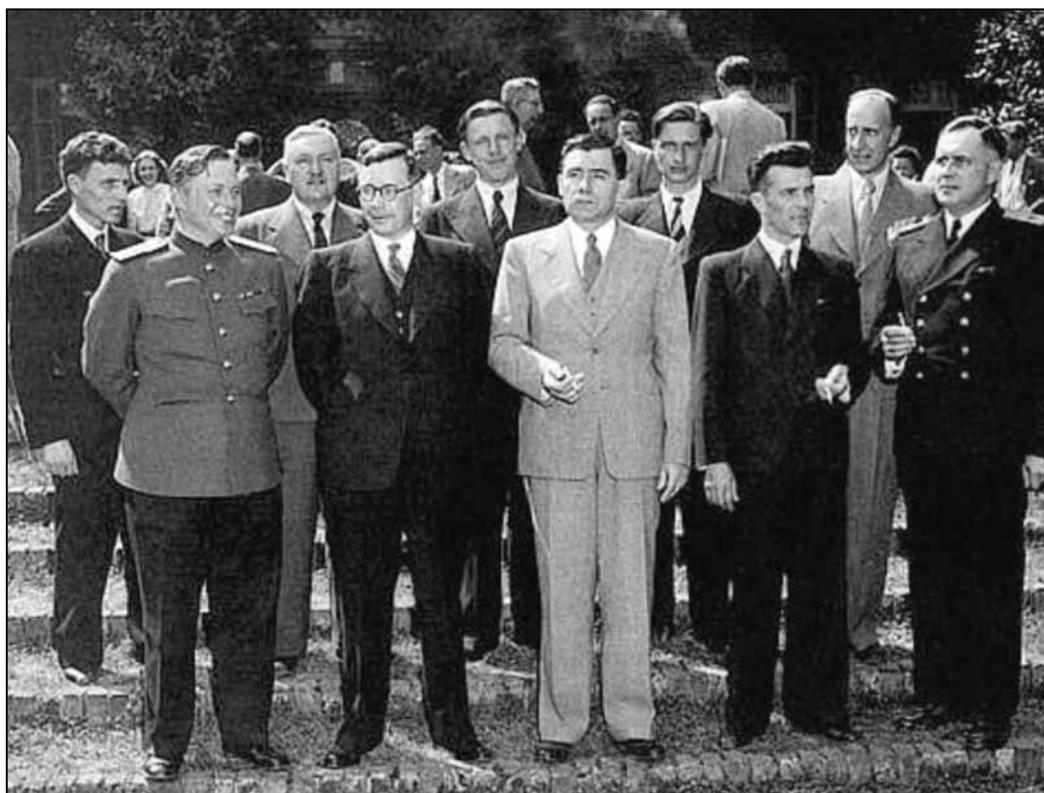
Кордэлл Хелл

желать вам успеха в великой задаче, за разрешение которой мы взялись. Это не будет последней задачей, но, во всяком случае, она дает нам основу для достижения той цели, к которой стремилось человечество на протяжении многих сотен лет. Очень приятно видеть вас. Желаю вам успеха».

День за днем в Руководящем комитете и в подкомитетах шли переговоры, обмен мнениями, формулирование параграфов будущего Устава организации. Иногда дискуссии приобретали острый характер. Например, когда обсуждался вопрос о принятии новых членов в организации, Громыко выступил, казалось бы, с простым предложе-

нием: считать, что государства фашистского типа не могут быть членами организации. Стеттениус неожиданно возразил: «Но в Америке рядовые люди не понимают смысла политических систем, кроме своей, американской системы». Действительно, американцы были равнодушны к тому, что происходит за пределами их страны, а политику воспринимали как зло, от которого нужно держаться подальше.

На очередном заседании Руководящего комитета Громыко внес предложение считать все 16 советских республик членами-учредителями организации. Советское предложение не на шутку всполошило британскую делегацию, которая считала вполне естественным, чтобы члены Британского содружества (т.е. доминионы) также были представлены в организации. По этому вопросу состоялась беседа Рузвельта с Громыко, после чего президент срочно послал письмо Сталину: «Упоминание Вашей делегации в Думбартон-Оксе о том, что Советское правительство могло бы пожелать поставить на рассмотрение вопрос о членстве для каждой из шестнадцати Союзных республик в новой международной организации, меня весьма беспокоит». Сталин ответил: «Заявлению советской делегации по этому вопросу я придаю исключительно важное значение.<...> Вам, конечно, известно, что, например, Украина и Белоруссия, входя-

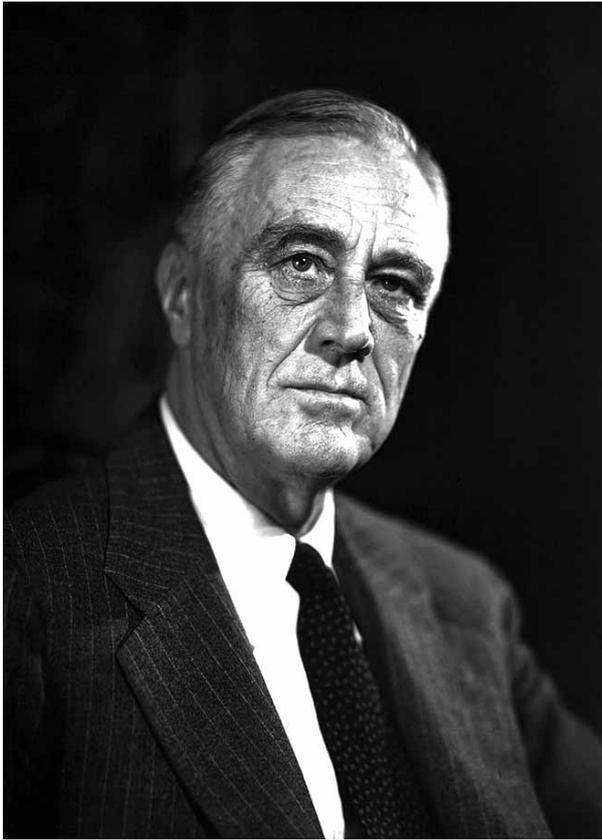


Советская делегация

щие в Советский Союз, по количеству населения и по их политическому значению превосходят некоторые государства, в отношении которых все мы согласны, что они должны быть отнесены к числу инициаторов создания международной организации». В конце концов вопрос о включении Украины и Белоруссии в состав был положительно решен главами государств на Крымской конференции.

В выходные дни в работе конференции был сделан перерыв, и американцы пригласили членов делегаций, за исключением занятых в редакционном подкомитете, слетать на ознакомительную экскурсию в Нью-Йорк. Перелет из Вашингтона в Нью-Йорк занял чуть

больше часа. Из аэропорта делегаты в сопровождении эскорта мотоциклистов были доставлены в самый престижный отель города — «Уолдорф-Астория». На вечер их пригласили в клуб «Бриллиантовая подкова» на представление, которое закончилось далеко за полночь. На следующий день было знакомство с городом, с легендарной улицей Уолл-стрит и посещение музеев. Вечером делегаты были гостями миллиардера Нельсона Рокфеллера в принадлежащем ему небоскребе «Рокфеллер-Центр». В мюзикхолле «Радио-сити» была показана разнообразная концертная программа, которая завершилась танцевальным номером знаменитого в то время кордебалета «Рокетс».



Франклин Рузвельт

После выступления «Рокетс» гости отправились на коктейль на вершину небоскреба, откуда через зеркальные окна зала открывался впечатляющий вид на ночной Нью-Йорк. Здесь собралось много именитых гостей. Мужчины были во фраках, женщины — в вечерних платьях. С небольшим опозданием появился хозяин приема. Бережков вспоминает: «В зал легкой походкой вошел коренастый молодой мужчина с рыжей шевелюрой и резкими чертами лица.<...> Одет он был весьма небрежно: темно-коричневый костюм сидел на нем мешковато, к брюкам, заметно вытянутым на коленях, видимо, давно не прикасался уют.<...> Однако самого его это явно не сму-

щало. Он поинтересовался, какое впечатление на советскую делегацию произвело выступление «Рокетс». Генерал-майор Славин ответил ему, что «у нас есть свои «Рокетс» — «Катюши». — И у всех одно имя? — удивился миллиардер. Выслушав разъяснение генерала, он рассмеялся и пожал ему руку. После коктейля Рокфеллер повел делегатов показывать свой 70-этажный небоскреб. В одном из верхних этажей находилась телевизионная студия. Когда оператор, демонстрировавший работу телевизора, узнал, что среди них есть люди из Советского Союза, он сообщил, что изобретателем этого «чуда» является русский инженер Владимир Зворыкин. Бережков, уловив момент, сумел задать миллиардеру мучивший его довольно-таки не протокольный вопрос: «Почему Вы, такой состоятельный человек, одеты столь небрежно?» — «Видите ли, — ответил Рокфеллер, — тот, у кого еще нет миллиона, должен, конечно, тщательно следить за своей внешностью, а если у вас перевалило за миллион, то вы можете себе позволить некоторую экстравагантность».

На следующий день, по приглашению Стеттениуса, состоялась морская прогулка на его яхте по реке Гудзон с выходом в Атлантический океан. В салоне яхты хозяин, попивая виски, делился с гостями своими мыслями о послевоенном взаимодействии между союзниками, в которое он, казалось, искренне верил.

«Я полагаю, — говорил он, — мы должны совершенно по-новому строить наши отношения, основывая их на взаимном доверии. Опыт войны показал, что мы можем сотрудничать в очень сложных условиях мирового конфликта. Тем более мы можем быть друзьями после совместной победы над врагом». Проплывая мимо огромного океанского лайнера, делегаты увидели, как на его борт поднимались солдаты в полном снаряжении, а портовые краны грузили на палубу и в трюмы танки, орудия, грузовики-«студебеккеры», ящики с боеприпасами и продуктами питания. Люди на пристани махали руками и платками, что-то кричали, провожая, может быть, в последний путь своих родных и близких на фронт, в Европу.

Никто не сомневался в том, что в состав Совета Безопасности войдут США, Великобритания и СССР. Делегация США настаивала, чтобы в это число вошел и Китай, а англичане — на том, чтобы вошла еще и Франция. Возражений по этому вопросу не было, однако на заседании Руководящего комитета возникла дискуссия о порядке голосования для постоянных членов Совета. Громыко отмечает: «Конференция в Думбартон-Оксе решила много вопросов, но не все. Остался вопрос о «вето» и об особых правах постоянных членов Совета Безопасности». Дебаты длились два дня, но согласия достичь не удалось. В спор



Нельсон Рокфеллер

были вынуждены вмешаться главы государств. Рузвельт обратился к Сталину: «Остается один несогласованный вопрос, <...> это вопрос о голосовании в Совете. Мы и британцы твердо держимся того взгляда, что при принятии решений Советом спорящие стороны не должны голосовать даже в том случае, если одна из сторон является постоянным членом Совета, в то время как Ваше правительство придерживается противоположного взгляда». В ответе Сталина указывалась важность того, чтобы Совет работал на основе принципа согласованности и единства четырех ведущих держав по всем вопросам, включая и те, которые непосредственно

касаются одной из этих стран. Окончательное решение о «праве вето» для постоянных членов Совета было достигнуто главами трех государств на Крымской конференции в феврале 1945 года.

Открывая заключительное пленарное заседание конференции, которое состоялось 28 сентября и длилось всего 20 минут, председательствующий Стеттениус сказал: «Молоток, которым я стучу, открывая и закрывая заседания, изготовлен из куска дерева, взятого из остатков хорошего и быстроходного американского корабля, носившего название «Конституция». Надеюсь, что, закрыв нашу конференцию, мы имеем все основания пожелать доброго плавания новой международной организации».

На следующий день советская делегация вылетела на Родину.

Конференция в Думбартон-Оксе была одной из самых результативных дипломатических встреч периода Второй мировой войны.

Когда президент Рузвельт ознакомился с ее результатами, он заявил, что испытывает «чувство полного удовлетворения и даже изумления в связи с тем, что по такому трудному вопросу и в такое короткое время оказалось возможным достигнуть столь многого». В праздничном докладе 6 ноября 1944 года Сталин отметил: «Характерным для этой конференции является не то, что там

вскрылись некоторые разногласия, а то, что девять десятых вопросов безопасности были разрешены на этой конференции в духе полного единодушия».

Член английской делегации Джебб вспоминал: «Теперь я просто удивляюсь, что в столь сравнительно короткий промежуток времени удалось достичь согласия по важнейшим вопросам.<...> Постепенно спорные фразы исчезали, и, в конечном счете, остались лишь два нерешенных момента: вопрос о голосовании и требование русских о представительстве в Генеральной Ассамблее нескольких советских республик».

Еще более высокую оценку дает и другой участник конференции — американец Болен: «Без Думбартон-Окса не было бы ни конференции в Сан-Франциско, ни Объединенных Наций».

12 апреля 1945 года Рузвельт написал Сталину письмо, в котором заверял его в твердом намерении укреплять сотрудничество США с Советским Союзом. Это был последний документ, подписанный президентом. В тот же день он скончался. К власти в США пришел вице-президент Гарри Трумен. Противники Рузвельта дождались своего часа, и в советско-американских отношениях почти сразу появились сложности. Вскоре последовала знаменитая фултонская речь Черчилля, вслед за которой началась эра холодной войны... □

Полководец «коротышка», или «самовар-паша»

«Сего безобразного карлу уволить немедля за физиономию, наводящую уныние на всю гвардию».

Император Павел I

За всю историю России только четыре человека стали полными Георгиевскими кавалерами:

М.И. Голенищев-Кутузов,

М.Б. Барклай-де-Толли,

И.Ф. Паскевич и...

И.И. Дибич Забалканский.



В школах на уроках истории об этом человеке не упоминают, а в Большой советской энциклопедии говорится лишь несколько фраз:

«Дибич был бездарным кабинетным стратегом... отличался честолюбием и интриганством....»

Зачем же Ивана Ивановича Дибича увековечили на монументе, да к тому же четырежды награждали высшим военным орденом «Георгия Победоносца»?

Начнем издалека. Отец будущего генерал-фельдмаршала обедневший барон и подполковник в отставке Ганс фон Дибич, ушел в отставку с прусской службы и перебрался в Россию. Подписал военный кон-

тракт, причем, с понижением чина. (Служба в войсках Российской империи была столь престижна, что иностранцев на нее брали исключительно с понижением в звании).

Через несколько лет он добился «воссоединения с семьей» и, будучи директором первого кадетского корпуса, смог записать своего шестнадцатилетнего сына в престижный Семёновский полк. Увы, карьера молодого офицера почти сразу же не задалась.

Гатчина. Плац для парадов и смотров

Император Павел I пребывал в прекрасном настроении с самого утра.

И было отчего. Измайловский полк промаршировал без единой помарки, более того, четко выполнил все строевые команды ничуть не хуже, чем в прусской армии.

— Ваше Величество, осмелюсь напомнить, что уже настало время обеда, не изволите ли вернуться в столовую залу — разодетый по последней моде, вышколенный камердинер переминался с ноги на ногу, не зная, как оторвать самодержца от любимого занятия.

— Погляжу на молодцов-семеновцов, нагуляю еще аппетиту и тогда уже... — Он не успел закончить фразу, ибо увидел, как впереди одного из отрядов вышагивал вприпрыжку низкорослый офицер, то и дело сбиваясь с ритма и совершая неуклюжие, кособокие движения.

Негодование императора не было предела! Забыв про обед, он полчаса орал на побелевшего, словно мел, Дибича, после чего самолично вытолкнул несчастного из строя. И приказ об увольнении из армии последовал незамедлительно, причем с убийственной формулировкой.

«... за физиономию, наводящую уныние на всю гвардию!»

К сожалению, надо признать, что всесильный самодержец был прав.

Вот что писал о Дибиче Дмитрий Мережковский в своей книге «Александр Первый»:

«Волконский смотрел на него свысока, потому что иначе не мог: голова Дибича приходилась едва по плечо собеседнику; карапузик малень-

кий, толстенький, с большой головой и кривыми ножками...»

Через несколько месяцев императора Павла убили, а Дибича на службу вернули.

1805 год.

Битва под Аустерлицем

Его ранили в руку, но молодой офицер сражения не покинул. Как мог, затянул себе кисть офицерским шарфом, дабы остановить кровь, и снова ринулся в атаку, за что и получил свою первую награду — золотую шпагу с надписью «За храбрость!»

Война продолжалась, и поручик Иван Дибич продолжал принимать участие во всех ее баталиях.

— Осмелюсь доложить, — запыхавшись, обратился он к командиру своего егерского полка, — французики вон за тем лесочком собираются. Полагаю, прямо оттуда атаковать станут. Надо бы наши пушки в ту сторону повернуть да врезать супостатам, по-нашему, по-русски.

— А коль врешь, и нет там никого?! Тогда как?! Я артиллерию передвину, а противник на нас напрямиком в лоб ползет!

— Так я вот этими глазами... их там тьма, вот-вот попрут, никак нельзя медлить, — горячился Дибич и убедил.

За умение предвидеть дальнейшие события на поле боя и обеспечить победу, грудь двадцатидвухлетнего офицера украсил орден «Святого Георгия четвертой степени».

Семь лет спустя. Первая Отечественная война

В битве под Дрезденом Ивана Ивановича в очередной раз ранили. Под ним убили две лошади. Обычное дело для храбрых офицеров того времени.

А на его груди засверкал новый орден «Святого Георгия» — третьей степени.

Участвуя во всех штабных совещаниях, он, один из немногих, поддержал предложения Барклая-де-Толли не гоняться за Наполеоном по всей Франции, а идти на Париж, тем самым прекратить войну и вынудить Бонапарта отречься от престола.

Поговаривают, что, соглашаясь с бывшим военным министром, Дибич преследовал и личный интерес, ибо в тот момент был уже помолвлен с племянницей Барклая, баронессой Анной фон Тарнау, и с нетерпением ждал того дня, когда сможет повести свою суженую под венец... (Надо сказать, что, несмотря на пересуды, блестящая красавица и невзрачный муж создали крепкий супружеский союз).

1825 год. Восстание декабристов

Будучи начальником Главного штаба Его Императорского Величества, Иван Иванович был прекрасно осведомлен о тайных политических обществах в Российской империи. По его приказу начались аресты в воинских частях, был взят под стражу П.И. Пестель.

Велось наблюдение за поведением и разговорами поэта Пушкина. Дибич

предупредил Николая I о возможном заговоре офицеров и одним из первых присягнул на верность новому императору. А позже лично проводил первые допросы участников восстания на Сенатской площади.

Преданность «коротышки» не осталась незамеченной, новый император присвоил Дибичу звание генерала от инфантерии.

1829 год. Третья война генерала «коротышки». Забалканский поход

Только одну кампанию Дибич провел целиком — поход за Балканы. Но она блестяща по замыслу, решительности исполнения, результату.

А.А.Керсновский «История русской армии»

Санкт-Петербург. Зимний дворец. Кабинет императора

— Если мне память не изменяет, то вы еще лет семь назад подготовили план нашей баталии с Турцией, — при этих словах Николай Павлович вышел из-за стола и, подойдя к своему любимцу, пожал Дибичу руку.

— Так точно, он, в некоторой степени, конкурирует с вариантом принца Вюртембергского. Но суть у нас одна — русские войска должны молниеносным броском занять Молдавию и Валахию, после чего, форсировав Дунай, разбить вражеские гарнизоны в Варне и Шумле и, наконец, переправившись через Балканы, выйти к их столице, — на одном дыхании

отрапортовал генерал, встав при этом на цыпочки, чтобы казаться чуточку выше.

— Ну, раз так, вам и возглавлять сей поход. Пришло время освободить наших братьев единоверцев-болгар, от османского ига, и грекам пора уже обзавестись собственным государством. Меня об этом и Англия, и Франция, да и вся просвещенная Европа просит, — самодержец указал рукой на стол, заваленный многочисленными бумагами.

— Но для похода потребуются значительные силы, коих у нас в данный момент нет из-за баталий на Северном Кавказе. Требуется время, чтобы...

— Не припомню случая, когда на полях сражений наши чудо-богатыри имели численное преимущество перед турками, — оборвал его государь. — Как вам известно, я недавно побывал в тех местах и после военного совета окончательно убедился, что командующего Витгенштейна надобно менять, и как можно быстрее. Так что извольте принять командование на себя, и да поможет вам Бог!

Июль 1829 года. Балканские горы

Меньше чем за две недели армия под командованием Дибича преодолела перевалы и под палящим летним зноем совершила марш-бросок, пройдя сто пятьдесят километров.

(В этих краях в то время свирепствовала эпидемия холеры, и к концу похода в строю оставалось всего лишь семнадцать тысяч солдат...)

Молниеносный переход русских через прежде непроходимые Балканы потряс турок. Впервые в истории русско-турецких войн боевые действия с дальних подступов к Оттоманской империи перекинулись на области, прилегающие к столице.

Высланные к приближающимся войскам два турецких отряда, общей численностью в тридцать тысяч человек, были разгромлены, и русская армия продолжала победный марш на Константинополь, не обращая внимания на все возрастающие потери от заразной болезни и жары.

Восьмого августа второй по величине город Турецкой империи — Адрианополь (Эдирне) сдался без боя.

Из доклада генерала императору Николаю I

«Если я и сосредоточил бы все отряды в одну массу, то и тогда я не мог бы занять Константинополь. Это обстоятельство не было известно ни Дивану, ни чужестранным послам, бывшим в Царьграде, и все они опасались, что я займу столицу Махмуда, а более всего, что это взятие Константинополя преобразует все политические отношения между европейскими державами». И Иван Иванович выдвинул противнику ультиматум:

«Ваш султан незамедлительно подписывает мирный договор, или мы возобновляем наш поход на Стамбул».

Дабы подкрепить всю серьезность написанного, несколько отрядов русских солдат с одного фланга приблизились к берегам Средиземного мо-



ря, а на другом, босфорском, появились наши казаки. Еще один отряд двинулся напрямик на столицу...

Блеф генерала удался. 2-го сентября султан подписал Адрианопольский мир.

Дибич в своем донесении написал: «на выгоднейших условиях, чем намерения его императорского величества и данное мне полномочие того требовало».

По Адрианопольскому договору турки признавали все наши завоевания на Северном Кавказе, кроме этого, во владение Российской империи переходили огромные территории вдоль Черноморского побережья — от Анапы до Сочи, Абхазии, вплоть до грузинского Поти. Болгария, Сербия, Валахия получали автономию, а Греция — столь долгожданную независимость. Никогда, ни до, ни после, Российская импе-

рия по итогам войн не получала столь значительных преференций!

В знак признания заслуг Ивана Ивановича Дибича самодержец пожаловал ему к фамилии приставку — Забалканский, высшее воинское звание в Российской армии — фельдмаршал, и наградил орденом Георгия Победоносца высшего Первого класса.

Вот и получается, что «коротышка» Дибич стал полным Георгиевским кавалером, наравне с Кутузовым, Барклаем-де-Толли и, позже, Паскевичем. Солдаты же, после окончания этого тяжелейшего похода, присвоили ему едкое, но справедливое прозвище «Самовар-паша». А все из-за его вспыльчивости и взрывного характера...

Умер Иван Дибич в 1831 году, в возрасте 46 лет. До сих пор причина смерти неясна, но Николаю I доложили, что скончался он от холеры. □



Ирина Опимах

Адриан Браувер — гуляка, пьянчуга и Мастер

Ван Дейк.
Портрет Адриана Браувера



Золотой век фламандской и голландской живописи подарил нам множество замечательных художников. Это и Вермер, и Халс, и Рембрандт, и Рубенс, и Ван Дейк... И среди этой блестящей когорты живописцев не последнее место занимает Адриан Браувер. Недаром в изданной Антонисом Ван Дейком в 1646 году «Иконографии», собрании 200 портретов выдающихся «принцев, ученых, живописцев, скульпторов и знатоков живописи», есть и портрет Адриана Браувера. Он был написан в 1643 году. На портрете — подпись: «Адриан Браувер, антверпенский живописец комических жанровых сцен, фламандской национальности». Мы видим молодого красавца — лихо закрученные усы, бурная шевелюра, элегантный плащ, кожаные перчатки... Чувствуется, что Ван Дейк сам определил положение модели, а может, и одел его в соответствующие парадному портрету одежды. На автопортрете, написанном Браувером незадолго до смерти, спустя несколько лет после позирования у Ван Дейка, мы видим совсем другого человека — в простой рубаше, непричесанного, как сегодня говорят, неухоженного, довольно полного, явно любителя поесть и выпить. Наверное, таким он и был, этот необыкновенно талантливый, яркий человек, запечатлевший на небольших картинах свой мир — жизнь своих приятелей и просто знакомых, обычных посетителей кабачков, пьянчуг и драчунов, обитателей ремесленных кварталов.

Историки искусства не много знают об этом художнике. Известно, что он родился в самом начале XVII века, в 1606 году, в городке Ауденарде, в 50 километрах от Антверпена. Его отец, зарабатывавший на жизнь созданием рисунков для шпалер,

по-видимому, стал его первым учителем.

В 1618-1648 годах вся Европа была залита кровью — шла изнурительная, долгая Тридцатилетняя война. В 1621 году закончилось перемирие с Испанией, и мощная волна

беженцев-протестантов устремились в Северные провинции, подальше от власти Габсбургов, пропитанной папизмом, ярым, не терпящим инакомыслия, католицизмом. Бежал в Амстердам и юный Браувер. Тогда в Голландии ремесло художника считалось вполне уважаемым и достойным делом. Да и прибыльным тоже. Представители всех сословий, жившие в небольших, уютных городках, — купцы и ремесленники, владельцы мануфактур, офицеры, врачи, зажиточные крестьяне — с удовольствием покупали картины, чтобы украсить ими стены своих домов. На этих небольших полотнах художники изображали жанровые сценки, пейзажи, портреты, интерьеры — все, что было хорошо знакомо их заказчикам, и все, что им хотелось видеть. Картины покупались через перекупщиков, в мастерских, на ярмарках, рынках. Стоили они недорого и были доступны всем, даже крестьянам. В соседних странах (Бельгии, Франции) цены на картины были гораздо выше, и творения голландских художников в больших количествах покупали и заезжие гости, что экономически весьма стимулировало развитие голландской живописи.

В Голландии у живописцев не было могущественных клиентов и покровителей из высородной знати. Не заказывали им картины и представители Церкви: в протестантских кирхах живопись не играла такой роли, как в пышных католических храмах, а потому местные художники редко

обращались к библейским сюжетам — герои их картин жили той же жизнью, что и сами художники. Отстояв ценой огромных потерь свою независимость, голландцы гордились собой и были полны чувства собственного достоинства. Недаром именно портрет и жанровые сценки становятся излюбленными темами голландской живописи.

И Браувер решил стать настоящим художником. Похоже, это вполне прибыльное дело, к тому же, он верил в свой талант! Из Амстердама Браувер попал в Гарлем. Здесь ему повезло — его взял в обучение сам Франс Халс, один из выдающихся художников той эпохи. У этого мастера многому можно было научиться, например, рисовать, а также получать удовольствие от хорошей выпивки, правда, в свободное время приходилось понянчить его детей, но так уж полагалось подмастерьям. Биографы Браувера рассказывают, что Халс, заметив незаурядные способности нового ученика, запирает его на чердаке своего дома и заставляет рисовать маленькие жанровые картинки, которые потом продавал по весьма немалой цене. Халс был не очень-то добр к своим подмастерьям и учениками — мог и ударить, и оставить без обеда. Неудивительно, что юный Браувер однажды сбежал от своего мэтра. По свидетельствам некоторых его биографов, он решил попробовать нечто совсем иное, нечто, далекое от искусства — завербовался в голландскую армию,



повоевал с испанцами, к счастью, не попав под пулю, затем дезертировал, постранствовал с бродячим театром по стране... В конце концов он все-таки решил заняться тем, что у него лучше всего получалось — живописью.

Он вернулся в Антверпен и в невероятные быстрые сроки стал популярным и известным мастером в стране, в которой работали такие блестящие мастера, как сыновья Брейгеля, Рубенс, Халс и даже Рембрандт. Очевидно, уроки Халса не прошли даром, и Браувер научился у своего учителя не только выпивать, но и создавать замечательные картины: уже в 1627 году, амстердамский поэт Питер

Нотманс в своей поэме «Битва при Павии» рассказывает о Браувере, называя его «искусным и широко известным живописцем из Гарлема».

Брауверу всего 21 год, а он уже искусен и широко известен! Его картины — небольшие, но очень выразительные — имели успех и хорошо продавались. Однажды он продал картину, на которой был изображен карточный поединок в таверне, богачу по фамилии дю Вермандуа за 100 гульденов — немалую по тем временам сумму, обычно такая картина могла стоить, в лучшем случае, 30-40 гульденов. Авторы его жизнеописаний рассказывают, как получив деньги, он пришел домой, высыпал монеты на кровать, полежал на

Слева:

*«Крестьяне,
дерущиеся
из-за карт»*



«Курильщики»

них, а затем, набив ими карманы, отправился в загул. Его не было 9 дней, и никто не знал, где он. А когда художник, наконец, появился, пьяный и с пустыми карманами, то на вопрос, где он был и где его деньги, он ответил, что избавился от них, уж слишком тяжело их было носить.

Про него вообще рассказывали много всяких забавных историй. К примеру, вот еще одна. Однажды его ограбили пираты, и он попал в Амстердам без гроша, раздетый, бездомный. Но он нашел выход: из старой мешковины сшил костюм и

расписал его яркими цветами. Костюм получился таким красивым, что все модницы Амстердама стали ему завидовать и тоже возжелали приобрести такие одежды. И тогда Браувер пришел в театр на вечернее представление, выскочил на сцену и демонстративно стер мокрой тряпкой цветы со своего костюма, произнеся страстную речь, обличавшую человеческую глупость и тщеславие. А однажды родственник пригласил художника на свою свадьбу. Должно было собраться достойное общество, поэтому Браувера, никогда не



заморачивавшегося по поводу внешнего вида, попросили одеться попримечнее. Он выполнил просьбу родственника — надел дорогой бархатный костюм бордового цвета, сшитый по последней моде. Настало время сесть за стол. Браувер поел, выпил, а затем вылил на костюм два блюда с жирным соусом. Его костюму тоже нужно насладиться едой, ведь и костюм пригласили на торжество! — объяснил художник свои действия. Несомненно, ему была присуща театральность — не только в живописи, где каждая его картина выглядела как сценка из спектакля, но и в жизни.

Брауверу было все интересно — не только искусство, но и литература, при этом, ему все удавалось. Картины его ценились, и литератур-

ные опыты, стихи тоже находили признание — в эти годы он был членом литературного объединения, клуба, «InLiefdeVovenAl». Подобные клубы назывались «палатами риторики». Это были такие своеобразные товарищества, на собраниях которых их члены упражнялись в стихосложении, читали свои творения и ставили спектакли.

Но основной страстью Браувера была, конечно, живопись. Его небольшие картины (порядка 30х40 см, самая большая — 48х67 см) — пользовались огромным успехом. Он с самого начала своей карьеры очень грамотно выстраивал свои отношения с рынком — например, поначалу стал называть себя Новым Брейгелем — («Брейгель» был, как сегодня говорят, раскрученным брендом), часто свои картины сопровождал забавными подписями и пояснениями. К примеру, картину, где мужчина подтирает попу младенцу, назвал «Неприятные обязанности отцовства». Зная о популярности тех или иных сюжетов, например, «Семь грехов», «Пять чувств», он часто использовал их в своих жанровых сценках.

С годами его манера становилась все более совершенной, легкой, выразительной. И вскоре его картины стали покупать и собирать люди, хорошо разбирающиеся в искусстве, и среди них — Рубенс, в коллекции которого было около 17 картин Браувера. В 1635 году Рембрандт выкупил целый набор картин Браувера, а после 1656 года его коллекция попол-

Слева:

*«Горькое
питье»*



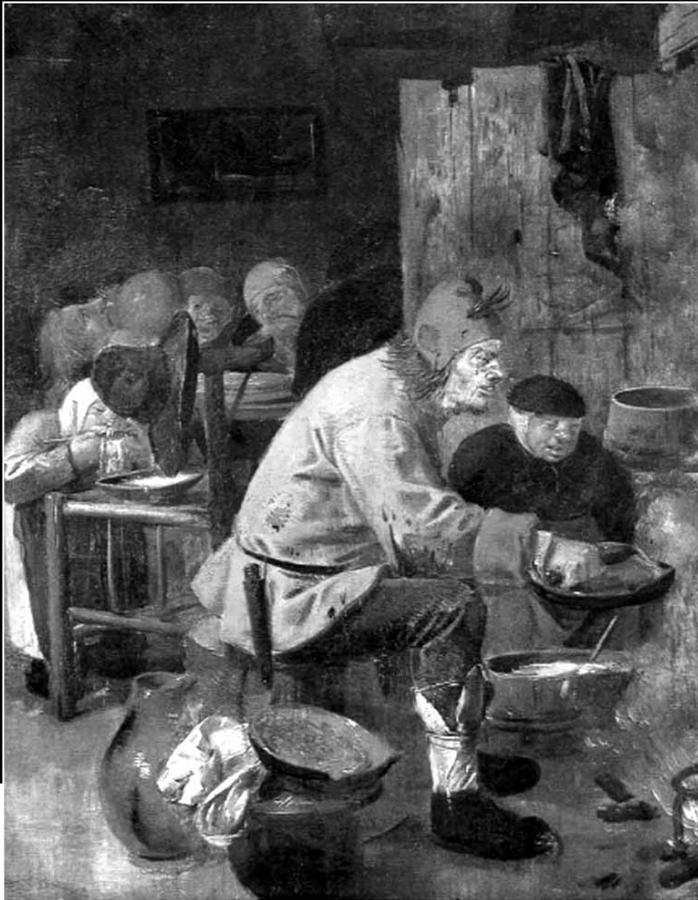
*«Крестьянский
танец»*

нилась еще 7 картинами этого художника. Более того — Браувера стали копировать, делать то, что мы сегодня называем фейками, подделками, фальшивками, и занимался этим, например, замечательный художник Давид Тенирс Младший. Раньше Браувер называл себя «Вторым Брейгелем», а теперь Тенирс представлялся «Вторым Браувером»!

В то время, когда на полотнах его современников жили почтенные господа в кружевных воротничках, прекрасные дамы, играющие на пианино или читающие письма, члены разных гильдий, на картинах Браувера пили, ели, играли в карты, любили женщин совсем другие персонажи...

Некоторое время Браувер снимал жилье у хозяина таверны, и стоило художнику зайти в это заведение, он тут же обнаруживал там своих геро-

ев. Тех самых, которые пили водку и другие горячительные напитки, курили табак, играли в карты и всячески радовались жизни, что и изображалось на его полотнах. В эту таверну иногда заходили и богатые бюргеры, и тогда победители в азартных играх в качестве призов получали картины и другие ценные предметы. Так можно было продать свою картину за хорошие деньги, познакомиться с возможными клиентами. В общем, наверное, Браувер был вполне практичен и расчетлив, и совсем не законченный пьянчужка и гуляка. Наверное, художник сам в некотором роде сочинял о себе легенды — недаром же он состоял в литературных объединениях, в этих палатах риторики. Он создавал мифы о себе и писал небольшие рассказы с помощью кисти и красок — его картинки становились малень-



кими новеллами с вполне законченными сюжетами.

В палате «Виноградная лоза», девиз которой был «Любовь превыше всего», часто бывали художники, и среди них — Браувер, который выбрал себе личный девиз — «Всегда больше!» И он, наверное, и пил больше — по крайней мере, не меньше других, но и работал больше. Конечно, Браувер и его коллеги понимали, что они, пьянчуги, занимающиеся искусством, существенно отличаются от пьянчуг из народа. И пьют они не так, как простые работяги. На картине «Курильщики» Браувер изобразил себя и своих друзей-художников. Это был определенный вызов буржуазной публике, демонстрация свободы, независимости...

В 1631 году Браувер вернулся на родину, в Антверпен, вступил в местную гильдию Свя-

того Луки. Его работы уже высоко ценились, причем настолько, что его стали часто подделывать! Недаром ему пришлось писать официальную бумагу, подтверждающую, что у Рубенса хранится его подлинный «Крестьянский танец», который он написал только один раз. И другие коллекционеры просили Браувера подтвердить подлинность его работ, которые им посчастливилось приобрести. Казалось, он должен быть богат, но Браувер работал медленно, ведя весьма разгульный образ жизни, а потому все время залезал в долги. Конечно, были меценаты, например, успешный коммерсант, торговец шелком Босх, который щедро давал художнику деньги, надеясь взамен получить его картины.

А в 1633 году Браувер попал в тюрьму. Испанские власти обвинили его в шпионаже в пользу голландцев и посадили в антверпенскую крепость на 14 месяцев. Режим в тогдашних тюрьмах был не очень суровый — Брауверу разрешалось заниматься живописью, а также гулять по территории крепости, общаться с работавшими там булочниками, мельниками и кабатчиками.

Слева:

«Блинная»



«Тaverna
с пьяными
крестьянами»

Ему даже удалось найти себе веселую компанию — из родственников булочника и их знакомых. Через год он вышел на свободу: его богатый покровитель и почитатель господин Босх заплатил за него выкуп. Некоторые авторы утверждают, что его выпустили благодаря заступничеству Рубенса, но документы говорят, что это все-таки не так. Зато близость к Рубенсу несомненна — после освобождения Браувер поселился у гравера Паулуса Понтиуса, друга и доверенного лица Рубенса.

В 1638 году в Антверпен пришла чума, унесшая жизнь множества людей. Не пощадила она и Браувера. Он умер 1 февраля того же года. Ему был всего 31 год. Поначалу его похоронили в общей могиле, как хоронили всех чумных. Но уже в фев-

рале, по просьбе членов гильдии Святого Луки, его прах был перезахоронен на кладбище монастыря кармелитов.

Конечно, Браувер был гуляка и пьяница, но не только. Если бы он не умел работать, если бы постоянно не учился, не совершенствовал свое мастерство, ему не удалось бы написать столь замечательные картины, в которых так ярко, так мощно запечатлена жизнь его современников, жизнь простого народа. Он никого не порицает, не унижает, он вместе с ними, он любит своих героев... И создает великолепную живопись...

Браувера копировали, ему подражали, но никто так и не смог приблизиться к вершинам его искусства. Сегодня ему приписывают около 80 картин, и все они украшают собрания лучших музеев мира. □

Немного помрете, потом оживете

Отец хотел сына, но родилась я — дочка.

Мне всегда хотелось угодить отцу, хотелось казаться в его глазах — хорошей, правильной. Но у меня не получалось: я все время в детстве болела, то жар, то ангина, то гастрит. Отец сказал: «Займись спортом!» Я начала тренироваться, по утрам стала бегать по стадиону, который был как раз у нас под окнами дома. Такой старенький, полуразрушенный стадион советских времен, но мне нравилось.

Я старалась совершать настоящие мужские поступки для отца. Помогала ему ручным насосом накачивать шины в нашей «Волге», даже научилась водить машину, хотя у меня в четырнадцать лет еще не было прав. А когда я их получила, то бесстрашно гоняла по дачным дорогам. Я сама умела запросто вколачивать гвозди, даже сама своими руками построила настоящий легкий, дачный сарайчик, затем сама его утеплила, и получился дом. А перед этим почти неделю копала землю под фундамент, носила мешки с цементом и, набросав камней с песком, сама замешивала бетон.

Мне всегда хотелось соответствовать мечте отца, но я с трудом дотягивалась лишь до светлого и непорочного края этого самого великого плана своего любимого папы.

— Папуля? Ну, как сейчас? Я доросла хотя бы до половины твоей мечты? Хотя бы до ее одной третьей?

И так всю жизнь. Вышла замуж, родила детей, растила сама, не жалуясь, не стеля. Работала не покладая рук. Тащила на себе ворох всяких общественных забот и нагрузок. А когда грянул 2014 год, то я, естественно, стала волонтером..

Не ради себя. Ради светлой и великой мечты моего папы. Милый папочка, ну, как я теперь тебе? Могу ли надеяться?

Да кто же ведает? Сорок лет назад отец умер, и лишь моя неугомонная совесть вопрошала:

— Ну, как теперь?

Мы грузили подарки детям, собирали камуфляж и бронники, решив поехать паломниками... а там...а там уже вторглись ВСУшники. Уже был разрушен до камней Горнальский Свято-Николаевский мужской монастырь, и мы в голос ревели.

Вдруг мне показалось, что кто-то гладит меня по голове. Кто-то очень добрый. И у него руки — как у отца...

Если есть на свете родное существо, если есть любимое и дорогое тебе — то у него именно такие руки, такой голос, такой взгляд.

Это были страшные августовские дни 2024 года. Надо было вывозить церковную утварь под обстрелом. Если бы только арта, так нет — стаями летали беспилотники. Такие круглые, вертящиеся. Враг не дремал, гад...

Мне удалось все-таки поучаствовать в Крестном ходе. Говорили, что противостояние началось в приснопамятном четырнадцатом. А ранее, в третий день после праздника Святой Троицы, от монастыря верующие шли с Пряжевской иконой в Никольский храм...Шли до поселка Мирополье в Сумской области. А после майдана...ой, да что там говорить, ну, майданулись они-таки. Все мозги им запорошило...

— Ну, как теперь быть, папочка?

И словно услышала в ответ:

— Помнишь, дочка, моя Фотиньюшка! Я тогда еще жив был, мы сюда, в Курск ездили! Миром люди приходили, бревна несли, везли стройматериалы, забивали сваи в реку, доски стелили, гвозди — сотку, а то и стопятидесятку вбивали! Мост держался до следующего года. Зимой ходили, а по весне, когда лед трогался, начиналась чехарда: сначала раскачивались стропила, затем со скрипом ломались сваи, плакали наши доски белоствольные, лед ухватывал, ломаясь, последние крепления, ледоход сносил наше изделие!

Последний раз дошли до моста с иконами в тринадцатом году. На противоположной стороне нас ждали украинские верующие: женщины, укутанные в платочки, мужчины, грубоватые, в куртках на ватине, ребятишки, сплошь веснушчатые, ну, словом, такие, как мы! Прямо на мосту служили молебен. И все были дружелюбны. И ласковы.

Лишь в 2014 году народ словно подменили, это они так майдан «свой зробылы». Ну, зробылы и зробылы, что он вам дал? А ничего! Но скоро все станем богаты! Нам все принесут. Будем лишь по хатам сидеть да чай попивать. Это вечная украинская думка: ничего не делать, но просто так быти богатыми. Уж больно халява им грезится всегда и во всем. Вот немного померете, но зато после заживете!»

В двадцать четвертом все лето стреляли по флагу, который находился на городской башне. Начинали рано утром и до ночи. Били, били, пока не разбили верх башни. И воды не стало в монастыре. Но все равно люди ухитрились, спустили уровень и брали воду, сколько хотели.

Шестого августа стало понятно, что надо уезжать. Ни света, ни воды, еда заканчивалась, пищу варили на костре во дворе храма. Сначала подумали — это так отчаянно стреляют поначалу, но скоро перестанут. Надо обождать день-два. Спросить было не у кого. Связи не было. Лишь на колокольню можно было взобраться и наловить на пару фраз у начальства. Но и оно было не в курсе, что делать. Как там Курск? Брянск? Суджа?

— Папочка, скажи! Расскажи мне, милый...

Нас было шестеро: две пожилые монахини, служка, батюшка Паисий с матушкой и я — паломница. Двух матушек отправили в Тверской монастырь. А мы ждали указания и мешкали пока...

На балконе батюшка даже утром чай попивал. Но вдруг сильно, невольно стало прилетать, и решили, что пока службу проведут в храмовом корпусе, отец Паисий совершал литургию, а послушник со монахинями пели на клиросе. Так жалобно, как никогда... Богослужения не прервали. А тут танк начал методично во двор молотить. Пока шла литургия, в Храм снаряды не попадали, отводились все осколки, мимо пролетали, и этим храм уцелел. Святыми молитвами.

После стали дроны лететь. Решили спасти иконы, монтировкой отрывали их, дубовые киоты не поддавались, но и их удалось снять и погрузить в машину. Взяли паникадило, но большой светильник до четыреста кг весом не поддавался, тогда встали все по бокам и светильник спустили.

Решили еще раз помолиться, чтобы не сгорел храм.

А когда вышла за ворота, как завопила:

— Дряни, твари! Нелюди! Нехристи! Зробыльшики своих майданов! Пустоголовые! Тупоголовые! Никакой вам халявы не будет!

И как будто небо расколосось напололам. Хрястнуло посредине. Я подумала: смерть моя. Вот она — и словно опять отца своего Геннадия Ивановича увидела...

— Папулечка мой! Родненький...

Было похоже на страшный взрыв. Но нет. Оказалось, что это гроза разорвала небо. Сначала без туч и дождя. Просто и буднично. А затем ливень начался.

И прекратились обстрелы. До следующего дня.

Все подумали: обошлось. И слава Богу!

Поели хлеба, попили воды. Немного согрелись в своих кельюшках. Под одеялами было тепло и уютно.

Спасибо, папочка!

Спасибо, батюшка!

Спасибо, Господи!

Мы же дети его. Он нас всегда любит...

Утром истошно запели птицы. Все сразу. Все, сколько их было на земле. Они словно прилетели сюда, в это незаметное место, в Суджу. И это было так удивительно. Словно праздник свершился.

Но нет...

Начался артобстрел. Грубый. Наглый.

Вот чего тебе, укр, надо от наших церквей? Злата хочешь? Халявы? Так не будет ее — халявы этой.

Бил миномет. Летали дроны. Опять целое ведро в небо сыпанули. Мы старались тушить то, что загоралось. Все были похожи на чернорабочих. Лица прокопченные, руки в грязи, в копоти. У меня обгорели челка и ресницы...

Погрузили в машину то, что хотели. Накрыли одеялами. Сами расселись по своим местам. Мы тогда не знали еще, что границу нашу взломали, что враг уже взял Суджу. Лишь видели, как летели и летели внаглую дроны. Разведывательные. И груженные минами. Все небо испоганили. Даже аисты примолкли...

Враг ступил на нашу землю. Курская дуга обливалась слезами.

Мы приготовились. Прочитали молитву, склонив головы перед каждым словом древнего текста.

— Благослови, батюшка Паисий!

— Благослови, Отче!

— Прости меня, папа! Дочь свою.

Клянусь, что не склоню голову, что мужественно снесу все тяготы пути. Так мужик не вынесет, как буду терпеть. В лесу лягу, но врагу не сдамся. Да я получше мужика могу драться!

Батюшка Паисий пытался связаться с высшим чином, но ему это не удавалось. Огромный дрон завис над нами, мы снова стали молиться... спаси, Господи, помоги... У многих от страха слова в горле не держались, словно проскальзывали мимо.

— Нет, так не годится! Молитесь снова...

Господи-и помилуй-у-й...

И я снова почувствовала, как чья-то рука погладила меня по голове. Обернулась — никого...

Стали читать «Живый в помощи Вышняго...», псалом Давида. Листочки с текстом матери зашивали сыновьям под подкладку...

Мы проехали Гuevo, Куриловку. А дальше нас остановили люди и сказали: «Не езжайте туда. Там укры...убивают...выстрелили в беременную женщину, не пощадили даже ребенка...»

Сам батюшка Паисий сел за руль, перекрестился. Затем повернулся к нам и перекрестил тоже. Монахини заплакали:

— Ничего...ничего...с Божией помощью...

Вечерело. Впереди замаячил блокпост. Чужой. Его хорошо было видно с горы.

Решили развернуть машину и проскочить по проселочной дороге.

Но укры нас заметили, стали стрелять в нашу сторону. Осколки летели в нашу сторону, пока мы не скрылись за деревьями.

Ой, что делать, как быть?

— Выключите фары, — сказала я четко, по-деловому скрывая дрожь в голосе, — иначе нас засекут. Не дадут выбраться...

Вскоре машина встала. Это был тупик по-видимому, просека закончилась. Решили, что ночуем здесь, а как рассветет, сходим в разведку, попытаемся найти дорогу. Накрылись одеялами, подложили под голову куртки, снова прочли молитву...

Я открыла глаза и поняла, что светает. Люди возле меня спали. Батюшка даже чуть похрапывал, облокотившись на руль. Я выпростала затекшие ноги из-под одеяла, потянулась, открыла дверь. Вышла из машины и стала разглядывать местность. Оказывается, дорога была правее, мы просто свернули в темноте, спутав проселок с поляной. Снова запели птицы, как вчера, причем все скопом, все, сколько есть в этих краях — синицы, сойки, малиновки. Я вышла. Под ногами было мягко, слизисто. Но я шла и шла. Затем, спрятавшись за дерево, умыла лицо росой, отерла руки листьями, поднесла охапку к лицу и вдохнула прелый запах.

Решили развести костер и попить чаю, так как на поляне валялись угли, ветки. Съели по куску хлеба, попили несладкий кофе...

И снова помолились.

На выезде из лесополосы нас обстреляли. Грозно. Настойчиво. Но мы ехали и ехали, петляя. Затем батюшка Паисий сказал:

— Все, устал. Нет мочи. Сердце прихватило...

Матушка истошно вскрикнула, начала искать лекарство. Не нашла.

Тогда я сказала, что умею водить, и сяду за руль сама.

Батюшка переместился на мое сиденье. Его лицо было бледным как мел.. Что это? Сердечный приступ? Предынфарктное состояние? Оно и не мудрено — батюшке уже глубоко за 70 лет...

Я села в машину, завела, и мотор послушно взревел.

Ну — с Богом!

Мы выехали на главную дорогу. Везде обгорелые гражданские машины, все обочины усеяны людскими не погребенными телами...

Мимо нас скользнул испуганный пес. Он был либо контужен, либо ранен.

Господи, яви чудо, дай нам выбраться отсюда! Как приедем к нашим, сразу бухнемся на колени и станем молиться. Долго и протяжно.

Я себя всю дорогу корила за то, что не послушала никого, поехала в паломничество, что вечно рискую собой... у меня и так хромают обе ноги... а я в паломничество пошла...зачем мне?

И вдруг опять словно слышу чей-то голос: «Фотиньюшка, чтобы ножки твои болеть забыли! Чтобы кости твои укрепились, чтоб артриты смягчились...Сухожилья распрямились, мышцы стали упругими. Спасай людей-то, вывози их...

И вот уже Уланк, вот уже Белое...

Хотелось пить. Решила остановиться, хоть глоток сделать, но матушка торопила:

— Не медли! Гони... Батюшке совсем плохо, боюсь, не довезем...

Кое-как нашли какие-то таблетки, микстуру. Насыпали ему на язык, но у него глаза закрывались сами собой, кадык не двигался, зрачки за веки закатывались.

Что делать? Как быть?

Я все-таки рискнула и остановилась на обочине. Достала баклажку с водой, сделал пару глотков. Матушка побрызгала водичкой лицо батюшке. Монахини просто молились в голос. И вдруг опять дрон повис над нами. Глядит глазами фиолетовыми и висит.

Мы снова в путь. Бегом. Я переключаю скорости и понимаю: руки плохо слушаются... А дрон вдогонку за нами, чучело висячее!

Словно вижу впереди лицо отца своего, Геннадия Ивановича: «Ну, давай, жми еще! Давай! Ты не думай, дочка, ты у меня лучшая! Ты мужиков смелее, ты богатырей сильнее... Гони! Гони!»

Вижу, стрелка на спидометре уже к 120 приближается. И впереди город.

И красное, огромное солнце!

Как въехали на подворье монастыря, я не помню. Просто увидела, что вокруг купола. Шишкастые такие, с православными крестами нашими.

«Скорая» приехала быстро. Батюшку Паисия уложили на носилки. Он был совсем слаб.

Лишь вернувшись домой, я узнала, что беда миновала. Все оказались живы, и батюшка на поправку пошел. Что наши уже наступают. И скоро, очень скоро освободят нашу Курскую область, снова дугу выпрямят. И время пойдет не вспять, а вперед...

А отец мне как-то приснился ночью. И сказал:

— Хорошо, что у меня дочка есть.

И в щеку поцеловал!

— Умница моя!.. □

Артем Сергунов — скульптор малых пластических форм, мастер-ювелир, художник-реставратор и Член Союза художников России. Он окончил Московскую школу художественных ремесел и Строгановскую академию. Работал реставратором в Новой Третьяковской галерее и ювелиром в известных всему миру компаниях. О творческом полете, значении драгоценных камней и тонкостях реставрационных работ он и рассказывает в своем интервью...

Артем Сергунов



«У меня много планов и идей, которые я хочу реализовать...»

— Артем, как вы решили стать художником? Этот творческий порыв шел из детства?

В детстве у меня, конечно, были какие-то способности к рисованию. Я занимался рукоделием. Но, честно говоря, больше увлекался спортом, особенно контактными видами. Параллельно учился в медицинском училище. Однажды на тренировке получил сильный удар. Неделю приходил в себя, а потом начал рисовать... И, в результате, бросил медицинское училище, хотя учился уже на третьем курсе, и поступил в художественную школу. Меня приняли со второго семестра, по дого-

воренности с преподавателем. Он увидел что-то интересное во мне.

И вот так все сложилось. Я быстро освоил программу, и все пошло как по маслу. Моя жизнь изменилась. Можно сказать, одним ударом по голове я изменил свою судьбу...

— Путь художника не прост, тернист, об этом снято немало фильмов, написано множество книг. Когда вы только становились на эту стезю, задумывались ли о тех препятствиях, которые придется преодолеть на своем пути?

— Мне кажется, что художником человек становится лишь спустя много времени. Путь к этому очень долгий. В самом начале это было ремесло, но довольно интересное (я говорю о ювелирном искусстве). Путь художника — это процесс развития от ремесла к искусству. Он включает в себя огромный опыт, познание различных технологий и техник, а также постоянный поиск чего-то нового.

В наше время сложно найти возможность для самореализации в живописи в чистом виде. Но прикладное искусство привлекает внимание людей. Я стремлюсь к тому, чтобы мои работы были изящными и завораживающими. Мне кажется, что и другим людям это тоже важно. В искусстве есть красота, и она должна быть в основе моих творений.

— Расскажите, пожалуйста, о вашей учебе в Московской школе художественных ремесел.

— Это было настоящее ремесло, и оно могло приносить неплохой доход. Я получил профессиональное образование в училище, но там мало внимания уделялось именно художественным аспектам и развитию как художника. Однако это стало хорошей базой для дальнейшего обучения в Строгановской Академии и позволило раскрыть свой творческий потенциал в полной мере. В 90-е годы казалось, что это путь к успеху.

— Тяжело ли было учиться в Строгановке? Ваши любимые дисциплины?

— Конечно, сначала я долго готовился к поступлению в Строгановку. После училища, я целый год занимался подготовкой: посещал специальные курсы и ходил на отдельные занятия с преподавателями. Уровень Академии был высок — там изучалось много новых дисциплин, с которыми я раньше сталкивался. Например, нам преподавали макетирование и минималистичные ландшафтные темы. На первом и в ором курсах мы изучали общие принципы пространственных форм. Мне пришлось ломать стереотипы и учиться мыслить пространственно. Поначалу это было непросто, но, в целом, интересно. Оглядываясь назад, я вижу как сильно изменилось мое отношение к вещам и пространству. Теперь я могу работать в разных областях: от скульптуры и ювелирного дела до реставрации. Моими любимыми предметами были графический и классический рисунок, а также скульптура. Особенно нравилась скульптура — у нас были задания на мелкую пластику и лепку портретов в натуральную величину. Позже я перешел на специальность реставрации, которая сильно отличается от скульптуры. Я учился три года, специализируясь на основном металле, а затем перешел на реставрацию металла. В процессе обучения познакомился и с музейным делом, которое оказалось очень инте-

ресным. Мы посещали запасники исторических музеев, и это было нашей основной площадкой для работы и обучения. Обычному человеку сложно попасть в эти места, а нам удавалось прикоснуться к настоящим шедеврам, делая обмеры.

— Чем вам запомнилась работа в Третьяковской галерее?

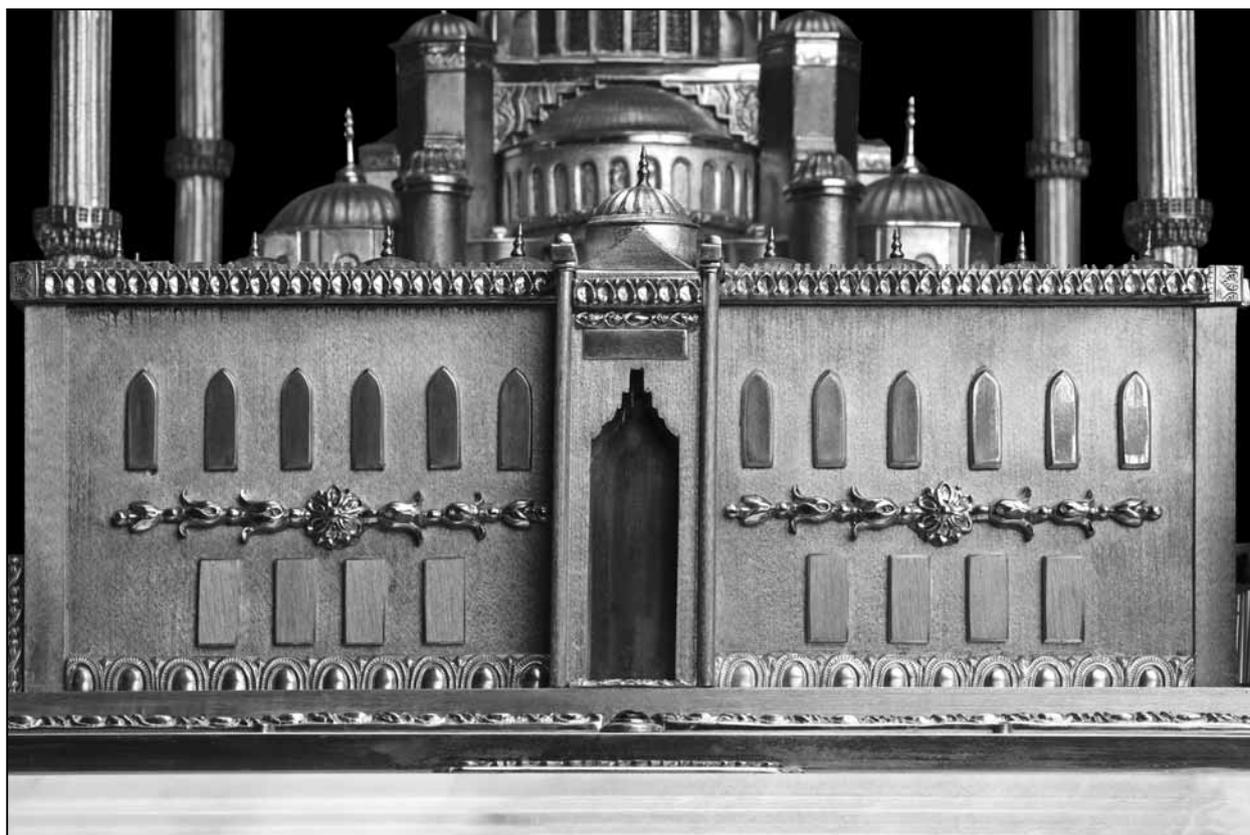
— Когда впервые попадаешь в Третьяковскую галерею, в здание XX века, оно поражает своими масштабами. Особенно когда оказываешься в запасниках, где можно увидеть, как устроен огромный организм музея изнутри. Снаружи мы видим только выставочные залы, но за ними скрывается настоящая реставрационная жизнь. Работа реставратора — это не только вос-

становление, но и поддержание, консервация и обеспыливание произведений искусства. Это уникальный опыт, который заставляет тебя работать с душой и сердцем.

— Как устроена работа художника-реставратора?

Музейная реставрация — это, прежде всего, сохранение произведения в надлежащем виде. Это консервация. Если какой-то элемент отсутствует, его восстанавливают, чтобы было видно, где он находился. Даже на мраморных работах, если есть скол, всегда видна четкая граница восстановленной области. Это делается для того, чтобы реставрация была обратимой. Музейная работа неприкосновенна. Вопросы о воссоздании каких-либо утраченных





элементов выносят на реставрационный совет. А в коммерческой реставрации люди хотят, чтобы вернулось в первоначальный вид.

— Вот уже десять лет вы находитесь в свободном творческом полете. Не тянет ли обратно «привязать» себя к какой-либо стационарной работе?

— Нет, но это был полезный опыт. Я благодарен всем компаниям, где мне довелось работать. Но в целом убежден, что художник должен быть в самостоятельном полете и не быть привязанным к чему-либо. Это расширяет сознание и способствует развитию творчества.

— Что такое анималистика в скульптуре?

— Это искусство, которое сочетает в себе изображение животных с композиционными элементами. Она характеризуется детальной проработкой форм животных и их трансформацией в сочетании с другими материалами, например, как камни и дерево, слоновая кость и другие. Благодаря этому анималистические мотивы становятся частью пространства и продолжают жить в нем. Вот, например, голова быка, вырезанная из черного дерева, а его тело — из обсидиана. Пластика быка из дерева очень точна и реалистична, в то время как его туловище из камня кажется не таким детализированным. И, несмотря на это, скульптура выглядит гармонично. Фигура быка отчетливо читается, а ее части — голова, ноги и хвост —

сохраняют свою анатомическую форму.

— История драгоценных камней — это очень интересно и любопытно. Какой ваш любимый период в работе с ними?

— Четкая, хорошо выполненная пластика скульптуры с добавлением драгоценных камней может увеличить не только ценность композиции, но и силу композиции в несколько раз. На протяжении истории люди вкладывали в драгоценные камни различные смыслы и значения. И в моих работах сочетание камней придает каждому изделию особые свойства. Ведь композиция, основанная на принципах Фэн Шуй, обладает мощной энергетикой. А свойства камней, перехо-

дящие в эту композицию, придают ей магический и эзотерический характер. Например, существует поверье, что аметист сам выбирает себе хозяина.

— Поговорим о том, как создаются драгоценные скульптуры. Как рождается замысел того или иного изделия?

— Это долгий и сложный процесс, требующий тщательного подбора материалов. Например, я трачу много времени на поиски камней. При первом взгляде на камень я уже могу представить, для какой композиции он подойдет, а в голове сразу рождаются идеи, как можно совместить разные природные материалы, чтобы создать уникальную скульптуру. Идеи могут приходить внезапно,





словно ниоткуда. Мне может казаться, что само животное или его часть уже присутствуют в камне, а я могу лишь дополнить его образ. Иногда я начинаю с эскиза животного или его части, а затем ищу подходящий камень. Поиск камня может изменить первоначальный замысел, и композиция может полностью преобразиться.

Камни обладают своей энергетикой и даже притягиваются друг к другу. Существует поверье, что аметист сам выбирает себе хозяина. И, как бы странно это ни звучало, иногда это действительно так.

— Как отличить настоящее ювелирное изделие от подделки?

— Необходимо использовать специальное оборудование. Важно учитывать характеристики украшения: камни, металл, сочетание материалов, наличие инкрустации и эмали. В профессиональной среде исполь-

зуются пробники, пробирные камни и реактивы. Однако в быту обычный человек не сможет самостоятельно определить подлинность изделия. Одним из основных признаков является вес украшения: если кольцо слишком легкое, то это может быть первым признаком того, что металл не соответствует заявленному (подделка), либо оно полое внутри. Золото — тяжелый металл, который по своим свойствам похож на свинец, поэтому ювелирное изделие из золота должно иметь определенный вес. Чтобы определить подлинность камня в украшении, необходимо использовать микроскоп. В настоящее время технологии производства подделок стали настолько сложными, что даже специалист не всегда может отличить оригинал от подделки с помощью обычного оборудования. На первый взгляд, все камни в украшении должны быть закреплены. Ма-

ленькие камни фиксируются металлическими штифтами, а для закрепления крупных используется специальный прибор, который нагнетает металл и создает усики вокруг каждого камня. Если камень приклеен, это указывает на ненадежность работы. Но это можно увидеть только при большом увеличении, поэтому для определения подлинности украшения необходима лупа с многократным увеличением или специальное оборудование. Поэтому, чтобы обезопасить себя от подделок, лучше обратиться к эксперту.

— Каждая ваша работа — уникальна. А какая из них больше всего вам дорога?

— Мечеть Султанахмет дорога мне как первый опыт работы с архитектурой — мини-архитектура в металле. До этого я не имел никакого опыта в этой сфере, и это был важный этап в моем развитии. Мне было трудно освоить геометрию сложных форм, понять, как выстраиваются и монтируются, как сочетаются разные технологии. Даже сам процесс монтажа был для меня настоящим испытанием. На все это у меня ушло три года жизни. Поэтому эта работа дорога мне, как никакая другая. Возможно, она была самой сложной из всех, что я когда-либо создавал.

— Над чем вы сейчас работаете? Что в ваших планах?

— Сейчас основной темой в моей работе является анималистика. Так-

же я работаю над сложной композицией, посвященной Георгию Победоносцу. Я комбинирую разные стили: анималистическую пластику, анатомическую человеческую пластику и мифический образ дракона. Это сочетание легенды, реальности и сложной пластики.

Еще в работе находятся несколько композиций рыб с сочетанием драгоценных и полудрагоценных камней и «Жар-птица». Пришлось также изучать анатомию птицы, искать подходящие формы. Основанием скульптуры будет служить друза из аметиста. Мне нравится этот камень — аметистовые которые, на мой взгляд, являются истинным природным шедевром, служат одним из основных элементов в моих композициях. Моя деятельность, как круговорот в сансаре — постоянное движение вверх, без остановки. Можно здесь вольно пеерфразировать Конфуция: «Займись тем, что тебе нравится, и тогда тебе не придется ни дня работать». Это про меня. Это мой образ жизни, который включает и хобби, и основную деятельность. Состояние экстаза, адреналин, особенно в первые дни после завершения работы, осознание, что все получилось, и, конечно, неуловимое ощущение, что мое творение ожило, заставляет каждый день двигаться вперед... □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

Фото из личного архива

Кселена Литвинова

ТРИСТА СЕКУНД ТИШИНЫ

Триста секунд тишины...
Так непривычно и странно...
Временный пластырь на рану...
Рваную рану войны.

Синих небес акварель...
С ней в неустанном раздоре —
Дыма слепящая горечь,
Острая горечь потерь.

Триста секунд тишины...
Злая усталость по векам...
Тронуты волосы снегом
Выпавшей в ночь седины.

Воздух до боли вдохну...
Фронта суровая проза:
Скидки на пол и на возраст
Смерть не дает никому.

Бой на секунды затих...
И из далекого края
Память меня возвращает
В теплые руки родных.

Лица детей и жены...
Мысли солдату — за радость...
Может, всего и осталось
Триста секунд тишины.

СПИ, СОЛДАТ

Спи, солдат...
В этом сне ты не воин,
Здесь не льется, ни кровь, ни огонь...
Спи, солдат,
Хорошо и спокойно...
Как бы короток ни был твой сон.

Стон земли
Небеса не тревожит...
Набирайся на большее сил...
Пусть хранит
Тебя, спящего, Боже,
Как в бою, накануне, хранил.

Спи, солдат...
Не боялся ты риска,
Не бежал и ни от... и не из...
Спи, солдат...
И на миг станет близкой
Та другая, далекая жизнь.

И опять
В окна — яркое солнце...
Легкий ситец отдернутых штор...
Рядом мать...
И все так же смеется,
Глядя твой непослушный вихор.

Спи, солдат...
И растает усталость,
Как в ладони раскрошенный лед.
Спи, солдат...
Пусть по времени — малость...
А война... а война подождет.



Старший брат

*Из воспоминаний моего отца
Дьячкова Александра
Андреевича*

*Дьячков Василий Андреевич
(1924-1942)г.г.*



ДЕТСТВО

Вася еще не умел читать, а с Пушкиным уже был знаком. Мать полупесней, полу-сказкой выговаривала:

*«Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печальный свет она».*

Он шевелил губами, запоминал стихи. Все в них было так близко, так понятно. Мать по тем временам была грамотной. Принимала активное участие в ликвидации неграмотности на селе, знала много стихотворений на память. Да и отец был неравнодушен к Пушкину. В семейной библиотеке было шесть томов поэта. Поэтому Вася еще до школы знал несколько стихотворений.

Через Пушкина разглядывал красоту зимы.

Рос и воспитывался в многодетной семье. Рано взрослел. Был смысленным и любознательным. С товарищами ладить умел. Дорога жизни провела его через Иковку, Кодское, Вятку, Вороново, Каргаполье. Здесь он принят в пионеры.

Однажды, когда младший брат упал с обрыва на глубину реки и, пуская пузыри, пошел ко дну, Вася, не раздумывая, нырнул за ним. Вытащил, привел в чувство... А спасителю в то время было 10 лет.

Учился Вася прилежно, числился в ударниках. Находясь в пионерском лагере, сильно заболел. Несмотря на большой пропуск занятий по болезни, шестой класс он закончил с похвальной грамотой.

ЮНОСТЬ

«В период распутицы Вася иногда жил у нас», — вспоминает Лидия Островских. «Помню, с Васей мы ездили за сеном под Дальнюю Кубасовку», — припоминал Д.С. Мельников.

У каждого из ребят был распорядок дня, нарушение которого влекло за собой наказание.

Однажды Вася задержался, и отец не пустил его в дом. Пришлось ночевать в бане. Мать вспоминает: «Утром смотрю, баня топится. Прихожу туда и вижу: Вася жарит картошку».

В спортивном отношении он был очень развит. Хорошо ходил на лыжах, коньках. Был инициатором создания небольшого спортивного городка недалеко от дома на берегу реки Ик. Красиво работал на перекладине, неплохо играл в городки, чиж, в шарик, мог далеко забросить гранату. Выполнил нормативы, получил значки ГТО и «Ворошиловский стрелок». Эти полученные в детстве навыки очень пригодились в жизни.

В период летних каникул Василий помогал в ремонте школы, на сенокосе и уборочной. Возил зерно от комбайна, становился за штурвального. Работал с желанием, получал удовольствие в этом. Возвращаясь с работы, старался принести какой-нибудь подарок: например, букет цветов.

В деревне Малышево была только 8-летняя школа. Василий поступил в 10-й класс в селе Мехонское. Выпуск этого класса пришелся на

начало войны. Позже этот класс прозвали «огненным». Большинство из ребят со школьной скамьи ушли на фронт.

ПРОВОДЫ НА ФРОНТ

«Настроение бодрое, приподнятое, патриотическое, искрятся гордостью и радостью глаза: он едет на защиту Отечества! Вот таким и остался у меня в памяти Василий Андреевич, стоящий у дверей парткома в конце декабря 1941 года, в последний вечер перед отправкой в армию...

Разгоралось зарево войны. Урал в это время стал не только кузницей оружия и боевой техники, но и кузницей военных кадров.

Из Мехонского РВК в Троицкую авиашколу было направлено 19 комсомольцев, в том числе и Дьячков Василий.

УЧЕБА В ТРОИЦКЕ

По прибытии в авиашколу после бани всем выдали форму. Разместили в казарме с трехъярусными койками. Разбили по учебным отделениям. В сжатые сроки прошли курс молодого красноармейца.

Несмотря на жестокие морозы и метели, работали днем и ночью без выходных. Смело и мужественно преодолевал те или иные трудности курсант Дьячков, твердо веривший, что это временное явление. Своей простотой и отзывчивостью брат



8 класс, 1939 год

Справа:
*«Огненный
класс», 1941 год*

притягивал к себе многих. Подкупала его искренность, веселый общительный характер. Редко доводилось видеть его унылым. Сам не унывал и других подбадривал. Его письма полны оптимизма: *«Вслед небесам пошел я в ВВС...»*

С большой ответственностью и настойчивостью окунулся Василий в учебный процесс — постигать азы авиации и авиавооружения. Программа предусматривала годичный срок обучения. Выпуск планировался в декабре 1942 года. Однако война внесла свои коррективы.

ЧЕБАРКУЛЬСКИЕ ЛАГЕРЯ

26 апреля 1942 года по тревоге Вася в составе группы курсантов убыл в Чебаркульские лагеря для

формирования состава 1179 истребительного противотанкового полка. Разместили их в землянках, спали на нарах. Проходили боевую выучку. Изучали азы артиллерии, связи, ориентирования на местности. Сдали зачеты — и сразу на фронт.

Из его письма: *«Во-первых, сообщая, что в Чебаркуле пробудем до середины мая, а потом в прифронтовую на некоторое время и на фронт. Сейчас учимся военному делу и доформируем. Меня как передового красноармейца по боевой и политической подготовке поставили командиром отделения с аттестатом на сержанта...»*

ФРОНТ

«... В первой половине мая по тревоге погрузили в товарные вагоны и че-



рез несколько дней выгрузились в Коломне. Заняли на окраине Коломны Осоавиахимовские лагеря. Через несколько дней получили материальную часть: пушки с передками, винтовки, автоматы и так далее. И весь полк на автомобилях "Виллис" съездил на стрельбы, и после всего этого мы отправились полком, полностью вооруженные, на Калининский фронт. Разгрузились в Погорельском районе» — из письма сослуживца Дьячкова Смолина.

Из письма Васи: «Едем на фронт, кругом видны следы войны, разрушены города и села, пепелища деревень... Стелется по земле дым пожарищ... Слышен горький плач вернувшихся людей к разбитым очагам... Аж кровь закипает, хочется поскорее отомстить за это врагу!

Прибыли к месту назначения. В темпе разгрузились и укрыли технику в лесу. Внезапно налетели фашистские стервятники и разбомбили наш пустой эшелон. Но люди и техника уцелели — не зря перед отправкой нас тренировали!»

«На другой день нам объявили задачу нашего полка, — писал Смолин. — Стоять мы будем пока в обороне. Стрелять и уничтожать огневые точки противника с закрытой позиции. Комбат, командир взвода управления и командир отделения связи Дьячков выбирают наблюдательный пункт "НП". Задача командира отделения связи со своими связистами — связать телефонной связью "НП" с огневой позицией. Уже три месяца воюем. Довольно прилично продвинулись ко Ржеву.

Много освободили населенных пунктов. Есть убитые, раненые, потери матчасти...»

«Был на боевом задании. Котелок изрешетило, шинель пробита в нескольких местах, а сам остался жив». (Из письма Васи).

«В августе контузило Дьячкова В. с подчиненным Тиксиковым, но из строя они не выходили. В дальнейшем чаще всего наш полк стоял вместе с пехотой, в чистом поле, выполняя свое назначение. Мы же противотанкисты... Ох, и покрутились мы по Калининской, освобождая территории Погорельского, Зубцовского, Старицкого и Ржевского районов, пока не подошли вплотную к Ржеву! С тяжелейшими боями зимой перешли реку Вазузу /приток Волги/, перерезав железную дорогу Вязьма — Ржев... немец оставил Ржев... Но нас потрепали основательно». (Смолин).

«При освобождении города Ржева, в декабре 1942-го Вася был тяжело ранен. Мы стояли в Ржевском лесу, установив орудия на прямую наводку... Раненые были отправлены в санчасть, а там их отправляли уже по госпиталям». (В.Адрианов.)

Приказ №198 от 10.12.1942 года.

В книге учета личного состава 1179 истребительно-противотанкового артиллерийского полка значится: — «Младший сержант Дьячков Василий Андреевич выбыл по

ранению в госпиталь. Приказ №198 от 10.12.1942 г.»

16.12.42. умер от ран. Похоронен был вместе с бойцом Ваней Василенко в 600 метрах южнее деревни Власово, недалеко от деревни Лукино Калининской области.

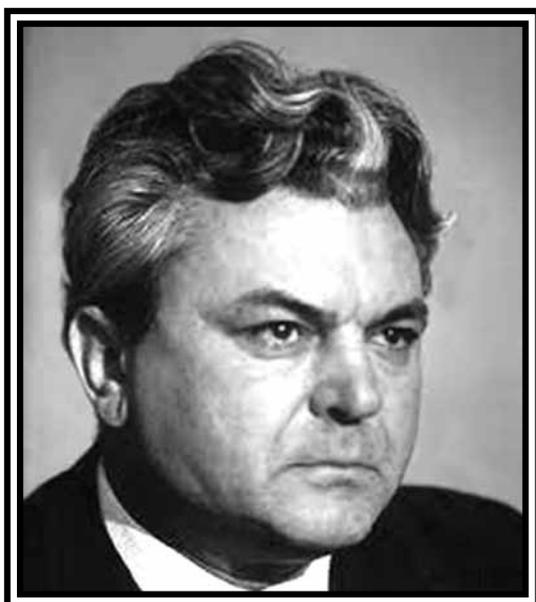
23 августа 2011 года останки перезахоронены на воинское кладбище в деревне Веригино Зубцовского района Тверской области...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из воспоминаний младшего брата Дьячкова Александра Андреевича: «9 мая 1988 года я был на встрече с однополчанами Васи в городе Ржеве. Проехали по местам боевых сражений. Побывали на мемориале в городе Зубцове. В книге памяти нашел Васю и Ваню».

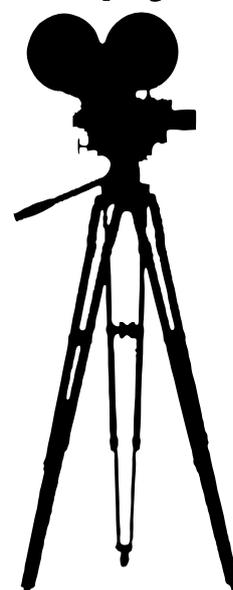
И лежат они на Холме Боевой Славы, два земляка, друга, которые встретились в Малышевской НСШ. Сидя за одной партией, закончили Мехонскую среднюю школу. Один стал кадровым военным, а другой учителем Малышевской НСШ. Война отравила их молодыми в небытие.

Далеко виден мемориал, что на Московской Горе у города Зубцова. Отсюда начинаются две дороги, и обе на Москву, только одна — через Волоколамск, другая — через Старицу и Калинин. Омывают его две реки: Волга и Вазуза. Волжская вода мутновато-желтая, а вазузская — светлая как слеза... □



Сергей Бондарчук

«Служить добру
И ЛЮДЯМ»



Он был, как никто другой, обласкан славой, невероятно востребован на родине и за рубежом (!), приближен к власти и волен творить по собственному выбору. Выдающийся актер, тяготевший к ролям страстотерпцев и романтиков, он изменил представление о советском положительном герое в искусстве, буквально затопляя его эмоциональной волной. И столь же органично и, по сути, легко шагнул в масштабную эпическую кинорежиссуру, требующую помимо всего прочего владения сложной съемочной техникой и постановочным мышлением для массовых сцен.

И в творчестве, и в жизни ему удалось все. Высокие государственные награды. Красавица жена-актриса. Одаренные дети. «ОСКАР» за «Войну и мир». «Ватерлоо» у маститого продюсера Дино де Лаурентиса с великим Родом Стайгером в роли Наполеона... Его за глаза называли счастливым, баловнем судьбы,

хотя на съемках «Войны и мира» он перенес два микроинфаркта. Да и ушел из жизни куда как до срока!

Наряду с брызжащим талантом и размахом личности этот одержимый своим делом художник обладал резким характером и порой бывал груб. Коллеги ему откровенно завидовали, многие втайне ненавидели

и только и ждали случая с ним поквитаться. Такой случай им представился на Пятом, памятном, перестроечном съезде Союза кинематографистов России, где Сергея Бондарчука попросту травили и, в итоге, низвергли с пьедестала первого секретаря Союза кинематографистов...

Он сформулировал принцип, который исповедовал: «Кинематограф не пирожное, а хлеб, необходимый людям. А потому художник в кино должен служить добру и людям. Если же он стремится только к самовыражению, то должен это делать на собственные деньги».

Сергей Бондарчук родился в сентябре 1920 года в селе Белозерка Херсонской области. Его отец — Федор Петрович — коммунист «двадцатипятипятитысячник» — трудился председателем колхоза. В том же колхозе работала и мать будущего кинорежиссера — Татьяна Васильевна. Кроме Сергея в семье была еще младшая дочь Тамара.

Вскоре после рождения Сережи у семьи начались переезды — сначала в Таганрог, затем в Ейск, где мальчик окончил среднюю школу. Увлекался художественной самодеятельностью, играл в спектакле «Золотая табакерка». Не удивительно, что, получив аттестат зрелости, он заявил отцу: «В артисты хочу пойти, батя». Отец же требовал, чтобы сын выбрал «солидную» профессию инженера. Сергей стоял на своем, в результате, они сильно

поссорились и долго не разговаривали.

Покорять столицу решительный парень отправился с другом. Сдали документы в театральное училище при Театре Революции (был тогда в Москве и такой) и стали ждать вступительных экзаменов. Ночевали на Курском вокзале, а когда до первого экзамена осталось всего пару дней, неожиданно испугались и забрали документы из приемной комиссии. Друг отправился домой в Ейск, а Сергей, не желая выглядеть трусом в глазах родителей, сошел с поезда в Ростове-на-Дону и напрямик отправился в местный театр. Труппа там была уже набрана, и 17-летнему красавцу с улицы не нашлось места даже в массовке. Так Сергей, не солоно хлебавши, вернулся в родные стены.

Но отступить он не собирался и на следующий год вернулся в Ростов поступать в театральное училище при драмтеатре. К вступительным экзаменам опоздал, но настоял, чтобы его прослушали. Один из педагогов разглядел в нем очевидные способности, и Сергей оказался в числе студентов.

К началу войны Бондарчук успел окончить театральное училище и какое-то время прослужить в Театре Красной Армии в Грозном. А в 1942-м ушел на фронт. Участвовал в начальном этапе битвы за Кавказ, сражался в излучине Дона под Сталинградом и демобилизовался только в 1946-м.

Как фронтовик он имел льготы при поступлении в институт и направил стопы во ВГИК. Его приняли на актерский факультет, в мастерскую Сергея Герасимова и Тамары Макаровой.

Актерская карьера Бондарчука началась в год окончания института, когда Герасимов решил снять в эпохальной ленте «Молодая гвардия» (1948) по одноименному роману А.Фадеева весь свой курс. Ах, что это был за курс! Инна Макарова, Нонна Мордюкова, Георгий Юматов, Вячеслав Тихонов... Бондарчуку досталась роль коммуниста-подпольщика Валько. Вообще-то для этой роли требовался более молодой исполнитель, но выбранный актер заболел, и режиссер утвердил Сергея. И не зря! Бывший фронтовик сыграл своего героя так, что еще один мэтр отечественного кинематографа Всеволод Пудовкин заметил: «Артист! Взшел на экран как танк».

На съемках картины в жизни Сергея Бондарчука произошло знаменательное событие — он женился вторым браком (первый, еще доверенный, оказался неудачным) на партнерше по фильму Инне Макаровой, актрисе исключительного обаяния и жизненной правды. Вскоре у них родилась дочь Наташа, которая впоследствии станет известной актрисой, сыграет в фильме Сергея Герасимова «У озера», запомнится зрителям по главной женской роли в шедевре Андрея Тарковского «Со-

лярис», а затем сама займется режиссурой.

Дальше в творческой судьбе Сергея Федоровича была труппа Театра-студии киноактера. Но большой экран постепенно завладевал талантливым актером. В 1951-м он блестяще справился с заглавной ролью в картине «Тарас Шевченко» (режиссер И. Савченко), удостоившись звания народного артиста СССР. А в 1955-м сыграл, ни много ни мало, шекспировского Отелло в фильме Сергея Юткевича, победившего в номинации «Лучшая режиссура» на Каннском кинофестивале 1956 года.

Это был уже подлинный триумф Бондарчука, вознесший его на вершину кинематографического Олимпа, что позволило ему теперь по собственному усмотрению определять выбор ролей, сниматься у зарубежных режиссеров и самому попробовать себя в режиссуре.

Мало того, в личной жизни Сергея Федоровича тоже произошел крутой поворот. На съемках «Отелло» он неожиданно влюбился в 27-летнюю дебютантку, сыгравшую Дездемону, Ирину Скобцеву, перед победоносной красотой которой действительно трудно было устоять.

Причем Бондарчук еще был женат, но его брак с Макаровой фактически уже изжил себя. «С Сережей мы расстались по моей инициативе, — говорила она. — После десяти лет семейных отношений у нас что-то окончательно сломалось».



*«Война
и мир»*

А вот что вспоминала Ирина Скобцева: «Сейчас я даже не помню, делал ли он мне тогда предложение. Просто, думаю, это была судьба: мы поняли, что друг без друга существовать не можем».

Тем временем триумф режиссерского дебюта Бондарчука — пронзительная драма «Судьба человека» (1959), в которой Сергей Федорович сыграл также главную роль, заставила умолкнуть партийных блюстителей нравственности, проработывавших новоиспеченную пару за «аморалку» — ведь Бондарчук ушел к Скобцевой, будучи еще женатым.

Ленинская премия заметно изменила его материальное положение и социальный статус. Вскоре он возглавил Союз кинематографистов и стал «неприкасаемой» фигурой.

Экранизация одноименного рассказа Михаила Шолохова посвящена простому русскому солдату, человеку из народа, которого война подвергла страшным испытаниям, лишила дома и семьи, бросила в гитлеровский концлагерь. Но все же судьба не сломила его дух, его стойкость, его патриотизм. В итоге герой Сергея Бондарчука не просто выжил, он доказал свое право быть Человеком, сохранил способность любить и надежду на счастье.

Работая шофером трехтонки, Андрей Соколов встречает в Урюпинске маленького мальчика Ваню, у которого мать погибла при бомбежке, а отец пропал без вести. Одинокий Соколов решает сообщить сироте, что он — его отец, и оба они обретают новую счастливую жизнь.



Сцена в кабине грузовика, когда ребенок кричит плачущему Соколову: «Папка, папка!», относится к числу сильнейших в отечественном кино.

В 1959 году на экраны вышел фильм американского режиссера Кинга Видора «Война и мир» с блистательной Одри Хепберн в роли Наташи Ростовской и великим Генри Фондой в роли Пьера Безухова. Коварного соблазнителя Наташи сыграл выдающийся итальянский актер Витторио Гассман. А продюсером картины выступил легендарный Дино де Лаурентис.

Создатели фильма с должным уважением отнеслись к гениальному произведению Толстого и обошлись без традиционной «клюквы» большинства зарубежных кинопроизведе-

ний русской тематики. Несмотря на камерность этой экранизации, ей присущи несомненные художественные достоинства, недаром фильм Видора получил сразу три главные оscarовские номинации: лучший фильм, лучшая режиссура и лучший дизайн костюмов. У нас в стране картина была принята очень тепло и поставила на повестку дня вопрос о собственной масштабной экранизации толстовской эпопеи. Тем более что приближалось 150-летие Бородинской битвы...

За право получить столь почетный государственный заказ соперничали классик социалистического реализма, основатель Союза кинематографистов, постановщик таких знаковых комедий, как «Трактористы», «Свинарка и пастух», Иван Пырьев и тогда еще уступавший ему в имени-



«Ватерлоо»

тости Сергей Бондарчук. Выбор предстояло сделать комиссии Минкульта во главе с министром культуры Екатериной Фурцевой. Позднее Пырьев свою кандидатуру сам отвел, причем, между двумя кинорежиссерами возникла серьезная размолвка, и они до конца жизни даже не здоровались друг с другом.

Помимо всего прочего, советская экранизация романа Толстого должна была продемонстрировать всему миру, что в Советском Союзе технологии кинематографа не уступают лучшим зарубежным достижениям. Для съемок использовались принципиально новое кинооборудование и материалы.

Потрясал воображение и постановочный размах ленты. Создатели получили доступ к уникальным музейным фондам, снимали раритетную мебель и аксессуары XIX века, включая драгоценные ювелирные

украшения. Для пошива тысячи костюмов директор картины привлек Министерство легкой промышленности и Госплан СССР. Одним из спонсоров фильма выступило Министерство обороны, предоставившее в распоряжение съемочной группы массу верховых лошадей и целые воинские подразделения. В ходе работы над картиной был сформирован отдельный кинематографический кавалерийский полк в составе 1500 всадников, успешно задействованный потом во многих советских фильмах.

Можно утверждать, что на производство 4-х серийной киноэпопеи работала вся страна. Для съемок были использованы экспонаты 58 музеев. Свыше 40 предприятий производили реквизит — от вооружения и экипировки до телег и табакерок. Кроме 9 тысяч костюмов изготовили 12 тысяч киверов, 200 тысяч

пуговиц, точные копии российских и французских орденов, оружия. Построили 50 крупных декорационных объектов и 8 мостов (3 через Днепр, заменивший в фильме Березину). Для маскировки телеграфных столбов и проводов, а также современных построек декораторы установили на натуральных площадках 200 деревьев и 500 кустов. Ряды палаток и чучел солдат украсили выбранное для многокамерных съемок на земле, с вышек, специальных кранов и вертолетов поле Бородинского сражения (в настоящее время оно «заставлено» русскими и французскими мемориальными памятниками). Неслучайно киноэпопея «Война и мир» стала одним из самых масштабных проектов в истории мирового кино.

При этом взаимоотношения в огромном творческом коллективе с самого начала складывались весьма непростые. Пробы проходили тяжело, причем многих актеров, в том числе на главные роли, утверждали уже в процессе съемок. На роль князя Андрея режиссер планировал Смоктуновского, который предпочел Гамлета в фильме Г. Козинцева. Вместо него на кандидатуре Тихонова настояла лично Фурцева. А роль у нашего «Штирлица» не очень получилась, и он так переживал по этому поводу, что даже хотел уйти из кино.

Чересчур возрастными выглядят на экране и некоторые другие центральные персонажи фильма, которые у Толстого, как мы помним, еще

*Сергей
Бондарчук
и Ирина
Скобцева*



совсем молодые люди, Это относится и к Пьеру Безухову, образ которого режиссер сперва собирался доверить замечательному советскому тяжеловесу Юрию Власову. Тот, попробовавшись, наотрез отказался, и Бондарчуку пришлось оставить роль Пьера за собой и поправиться ради нее на 10 кило в надежде компенсировать мощным исполнением существенную разницу в возрасте со своим героем.

Операторы, начинавшие снимать картину — И. Чен и А. Челенков, — отказались работать с Бондарчуком по причине его режиссерского диктата. На примирение стороны не пошли, и главным оператором стал А. Петрицкий, который снимал грандиозную сцену первого бала Наташи Ростовской ручной камерой, разъезжая по бальному залу на роликовых коньках, поддерживаемый ассистентом, и сумел выжать максимум возможного из отечественной цветной пленки.

К полному непониманию с Бондарчуком пришел и многоопытный главный художник Е. Куманьков, успевший создать для фильма 150 эскизов декораций и натуральных объектов (они хранятся в музее-заповеднике Льва Толстого «Ясная Поляна»). Его заменили Н. Богданов и Г. Мясников.

На создание грандиозной киноэпопеи — своего второго фильма в качестве режиссера — у Сергея Бондарчука ушло 6 лет — с 1961 по 1967 год. За то время у него роди-

лось двое детей, о рождении которых он узнавал в экспедиции...

Самоотверженность Сергея Федоровича в работе над картиной не знала равных. Он ушел в Толстого с головой, полностью доверился ему, как послушный ученик, дышал им, как святыней, боялся отступить даже от буквы толстовского текста, дорожил каждой репликой, каждой деталью. А ведь он, кроме того, жил в образе Пьера, буквально выворачивая свое актерское нутро наизнанку. И, отыграв сцену, не разгримировываясь, бросался к камере (еще и закадровый текст от автора сам читал).

Не удивительно, что при такой творческой одержимости и при таком невероятном напряжении сил у Бондарчука на картине случались сердечные приступы, а однажды произошла даже короткая остановка сердца...

«Главное в «Войне и мире» — человеческие типы, носители русского национального характера, — заявлял режиссер. — ...Острое, осязаемое, почти материальное чувство любви к своей стране я хотел бы передать каждым кадром киноэпопеи».

Успех «Войны и мира» в отечественном и зарубежном прокате превзошел все ожидания. «Оскар» лучшему зарубежному фильму и «Золотой глобус» сделали Бондарчука одним из самых авторитетных режиссеров мира. На оscarовской церемонии 1969-го года он отсут-

ствовал, поскольку по приглашению Дино де Лаурентиса уже целиком погрузился в работу над масштабной лентой «Ватерлоо» о «ста днях» и трагическом финале наполеоновской эпопеи.

Усилиями продюсера и режиссера в картину удалось привлечь целое созвездие ведущих актеров из СССР, США, Канады, Италии, Франции. Причем все они согласились на эпизодические роли, некоторые — буквально на пару реплик. По настоящему крупных ролей в фильме только две — Наполеона и главнокомандующего союзными прусской и британской армиями герцога Веллингтона. Их исполнили подлинные корифеи большого экрана — Род Стайгер и Кристофер Пламмер. Оба достигли здесь вершин актерского мастерства. Стайгер консультировался в больнице, отчего может болеть бок (в день сражения Наполеон испытывал сильные боли в боку) и досконально вникал в мельчайшие нюансы поведения своего персонажа. Они с режиссером понимали друг друга с полувзгляда.

Признанному виртуозу в изображении батальных сцен Сергею Бондарчуку удалось в картине не только впечатляющие кадры грандиозного сражения и маневров обеих армий, но и глубокая психологическая прорисовка их предводителей. В отличие от «Войны и мира», где военные события представлены как бы изнутри, глазами участников и очевидцев происходящего, в «Ватерлоо» дей-

ствия воюющих армий поданы отстраненно, словно «со стороны». Камера возносится высоко в небо и словно взглядом Всевышнего смотрит оттуда на поле сражения, предлагая зрителям «обратную перспективу» высокого неба лежавшего со смертельной раной и внезапно прозревшего князя Андрея на Бородинском поле...

Многие видные киноведы и критики считали «Ватерлоо» выдающимся гуманистическим фильмом Сергея Бондарчука, который и сегодня удивляет. Однако в прокате он провалился. Не спасли положение ни прославленные имена актеров, ни постановочный размах, ни острый драматизм и напряженность экранного повествования. Огромные средства и усилия были затрачены напрасно...

Неудача не обескуражила Сергея Федоровича. Он вообще был сильным человеком и умел стоически сносить удары судьбы. А они в его внешне столь благополучной жизни случались не раз. В 1971 году Бондарчука избрали секретарем правления Союза кинематографистов СССР, а пятнадцать лет спустя, в разгар горбачевской перестройки, забаллотировали вместе с другими руководящими фигурами отечественного кинематографа в ходе скандального V съезда Союза кинематографистов.

Последовавшие затем хулы и нападки этот мужественный человек и художник сносил, не изменяя чув-



ству собственного достоинства, но в душе страдал, видя, как отворачиваются от него вчерашние друзья и союзники. Утешение, подобно многим людям такого же калибра, находил в работе. Организовал и возглавил студию «Время». Набрал курс во ВГИКе, который вел вместе с И. Скобцевой, и ряд лет заведовал там кафедрой актерского мастерства.

А еще все в тот же 1986-й, год злосчастного для него съезда Союза кинематографистов, поставил в Большом театре оперу Чайковского «Мазепа» по пушкинской поэме «Полтава» и советско-польско-чехословацко-западногерманский фильм «Борис Годунов» по трагедии Пушкина, сыграв в нем главную роль. Были у него в последний период жизни также другие значительные

актерские работы в фильмах известных режиссеров. Например, отец Сергей в экранизации И. Таланкиным повести Льва Толстого или кардинал Монтанелли в «Оводе» по мотивам одноименного романа Э. Войнич, режиссер Н. Мащенко.

С 60-х годов Бондарчук вынашивал идею телеверсии шолоховского «Тихого Дона». Теперь, правда, к концу 80-х, когда он начал терять авторитет и влияние, одного его имени для запуска проекта было уже недостаточно. Но в 90-м он все-таки подписал контракт на съемки совместного советско-английского многосерийного телефильма при участии итальянских продюсеров и приступил к работе. Она продолжалась и после распада Советского Союза, завершившись, увы, сканда-

*«Судьба
человека»*



лом. Итальянская сторона сообщила, что бюджет картины исчерпан, и осуществить окончательный монтаж режиссеру не удалось. Незаконченная версия сериала была конфискована банком-кредитором, и Бондарчук ушел из жизни, так и не увидев своего последнего детища, которому отдал четыре года жизни.

Только спустя много лет после смерти Сергея Федоровича, в 2006 году его сын, кинорежиссер и продюсер Федор Бондарчук, сумел утрясти все проблемы и смонтировать фильм, который, наконец, вышел на телеэкран. Отношение к нему было неоднозначное, преимущественно из-за участия в картине

иностранных актеров в неадекватных образах донских казаков и казачек.

Так, британский актер Руперт Эверет, сыгравший Григория Мелехова, говорил: «Когда меня пригласили сниматься... я был, вероятно, самым странным выбором для этой роли. Я понимал, что эта роль — мечта для любого артиста, но, в то же время, тяжелейшая роль. Прочитав роман, причем не один раз, я все равно смог только еле-еле к ней приблизиться».

Владимир Гостюхин, сыгравший Петра, брата Григория говорил: «Не думаю, что это именно то, чего хотел Сергей Федорович. Он был гранди-



озной личностью, и никто не может знать, как в его представлении все должно было получиться. Я бы сказал, что это вариации на тему фильма Сергея Бондарчука. К тому же в картину попал не весь полезный материал... такое ощущение, что ее собирали из лоскутов».

Как всякий большой художник, Сергей Бондарчук испытывал на своем творческом пути взлеты и падения. И, подобно многим большим художникам, он умел преодолевать неудачи и двигаться дальше. Его часто обвиняли в официозности, в кумовстве. Действительно, у Бондарчука в фильмах нередко задействованы, помимо неизменной жены, члены семейного клана. Но своей высокой режиссерской репутацией,

включая ответственность за игру актеров, этот мастер не поступался никогда. Так что вряд ли кто рискнет упрекнуть его родню в слабом исполнении полученных ролей. Что же до официозности, то за нее, скорее всего, принимали откровенный, порой даже нарочитый патриотизм Сергея Федоровича, которым он всегда гордился.

С этим искренним чувством зрелый мастер подошел в свое время к созданию военной драмы по главам неоконченного романа М. Шолохова «Они сражались за Родину» (1976). Лучший фильм года по опросу журнала «Советский экран» собрал поистине блистательный актерский состав: В. Шукшин, В. Тихонов, Г. Бурков, Ю. Никулин, И. Лапи-

Слева:
«Тихий Дон»



«Судьба
человека»

ков, Н. Мордюкова И. Смоктуновский и сам Бондарчук. Снимал картину маститый оператор «Андрея Рублева» В. Юсов. Музыка к фильму создал несравненный композитор В.Овчинников.

Фильм рассказывает о днях и ночах, минутах затишья и упорных боях советских солдат во время отступления частей Красной армии к Дону летом сорок второго. Обескровленный стрелковый батальон героев картины отходит к Сталинграду... Люди трудовых профессий, ставшие на войне мужественными бойцами, ведут на привалах откровенные разговоры, делятся заветными мечтами, думают о будущем...

В СССР героическую эпопею Бондарчука посмотрели свыше 45 миллионов зрителей. С неизменным

успехом удостоенная государственных и фестивальных наград картина эта шла также на экранах других стран. Она стала последней работой талантливого актера, режиссера, писателя Василия Шукшина, который скончался ночью во сне после трудной съемочной смены под палящим солнцем в донской степи. Ему было всего сорок пять.

Сергей Федорович пережил своего младшего друга. В последние годы он болел раком легкого, но умер в октябре 1994-го от инфаркта миокарда в 74 года. Похоронили его на Новодевичьем кладбище.

В историю отечественного кинематографа, вопреки неумолкающим злопыхателям, его имя вписано навечно... □



Вселенский стриптиз



Глава одиннадцатая

ВИВАТ!

— Как ты думаешь, что сейчас Дуська делает?

— Купается в роскоши. Деньги, которые она получила от нас, для нее — бешеный куш!

— Я думаю, она уехала куда-нибудь за границу. Ее ведь тоже полиция ищет.

— Мне иногда кажется, что Дуська не для себя стясла с нас эти деньги.

— А для кого? У нее нет ни одной родной души. Ни котенка, ни ребенка.

— Вот, вот! Дуська по мелкому всегда промышляла. А тут шантаж в крупных размерах. Нет, она точно завела себе мужика и попыталась его купить! А может, даже женить.

— Ага, а заодно зарезала его любовницу. Постой, это что же, она Игоря Грига отхватила, что ли?!

— Нет, дорогая, милашку Гнедулина! Завлекла его миллионом долларов! Ха-ха-ха!

— Да, мозги тут отсыревают... А Евдокия сейчас наверняка в изоляторе клопов кормит. Сто пудов ее замели, как главную подозреваемую в убийстве Покровской!

— И правильно, так ей и надо, стервозине. Знаешь, я иногда думаю, что Дуська запросто могла перерезать горло такой красотке, как Покровская!

— От зависти, что ли?

— Конечно. Дуська рыжая, некрасивая, бедная. А Инна — богатая, знаменитая и красивая. Чем не мотив?

— Да нет, Дуська, в сущности, добрая. В глубине души. Ее просто жизнь потрепала. Ну сама подумай: отца не было, мать пила, жила она в грязной коммуналке, а вокруг кипела красивая жизнь!

— Вот такие «добрые» из коммуналок и убивают.

— Ой, нет, Верунь. Что-то мне не хочется думать, что нам готовила и убирала убийца.

— Маленькие, некрасивые, бедные люди очень опасны.

— Ладно, в следующий раз найдем помогать по хозяйству богатую красавицу!

— Самое смешное, что, если наш план с Диной и Левкой сработает, мы сможем себе это позволить.

— Если выйдем отсюда...

— Выйдем, Кларунь! Обязательно выйдем! А если план наш сработает, то и из тюрьмы выйдем. Потому что большие деньги открывают все двери. Поддай-ка мне кусочек колбаски! Спасибо. И ананаса кусочек! Ой, а еще корейского салатика подложи, а то у меня палец не гнется. М-м-м, как вкусно... Как же вкусно!

— А ты наверх выходить не хотела!

— Не хотела. Боялась! Я просто не понимаю, как ты со сломанной ногой в магазин ездила.

— Элементарно. Жить захочешь, как говорится, не так раскорячишься. А покупки мне один добрый человек помог сделать. И купил, и оплатил, и до машины донес, и ... на тресе до заправки дотащил, потому что у меня бензин кончился. А потом телефончик свой оставил.

— Кларка! Да ты, никак, кавалера со своей костяной ногой подцепила!

— Ну... не знаю. Получается, подцепила.

— Симпатичный?

— Полковник.

— Мама моя! И что он в тебе нашел?

— Красоту, блин.

— Надеюсь, ты не строишь на него планы?

— Какие тут планы, я неделю не мылась, от меня мышами воняет! Я его поблагодарила и дворами уехала.

— А давай помечтаем!

— О чем?

— О том, что мы купим, когда Левка с Динкой дадут нам денег!

— Я куплю загородный дом. Газонокосилку куплю. Килограммов десять бриллиантов... и изумрудов тоже. Соболиную шубу до пола. Две машины... А что еще, даже не знаю...

— Мелко мыслишь, Клара Аркадьевна! Вот я себе бизнес куплю. Пивной завод или меховую фабрику. Всех работников дрючить буду! И замуж выйду. За Игоря Грига, например. Ха-ха!

— Ха! Тогда уж за милашку Гнедулина с его гостиницами!

— Тс-с! Ты слышишь?

— Что это?

— Какая-то машина подъехала к дому. Говорила я тебе, нельзя из подпола вылезать! Сейчас нас повяжут!

— Караул!

— Убирай все со стола! Прячь! Быстрее! Черт бы подрал твои разносолы!! В подпол! В подпол лезь давай!!

— Вера! Нога...

— О, черт!

— Что ты делаешь?

— Тащу тебя волоком, дорогая! Голову береги, впереди ступеньки...

Весеннее солнце било Дине в глаза, и она очень жалела, что не прихватила из дома темные очки. Или шляпу с широкими полями, которые бы защищали глаза. Ей очень шли широкополые шляпы.

— Далась тебе эта эсэмэска! — проворчала она.

— Ну, не психуй, дорогая, — попросил Левин, — я уверен, что поступаю абсолютно правильно.

— Я тебе не дорогая, — буркнула она.

— Скажи, недорогая, зачем Андрейкину посылать мне эсэмэс с каким-то адресом? Значит, он просит меня немедленно приехать туда!

— Но тогда почему он не написал «приезжай»?! Почему мы должны разгадывать какие-то ребусы?!

— Я набираю его номер, но телефон талдычит, что абонент недоступен. Значит, маг попал в сложную ситуацию и успел только отправить адрес.

— При чем тут мы?

— Он работает на нас. Я не могу бросить его в беде. Пожалуйста, не психуй, недорогая моя! — Лев чмокнул Дину в теплый, душистый затылок.

— Ну, хорошо, — согласилась она. — Но зачем в эти дела было вмешивать твоего Титова?

— Друг он мне или не друг? — возмутился Левин. — Пусть возит, буржуй, куда я скажу. А если серьезно, Титов всегда знает, что делать. Ну и потом... мы уже вполне спетая команда!

— Спитая, — поправила его Дина. — Спитая вы команда — ты, Титов и этот Андрейкин. Эх, нет на вас Филиппа Филипповича! Он бы дубиной-то вас отходил!

Они не заметили, как возле них затормозил огромный черный «Навигатор».

— Ужас, — поежилась Дина, — не машина, а паровоз. И что в ней Норка нашла?!

— Размер, — подмигнул ей Левин, открывая дверь и помогая залезть в салон.

— Вот, смотри, — указал он Климу на дисплей своего телефона. — Мне нужно срочно ехать по этому адресу. Улица Изумрудный луг, дом сорок три.

Титов прочитал эсэмэс и длинно присвистнул.

— Забавный адресок! Только будет тебе известно, что Изумрудный луг — это не улица, а элитный поселок на Рублевском шоссе. Я сам от тех мест недалеко живу. Зачем тебе этот рассадник разврата?!

— Там Андрейкин пропал. Звоню ему, не отвечает. Чует мое сердце, с ним что-то случилось.

— С магом?! Что с ним может случиться?! — захохотал Клим, трогаясь с места и уверенно занимая левую полосу. — Впрочем, если хочешь, поедем. Проверим эту хату, может, нас там чаем с кренделями угостят!

Они попали в тот счастливый час, когда утренние пробки уже рассосались, а послеобеденные еще не образовались. До Изумрудного луга домчались за тридцать минут. Чтобы найти нужный дом, пришлось поплутать, так как местные жители не желали уродовать свои особняки табличками с номерами. Но, Клим, будучи аборигеном Рублевки, что-то высчитал, вычислил и с уверенностью ткнул в трехэтажный дом с остроконечной зеленой крышей.

— Вот эта избушка на курьих ножках сорок третьей и будет, — заверил он. — Хороша-а! У меня раза в два меньше будет. Ну что, к воротам с фанфарами подъедем?

— Давай с тыла заходи, — приказал Левин. — Не уверен я, что нас хлебом-солью тут встретят.

— С тыла, так с тыла, — вздохнул Титов, — как скажешь, командир. Только чего мы с тыла увидим?

Левин пожал плечами. У него не было никакого плана действий.

Титов, ворча что-то под нос, объехал дом, легко преодолевая небольшие участки бездорожья со снежной кашей.

— Ну вот, — сказал он, останавливаясь у забора с небольшой зеленой калиткой, — большего тыла я тут не вижу.

— Ой, смотрите, мотоцикл с люлькой стоит! — воскликнула Нора. — Неужели тут на таких ездят?

Левин повернул голову и увидел, что за сугробом прячется древний «Урал» с облезлой люлькой.

— Да, что-то не вяжется этот мопед со здешней пафосной обстановкой, — задумчиво сказал Клим. — Наш чародей, часом, не на этом агрегате рассекает?

— Нет, он на старой «девятке» ездил, — ответил Левин.

— Да это «Урал» Портнягина! — воскликнула Дина. — Я пару раз видела, как Филипп Филиппович у подъезда с ним возился! Вон, видите, на зеленой люльке царापина желтой краской закрашена?! Это его мотоцикл!

— Ничего не понимаю, — нахмурился Левин.

— И я, — пожала плечами Дина.

— Накрылись кренделя с чаем, — вздохнула Нора.

— Филипп Филиппович, это тот злобный перец, который колотил нас поленом? — уточнил Клим.

— Он, — кивнул Левин.

— Ну, если по Рублевке старшие по подъездам бродят, тогда я тоже ничего не понимаю, — сказал Титов, давая задний ход и пристраивая огромный джип на некоторое подобие стоянки с утрамбованным снегом.

— Что делать-то будем? — капризно спросила Нора.

— В центральную дверь стучаться точно не хочется. Может, просто немного понаблюдаем за домом? — предложил Левин.

— Мое дело маленькое, — вздохнул Титов. — Я — таксист. А вообще, я не понимаю, чего ты кипеж поднял, Левин? Ну, пропал маг. Так никуда не денется, найдется!

— Ты не все знаешь, — хмуро сообщил Левин. — У нас еще и мамы пропали.

— Как пропали?! — подскочила Нора. — Вера Петровна в больнице, мы сами видели, как ее увозили!

— Нет Веры Петровны в больнице, — сказала Дина. — Сбежала! И пропала неизвестно куда вместе с Кларой Аркадьевной, мамой Левина.

— Ой! — Нора посмотрела на Левина, потом на Дину. — А что, ваши мамы знакомы?!

— Более чем, — буркнул Лев. — Настолько знакомы, что мы с Диной даже подозреваем, что мы близкие родственники.

— Да, брат с сестрой, например, — усмехнулась Дина и положила Левину голову себе на плечо. — По отцу!

— Ой... — Нора потрясла блондинистой головой и потерла виски. — Повторите, пожалуйста, еще раз, я что-то не поняла...

— У нас один папа! — крикнула Дина ей в ухо.

— Это точно? — спросил Клим у Левина.

— Процентом на девяносто. Похоже, наши мамыши любили одного человека. Его портрет висит у них в комнатах на почетном месте.

— Ужас...— прошептала Нора. — Вы хоть... того... прониклись родственными чувствами?

— Более чем. — Дина засмеялась, а потом вдруг заплакала, уткнувшись Левину в грудь. Он обнял ее и поцеловал в губы, продемонстрировав совсем не братские чувства.

— Сидел бы ты в Англии, Левин! Чего приперся? — процедил Титов.

— Так приперся уже, — ответил Левин.

— Если бы он не приперся, мы бы не познакомились, — возмущенно напомнила Нора Титову и, поднеся к глазам руку, стала рассматривать кольцо с огромным бриллиантом.

— Друзья мои, все не так страшно! — оптимистично заявил Клим. — Египетские фараоны женились на своих сестрах и были счастливы, боги Олимпа тоже баловались кровосмешением, так что...

— Заткнись, Титов, — прервал его Левин, — лучше за особняком наблюдай. Маг мне нужен живым!

— Смотрите! — закричала вдруг Нора. — Зеленая калитка открылась! Она не заперта!

Все уставились на забор, в котором действительно появилась брешь за счет приоткрывшейся от порыва ветра калитки. Она покачивалась на петлях, призывно поскрипывая.

— Блин, придется идти по следу, — вздохнул Титов, доставая из бардачка пистолет. — Напомни, кого мы ищем?! — поморщившись, обратился он к Левину.

— Андрейкина Василия Федотовича. Мага, детектива и просто веселого человека.

— И Портнягина! — напомнила Дина. — Сволочь страшную, крысу подъездную.

— Я что, один буду рисковать драгоценным здоровьем?! — удивился Титов, оглядываясь на Левина.

— Со мной! Со мной ты будешь рисковать драгоценным здоровьем! — буркнул Лев, выходя из машины.

Пригибаясь, они побежали к дому.

— Это опасно? — спросила Нора, глядя им вслед. — У меня на Титова большие планы.

— Не опасней пейнтбола, — отмахнулась Дина. — Думаю, через пять минут мы будем пить в этом доме чай с кренделями.

Андрейкин отбросил пустую бутылку из-под вина в угол и очередной раз попытался взломать на клетке замок.

— Если ты этого орангутанга на волю выпустишь, я сам запрюсь в клетке, — предупредил его Фил.

— Не могу смотреть, как человек за решеткой сидит, — поморщился маг, но манипуляции с замком прекратил.

Парень в клетке, принимавший участие в распитии вина, счастливо улыбался и гулил, как младенец.

— Покажи, в какую дырку ты провалился, — попросил Фил Андрейкина.

Беспечно насвистывая, маг повел Филадельфию в угол, где свод потолка нависал совсем низко. Невысоко над полом Портнягин увидел глубокую нишу и темную дыру, ведущую наверх.

— Думаешь, я не пытался отсюда выбраться? — усмехнулся Андрейкин. — Пытался ровно двадцать два раза. — Он показал Филу содранные в кровь ладони. — Только вниз свалиться гораздо легче, чем вверх ползти. Я метров десять вверх поднимаюсь и падаю!

— Это ты падаешь, а я... — Портнягин поплевал на руки, скинул валенки, подпрыгнул, подтянулся и нырнул в темную дыру.

Ползти вверх по узкой шахте было трудно, почти невозможно, но Фил полз, цепляясь за голые стены руками, ногами... Три раза он срывался и падал, три раза вставал, подпрыгивал, подтягивался и снова полз вверх, стиснув зубы и затаив дыхание.

— Бесполезно, — грустно сказал Андрейкин, когда Фил очередной раз грохнулся на пол.

— Я должен выйти отсюда, — простонал Фил. — Там Дуська! И он убьет ее, потому что она много знает!

— Дуська, Дуська, — пробормотал Андрейкин. — Редкое имя... Дуська, это же Евдокия! Скажите, любезнейший, ее фамилия, случайно, не Егодина?

— Мне плевать на ее фамилию! — заорал Фил. — Я не спрашивал! Я... я ей волосы мыл! — Сев на пол, он схватился за голову и стал раскачиваться из стороны в сторону. Пленник в клетке с удовольствием повторил эти движения. — Я лечил ее, обувал, на руках носил! Это я ее сюда привез, это я во всем виноват!

— Если это Егодина, дело плохо. — Андрейкин озабоченно огляделся по сторонам. — Впрочем, — сказал он, — дело в любом случае плохо. Но, рано или поздно, сюда кто-нибудь придет, ведь этого парня надо кормить, — кивнул он на пленника. — Можно будет попробовать напасть на вошедшего, и попытаться выйти отсюда.

— Я не могу ждать. — Фил встал, подпрыгнул и опять полез вверх, продержавшись в черной дыре минуты на три дольше, чем прежде, а когда снова упал, с особенной ясностью осознал, что Дуська погибнет, а он сгниет в этом подвале в обществе сумасшедшего и... дуралея-мага, которого эта безвыходная ситуация, похоже, не очень-то угнетала.

Фил тихонько завыл.

Парень в клетке с готовностью подхватил его заунывный вой.

— Э-э, ребята, да вы пессимисты, — расстроился маг. — Я думал, алкоголь внесет здравый смысл в наши ряды. Вы курите, Фил?

— Бросил, — ответил Портнягин. — Но спички и сигареты всегда ношу в кармане, мне так спокойнее, когда на улице закурить просят.

— Отлично, а то у меня в зажигалке кончился газ.

— При чем здесь...

— Мы устроим пожар, — улыбнулся Андрейкин. — Сами подумайте, что произойдет, если из вентиляции такого богатого дома повалят клубы черного дыма?

— Приедут пожарные, — прошептал Фил. — Приедут пожарные, ворвутся в дом и начнут искать источник огня! — заорал он. — И ничто не сможет остановить их, потому что рядом другие дома, которые могут загореться!

— Отлично, разум не пострадал, — похвалил его маг. — Давайте спички.

Фил вдруг сорвал с себя куртку с ватной подстежкой и, ломая одну за другой спички, попытался поджечь ее.

— Пойдите, пойдите! Не так кардинально, — остановил его маг. — Мы задохнемся быстрее, чем пожарные очнутся от полуденного сна!

Андрейкин забрал у Портнягина коробок и ушел в противоположный угол подвала, где валялся какой-то хлам. Минут десять он возился в этом углу, сооружая что-то из ветоши, и, наконец, продемонстрировал Филу некоторое подобие дымовой шашки.

«Шашка» с трудом занялась после десяти минут мучений, и Андрейкин вставил ее в вентиляционное отверстие. Филипп Филиппович бегал вокруг него, пытаясь заглянуть в шахту. В нем зародилась вера, что все закончится хорошо, и этой верой, увы, он был обязан магу. И как он сам не сообразил про пожар?!

— А что это вы такое нарыли, товарищ маг, что приехали именно в этот дом, забрались на крышу и от любопытства наверху оказались в подвал? — язвительно спросил Фил Андрейкина.

— Вы дымите, дымите, — передавая Филу факел, посоветовал маг. — Мне, видите ли, пять миллионов долларов тоже нелишними будут. И нет никакого резона делиться с вами трудом и кровью добытой информацией! Дымите!

Фил громко фыркнул. Информация у него! Да больше, чем рассказала Портнягину Дуська, никто не знает!

— И все-таки, как же я рад, что в подвале меня поджидала такая приятная компания! — Маг подмигнул Филу и послал воздушный поцелуй пленнику.

Парню в клетке так понравился этот жест, что он начал повторять его, доводя воздушные поцелуи до ранга ритуального танца.

Фил отвернулся. Смотреть на безумного человека отчего-то стало неловко.

— Ты когда-нибудь вламывался в чужое жилище с пистолетом? — спросил Клим у Левина, снимая оружие с предохранителя.

За зеленой калиткой оказался просторный двор и еще одна дверь — тоже приоткрытая, — которая вела в дом.

— Уверяю тебя, все, что я делаю в последнее время, я делаю впервые, — заверил его Левин. — Слушай, убери пушку. Мороз по коже при мысли, что у тебя от любого шороха дрогнет на курке палец. А вдруг Андрейкин пьет чай в гостиной со своей тетушкой и малолетними племянниками?

— А дядя Филя в валенках им прислуживает, — усмехнулся Титов, но пистолет все же спрятал за пазуху. — Нет, Левин, тут что-то нечисто. Боюсь, как бы мы не оказались в ловушке.

Левин подошел к приоткрытой двери, распахнул ее и жестом руки пригласил Клина пройти вперед.

— Подлый трус, — огрызнулся Титов, но первым зашел в темное помещение, где сильно пахло стиральным порошком и еще какой-то бытовой химией.

— Фу, ты, елки, в баню, что ли, попали? — принялся Левин.

— В прачечную, темный ты человек! У тебя что, ни прачки, ни прачечной никогда не было?

— Не было, — буркнул Левин.

— Стойте! Не трогайте дверь! — вдруг закричал пронзительный женский голос.

От неожиданности Титов присел и тысячу раз мысленно сказал Левину спасибо, что тот посоветовал ему спрятать оружие. Будь пистолет в руке, Клим, не задумываясь, высадил бы обойму в сторону крика.

— Кто это? — шепотом спросил Лев.

— Баба, — поделился наблюдениями Титов.

— Где она?

— Где-то рядом. Эй, женщина, вылезайте, мы не сделаем вам ничего плохого! — заискивающе позвал Клим, подсвечивая себе мобильником.

Груда белья в углу зашевелилась, развалилась на составляющие, и от туда вылезла смуглая, коренастая тетка с заплаканными глазами.

— Не трогайте дверь, — повторила она, — иначе мы взлетим на воздух.

Титов длинно присвистнул.

Левин невольно отступил к двери, ведущей на улицу.

— Там сидит Дуська, она привязана к стулу. От нее ко всем дверям, которые ведут в дом, тянутся веревки, а к ним привязаны боевые гранаты. Устройство сплетено так, что, если одна дверь откроется и хоть одна чека выдернется, рванут сразу все боеприпасы. — Тетка заплакала, слезы потекли по скуластому лицу, и она стала утирать их смуглыми кулаками.

— Девушка, вы не бредите? — участливо склонился над ней Титов.

Тетка взвыла белугой, и было трудно понять, подтверждает это слова о ее неменяемости, или она просто в отчаянии, что ей не верят.

— Как вас зовут? — спросил Левин.

— Лена.

— Хорошее имя, рублевское, — похвалил Клим. — Ты тут по хозяйству шуршишь?

— Да. Я мясо жарила, и вдруг на меня какой-то мужик в валенках напал. Связал меня, а сам с Дуськой в дом ломанулся.

Титов и Левин переглянулись.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Лев.

Достав пистолет, Титов почесал им затылок.

— Только то, — сказал он, — что чаем нас поить никто не собирается.

— Не верю, что наш старший по подъезду — бандит! — развел Левин руками.

— А мне эта идея нравится! — не согласился с ним Клим. — Смотри, Портнягин грохнул звезду, устроил потоп, а когда вы примчались в квартиру, запер вас там, чтобы вызвать полицию! И труп на месте, и убийцы в ловушке!

— Чей это дом? — обратился Левин к женщине.

Она промолчала.

— Чей это дом?! — потряс ее за плечи Титов.

Она продолжала молчать, опустив глаза в пол.

— Где Андрейкин? Где маг? Кто такая Дуська? Кто еще есть в доме? — Левин навис над ней, но женщина не проронила ни слова. Она закрыла глаза, и из-под опущенных век у нее опять покатались крупные слезы.

— Молодец, — по-отечески погладил ее по голове Клим. — Пойдешь ко мне в услужение, когда отсюда уволишься? Мне молчаливые служанки, ой, как нужны!

— Хватит придуриваться, — оборвал его Левин. — Что делать-то будем? В доме, как минимум, шесть человек, и дом от любого дуновения ветра может взлететь на воздух. Может, саперов каких-нибудь вызовем? В полицию позвоним?

— Мы в полиции и так на подозрении после истории с Инкой. А тут такое запутанно-заминированное дело, и опять — все мы в прежнем соста-

ве! Нет, от полиции я бы пока воздержался... А саперами мы и сами поработать сможем.

— Все шутишь?

— Да нет, почему? Растяжки прикреплены только к дверям, но ведь есть же еще и окна. — В глазах у Клима появился нездоровый азарт, который очень не понравился Левину. — Можно залезть в окно и попытаться обезвредить гранаты!

— Я пас, я в армии не служил, — быстро отмазался Левин.

— Я тобой амбразуру заткну, бегемот, — пообещал Титов.

— Гад, — рассеянно огрызнулся Лев, и вдруг его осенило:— Слушай, я знаю, кто привязан к стулу! Это Егодина! Евдокия Петровна Егодина, которая дважды продала нам квартиру! Вряд ли в этом деле есть еще одна Дуська. Только как она связана с Филиппом Филипповичем, не понимаю...

— Дуська-пулеметчица, — пробормотал Клим. — А ведь получается, что мы тут целую банду накрыли! Глядишь, я пять миллионов долларов на булавки себе заработаю. Левин, солнце мое, бери Ленку в охапку и тащи ее к нашим женщинам. Я тут сам справлюсь.

— Ну уж, нет, — разозлился Левин. — Я не собираюсь с бабами в машине отсиживаться. И пять миллионов долларов мне нужнее, чем тебе, гнусный буржуй!

Он первым вышел из прачечной и быстро пошел вдоль дома, осматривая окна первого этажа.

— Что-то долго их нет, — заерзала на сиденье Нора. — Я есть хочу, пить хочу, и у меня сериал через сорок минут начинается.

— Ты стала капризная, как богатая сумасбродка, — улыбнулась Дина.

— Я и есть богатая сумасбродка, — засмеялась Нора и повертела перед носом у Дины пальцем, на котором сверкал бриллиант.

— Отвратительная роскошь, — поморщилась Дина. — Продай и помоги детям-сиротам.

— Ага, счас! У меня свой сиротинушка есть. Свой, родной, ма-аленький! Уж ему-то я помогу, чем смогу.

— Что-то, и правда, их долго нет. — Дина присмотрелась внимательно к дому, но ничего интересного не увидела.

— Волнуешься? — подмигнула ей Нора. — Переживаешь за братца родимого?

Дина махнула рукой и отвернулась.

Нора подышала на камень, потерла его о рукав и, отведя руку, полюбовалась кольцом. — Динка, неужели они существуют?

— Бриллианты?

— Настоящие мужики. Красивые, щедрые, надежные, умные и...

— Богатые, — подсказала ей Дина.

— Пусть богатые! Не самый плохой недостаток. Представляешь, я живу на Рублевке, вся в шоколаде, на работу ходить не надо...

— Не представляю. Если ты пару недель в шоколаде без работы просидишь, Рублевка от напряжения задымится.

— Дин! Я еще тут не поселилась, а она уже дымится!

— Кто?!

— Рублевка! Вон, посмотри, из дома, в который пошли Клим и Лев, валит чернющий дым!

— Может, там печку паклей топят? — дрогнувшим голосом предположила Дина.

— Кто же печки паклей топит, балда! Пожар это! Динка! Там мужики наши, настоящие, умные, щедрые, красивые...

— И бога-атые!! — подхватила Дина, выскакивая из машины и бросаясь к калитке. — Их надо спа-асать!

Дым валил из короткой трубы, он поднимался вверх, и, смешиваясь с низкими облаками, очень портил рублевский пейзаж.

Нора обогнала Дину. Мелькая высоченными каблуками, она побежала вперед.

— Стой, дура беременная! — закричала Дина. — Тебе дымом дышать нельзя! Тебе бегать нельзя! Тебе волноваться...

— Мне жить без Титова нельзя, а остальное все можно! — в ответ заорала Нора, тараня калитку.

— Пожар, — прошептала Дина. Она достала мобильник и попыталась набрать службу пожарной охраны, но вдруг увидела, как по объездной дороге, от дома несется синий «жигуль». Это была та самая «шестерка», которая пряталась в кустах, и из багажника которой торчал подол платья Покровской. Дина ни на минуту в этом не усомнилась. Машина неслась в сторону города, подлетая на кочках. Ее швыряло из стороны в сторону, и было впечатление, что за рулем сидит сумасшедший.

Дина бросилась к «Навигатору». Она не очень-то умела водить, но об этом совсем не подумала, бросаясь в погоню.

У Дуськи болело все тело. Так болело, что сознание гасло, как лампочка без напряжения, но опять возвращалось из-за остро врезающихся в тело веревок.

Уж скорее бы все взорвалось, думала Дуська. Разнесло бы, к чертовой матери, и никаких проблем. Никакой тебе ноющей боли, сдавленной веревкой груди, занемевших рук, ног, пульсирующей головы.

А главное — хоронить нечего. Пройдутся бульдозером по пепелищу, вот тебе и могила Дуськи Егодиной. Ни один олигарх не удостоился чести быть похороненным на Рублевке, а ей повезет, потому что от нее просто ничего не останется...

Нужно дернуться хорошенько, догадалась она. Если дернуться, то рванет, и ее мучениям придет конец. Она напрягла все мышцы, приготовившись к ответственному рывку, но тут вспомнила, что в доме кроме нее, Алекса, горничной и пленника находится Фил.

Это меняло дело.

Славный, добрый Портнягин не должен был умереть.

Когда с досрочным взрывом было покончено, когда решено было ждать чуда и терпеть нестерпимую боль, в окне напротив что-то мелькнуло.

Вглядевшись, Дуська увидела за стеклом лицо темноволосого, красивого парня. Он подмигнул ей и на пальцах показал знак победы.

Даже если это был глюк, Дуська сочла нужным в ответ улыбнуться и подмигнуть ему. Улыбка получилась вымученной и жалкой, но показать на пальцах «Виват!» она не могла, потому что руки были крепко привязаны к стулу.

Глава двенадцатая

ЗАДЕРЖАНИЕ

— Ну что, дорогая, за нами пришли. Поздравляю!

— Верунь, оказывается, я совсем не хочу в тюрьму...

— Тише! Черт, оказывается, я плохо натянула половик на крышку подпола.

— Зато чуть-чуть видно в щель!

— Смотри, Кларунь, как бы тебя через эту щель не обнаружили металлоискателем.

— Почему металлоискателем?

— А сколько на тебе побрякушек? Тонна! Не дуйся, шучу. От страха чушь молочу. Слышишь, в дверь стучат?

— Слышу. Ногами!

— Кларка, нос из щели убери, наступят.

— Говорила я, на моей даче нужно было прятаться!

— Какая теперь разница? Кажется, на веранде стекло выставляют...

— Ой, точно! У тебя тут все на соплях!

— Сама ты на соплях! Отойди от щели, не отсвечивай! Идут...

— Может, сами сдадимся, Верунь? Меньше дадут.

— Сколько б не дали, я столько не проживу.

— Вер, он один.

— Кто?

— Мент. Разве на захват по одному приезжают?

— На таких бедных и старых кляч, как мы, может, и приезжают.

— Сама ты бедная! Сама ты старая! Сама ты кляча!!

— Нос из щели убери, Мисс «Село Новорябчиково тысяча восемьсот первого года!»

— Ой! Верк! У него ботинки не ментовские!

— Что это значит?! За нами ОМОН пришел? В количестве одного бойца?!

— Верунь, это полковник мой! Ну, который ананасы мне покупал и до заправки меня тащил!

— Что ему надо здесь?

— Не знаю, Вер! Наверное, он меня ищет. У него цветы и шампанское в руках.

— Ну, Кларка! Ну, трясогузка ты старая! Ты машину свою где бросила?

— Во дворе.

— Дура! По машине он тебя и нашел. Что теперь делать?

— Ой, меня никто так не домогался. Приятно-то как! А ведь я даже не спросила, как его зовут.

— Ну так иди и спроси! Представляю, как он обрадуется, когда ты из подпола вылезешь — грязная, вонючая, в гипсе! Не забудь поздороваться по-французски. Ты что, ревешь?!

— Ты... ты за-завидуешь мне!

— Если честно, то да, завидую. А ну-ка, пусти посмотреть на него! Да-а, хороший полковник. Немолодой, но ухоженный. Может, женатый? Цветы в вазу поставил и... Глянь, Кларунь, он пишет чего-то. Ишь, как глазенки к потолку-то закатывает! И вздыхает, и вздыхает... Ну, Кларка, вот не думала, что в гипсе, да с грязной головой такой кадр подцепить можно. Следующий раз я в магазин поеду. Ой, бог ты мой! Он письмо целует! Под бутылку шампанского его положил! Крестится, сволочь. Да не реви ты! Он уходит, тоскливо оглядываясь по сторонам...

— Вер, пусти, я догоню его!

— Сиди, бегунья. Нельзя за мужиками на костылях бегать. Теперь он от нас никуда не денется.

— От нас?!

— Ну да, от нас. Неужели не поделишься со старой подругой старым полковником?

— Эх, жалко, не менты это были, я бы с тобой поделилась. Ушел?

— Ушел, болезный. Что-то он ножку левую подволакивает. Ранение, что ли? Или подагра?

— Пусть подволакивает. Пусть подагра. Он милый.

— Он военный.

— В отставке!

— Значит, бросишь меня...

— Так и быть, возьму в долю. Поделюсь с еще не старой подругой вполне свежим полковником! При условии, что мы останемся на свободе.

— При условии, что мы останемся живы, дорогая. А-а-а-апчхи!!!

— Ну, что там? — спросил Левин, глядя на Клима снизу.

— И правда, девка какая-то к стулу привязана. От нее веревки ко всем дверям тянутся, а на веревках гранаты висят. — Клим спрыгнул с приступка, на котором стоял. — Не наврала Ленка, — вздохнул он. — И какой идиот тут решетки на окна поставил? Будто не на Рублевке, а в спальном районе живет. — Клим с досадой сплюнул на снег. — А Дуська эта ничего баба, не дрейфит! Подмигнула мне и чертовски обаятельно улыбнулась.

— Чертовски обаятельно она аферы с честными людьми крутит, — проворчал Левин, сожалея, что не может так же легко и ловко запрыгнуть на высокий приступок, чтобы заглянуть в зарешеченное окно.

— Посмотрел бы я на тебя, если бы ты привязанный к стулу сидел на растяжках, — улыбнулся Титов. — На твоём месте, Левка, я бы простил эту Дуську. Она и так жестоко наказана. А тебе от ее афер не так уж и плохо, — подмигнул он Левину.

— Великодушный ты наш, что делать-то будем?

— А что ты все время у меня спрашиваешь? Ты же у нас интеллектуал, предлагай!

— Я давно уже не интеллектуал. Как из Англии вернулся, так не интеллектуал. Предлагаю поискать еще какой-нибудь вход в дом, к которому не привязана веревка с гранатой.

— Гениально! — воскликнул Клим. — Я именно это хотел предложить! В таком доме непременно должен быть подвал, а в подвал обычно есть вход, как изнутри, так и снаружи, поверь старому рублевскому жителю!

Он быстрым шагом двинулся вдоль стены, все ближе подходя к центральному входу. Левин последовал за ним, опять жалея, что не имеет такой легкости и живости в движениях.

— Пожар! — закричал вдруг женский голос. — Горит все, к чертовой матери!

К ним бежала, вернее, летела Нора, покачиваясь на каблуках. Длинные волосы развевались на ветру, придавая ее словам особую убедительность.

— Какой пожар, леди? — Титов бросился ей навстречу, раскинув руки. Он поймал Нору в охапку и поцеловал в висок. Она молча указала на небо, где клубился черный дым.

— Ни фиги себе, — задрал голову, удивился Клим. — Левин, у тебя есть навыки брандмейстера?

— У меня есть навыки обращения с телефоном, — проворчал Левин, доставая из кармана мобильник и набирая нехитрую комбинацию цифр. — Алло! Тут один домик воспламенился, вы не могли бы приехать? Да, горит. Сильно горит, сильнее не бывает! Адрес? Что-то изумрудное...

— Поселок Изумрудный луг, дом сорок три, — держа в объятиях Нору, подсказал Клим.

Левин повторил в трубку адрес.

— Приезжайте быстрее, — попросил он. — Кто я? Просто прохожий, мимо шел... — Левин нажал отбой, и, подняв глаза, тоскливо посмотрел на дым.

— Уходи отсюда, — попросил Нору Клим. — Дом заминирован, да еще и горит.

— А ты? А вы? — задохнулась от волнения Нора. — Без тебя я никуда не пойду!

— Пойдешь, — жестко сказал Клим, развернул Нору за плечи и повел к зеленой калитке. — Ты немедленно уйдешь отсюда и сядешь в машину!

Было в его голосе что-то такое, что Нора послушалась.

— Ну и ладно, — бормотала она, плетясь в обратном направлении, — ну и пусть тебя разорвет на кусочки. Я собирать не буду, и хоронить не буду, и плакать не буду. Я за Тарасова выйду, стану Тарасовой, и дети мои будут Тарасовыми... — Она вышла за калитку и побрела по тропинке. Прошла метров двадцать, но «Навигатора» не увидела. — Токсикоз... — пожалала плечами Нора и побрела в другом направлении, надеясь, что перепутала место, где стояла машина.

Титов догнал Левина, когда тот был уже в торце дома.

— Нашел! — закричал Лев, указывая на крутую лестницу, ведущую вниз.

В два прыжка преодолев ступеньки, Титов подергал железную дверь.

— Закрыто, — сообщил он Левину, который тоже спустился.

— Ничего удивительного. Что, будем геройствовать?

— Отойди подальше, я буду стрелять. Наверняка это единственная дверь в доме, к которой не привязана взрывчатка.

Левин мигом взлетел наверх.

— А вдруг и к этой двери граната привязана? — крикнул он сверху.

— Придется рискнуть, — вздохнул Клим, целясь из пистолета в замок.

Прогремел выстрел. Пуля звонко шваркнула о металл и от ricochetнула в противоположную стену, оставив глубокий след. Не задумываясь, Титов пальнул второй раз, третий, а потом сделал приглашающий жест рукой и сказал:

— Тарань! Твои сто килограммов тут будут как нельзя кстати.

Левин не дал себя уговаривать. Он спустился и с небольшого разбега пару раз шибанул дверь плечом. О том, что каждый удар может оказаться в его жизни последним, он старался не думать...

Искореженный пулями замок поддался, в нем что-то хрустнуло, дверь распахнулась, и Лев влетел в душное помещение...

— Ну, ни хрена себе, служба спасения развлекается! — послышался веселый голос Андрейкина. — Ого! Лев Сергеевич, вы, что ли?

— Я, — простонал Левин, с трудом поднимаясь с пола. — А ты еще кому-то этот адресок на мобильники рассылал?

— Вот уж не рассчитывал на удачу! Вы получили мою эсэмэску? — удивленно воскликнул маг.

— Как ты догадался?! — усмехнулся Левин и позвал Клима:— Титов, заходи, подлый трус! Бомбы нет! Обстановка невзрывоопасна!

— Как я проглядел эту дверь? — покачал головой Андрейкин.

— А еще маг! — поддел его Клим, заходя в подвал и внимательно обзревая его. Заметив пленника в клетке, Титов приветственно помахал парню рукой.

— Ду-уська!!! — Мимо пролетел вихрь, и, оставив после себя клубы черного дыма, исчез.

— Это Филипп Филиппович с дымовой шашкой, — объяснил странное явление маг. — Он очень рвался на свободу, чтобы спасти даму своего сердца Дуську.

— Стой! — бросился за Портнягиным Клим. — Стой, чудило арбатское! Дуська твоя заминированная сидит! В дом нельзя заходить через дверь!

Он догнал Фила, отобрал у него дымящуюся шашку, отбросил в снег и затоптал ногами.

— Как... заминированная? — застыл Фил.

— Так. К стулу ее привязали и к каждой двери растяжку приделали. Пойдем, покумекаем, как дальше быть.

— П-по-ку-ку-ме... — потрясенный Портнягин послушно поплелся за Климом обратно в подвал. — Ду-уська, — тихонько подвывал он.

В подвале Левин пытал Андрейкина.

— Как ты сюда попал? Кто этот тип в клетке? Чей это дом?! Почему ты меня за мои же деньги впутываешь в новые неприятные истории?!

— Я работал, — оправдываясь, кричал Андрейкин. — Пахал как сволочь! Если честно, то это первое мое расследование, и я... иногда попадаю в просяк! Я на крышу залез, чтобы в дом незаметно проникнуть, подслушать, подсмотреть и кое в чем убедиться! Я потом тебе все расскажу, Лев Сергеевич, а теперь нужно срочно спасать Дуську!

При слове «Дуська» Портнягин снова попытался выбежать из подвала, но Клим перехватил его и плотно прижал к стене.

— Кто бы мог подумать, что я буду жалеть такую неприятную личность, как ты, — сказал Титов, склоняясь над ним. — Помнишь, как ты дубиной меня отходил?!

— Я не неприятная личность, — оттолкнул его Фил, — я — сапер!

— Кто?! — хором воскликнули все.

— Сапер я! — заорал Фил. — Я любую растяжку с закрытыми глазами разминирую!! Где Евдокия?!

— Пойдем! — Клим первым выбежал из подвала. За ним помчались все остальные.

Запыхавшись, они остановились напротив окон первого этажа.

— Решетки нужно выставлять, — задумчиво сказал Клим.

— Зачем? — жестко оборвал его Фил. — Если я полностью разденусь, то пролезу между прутьями.

Титов отошел на шаг от Портнягина и критически оглядел его.

— А ведь действительно может пролезть, — задумчиво сказал он. — Какая удача — тощий сапер! Скажите, Филипп Филиппович, вы не преувеличиваете? Вы точно сапер?!

Портнягин молча скинул одежду и остался в одних трусах. Левин в смятении отвернулся. Он был категорически против, чтобы старший по подъезду рисковал жизнью, но от его мнения в данный момент ничего не зависело.

— Все будет хорошо, — неуверенно сказал маг. — Я чародей, я знаю.

Фил сосредоточенно посмотрел на окно, пару раз для разминки сделал вращательные движения плечами и полез вверх, уцепившись за подоконник...

Решение, конечно, было не гениальным: не умея толком водить машину, броситься в погоню за преступником, или кто он там был на этой «ше-стерке»...

Водить Дину когда-то учил Стас, но у бывшего мужа не хватило ни терпения, ни чувства юмора, чтобы довести дело до конца.

Короче, решение прыгнуть за руль «Навигатора» было не самым удачным. Тем более что «жигуленок» сразу заметил преследование и начал выделывать на дороге черт знает что. Он метался из ряда в ряд и большую часть пути ехал по встречке.

Дина вдруг подумала, что дело чести догнать этот безномерной агрегат, и вывела черного монстра на середину дороги, уверенно настигая синие «Жигули».

Как ни шнырял «жигуль», она уже таранила его задний бампер. Судя по тому, что видела Дина в кино, преследуемую машину следовало прижать к обочине. Но тут в дело должен был вступить руль, а с этим у Дины было не очень.

Наверное, она слишком резко взяла вправо или не рассчитала дистанцию. Во всяком случае, джип так боднул «жигуленка», что тот, вместо того чтобы цивилизованно остановиться на краю дороги, со скрежетом перевернулся и полетел в глубокий кювет, зацепив по дороге два дерева. Дина не сразу вспомнила, где находится педаль тормоза, и пролетела вперед еще метров сто. Зато задний ход у нее получился с первого раза. Она вернулась к месту аварии и затормозила с помощью опоры светового освещения. От ощутимого удара о столб, Дину швырнуло на руль, и она уткнулась носом в сработавшую подушку безопасности.

Все это было ужасно! Так ужасно, что впору было визжать, зажмурив глаза, но нужно было спасти водителя синей «шестерки».

Словно во сне, Дина выбралась из машины и бросилась вниз, в кювет.

«Шестерка» лежала на крыше, методично покачиваясь. Очередной раз упав, Дина не стала вставать и по-пластунски, на животе, подползла к окну, где, изогнувшись в неестественной позе, лежал водитель.

Она убила его!

Зачем?!

Кто ей сказал, что он имеет отношение к делу?

И хоть парень стопроцентно походил на того бритого лба, который на Арбате открывал дверь соседской квартиры, не было ни малейшей гарантии, что она не угробила невинного человека.

Дина попробовала найти у него пульс, но так и не поняла, бьется в этом могучем организме сердце или нет. Скорее всего не бьется, если судить по бледности лица и безвольности свесившейся из окна руки. Она попыталась вытащить парня из машины, но сил не хватило, а на помощь придти никто не торопился.

Тогда она села в грязную лужу, и, умываясь слезами, набрала номер Бориса.

— Да, солнышко! — радостно откликнулся бессменный партнер по танцам. — Приглашаю тебя сегодня на тур аргентинского танго! У меня есть пара нетанцевальных вопросов, но лучше задать их в танцзале! Ты сможешь придти?

— Смогу, — всхлипнула Дина. — Если меня не посадят.

— Что значит — «не посадят»? Куда? В парикмахерское кресло?

— Боря, я человека убила.

— Серьезно? — хмыкнул Борис. — Ни капли не сомневаюсь, это был плохой человек. Прощаю тебя, солнце. Приходи танцевать танго.

— Боря, я спровоцировала аварию! Я догоняла «шестерку», она перевернулась и улетела в кювет! Водитель не дышит! Что делать, Боря?!

— Где ты? — сухо спросил Борис, и Дина, как могла, объяснила ему.

Он прилетел через пятнадцать минут на своем умопомрачительном «лексусе».

Молча осмотрел сидящую в грязи Дину и перевернутую машину.

— Все плохо, — шептала Дина, — все очень плохо...

Пока Борис вытаскивал из «Жигулей» парня, она сбивчиво и не очень понятно рассказала, как оказалась за рулем «Навигатора», не забыв упомянуть пропавшего мага и другие подробности.

— Динка, ты гений! — вдруг закричал Борис, склонившись над бритым водителем.

— Что? — всхлипнула Дина, даже не пытаясь встать из теплой, уютной грязи.

— Знаешь, кого ты задержала?! Это же Томас Ревазов! Его вся полиция ищет, он в федеральном розыске! Очень опасный тип. Разбой, грабежи, тяжкие телесные повреждения...

— Я убила его... Скажи, мне скостят срок из-за того, что он был преступником?

— Да жив он! Только пьян в стельку. Неужели ты не чувствуешь перегар?!

— Жив?! — Дина вскочила и сделала несколько па из неизвестного танца. — Он жи-ив!! — закричала она, приложив рупором руки ко рту. — Только пьян в сте-ельку!!!

— Больная, примите вот это, — поморщился Борис и протянул ей плоскую фляжку. Дина послушно отхлебнула наикрепчайший коньяк. Орать расхотелось, зато захотелось спать — тихо, мирно, в уютной луже, в которой она провела столько времени.

— Машину сможешь вести? — спросил Борис, взваливая Ревазова на плечо.

— А чего там не смочь-то? — искренне изумилась Дина. — Газ, тормоз, руль...

— Садись в свой гроб на колесах и показывай мне дорогу к дому, где твои бравые парни в одиночку борются за справедливость. Да столбами не тормози, там педалька есть, слева.

Дина побежала вперед, проваливаясь по колена в грязный снег и цепляясь колготками за сухие ветки. Это тоже было негениальное решение — притащить Бориса в дом, где без вести пропал маг. Но другого выхода не было...

Нора брела вдоль забора, а машины все не было.

«Навигатор» пропал, как корабль в Бермудском треугольнике.

— Токсикоз... — растерянно пробормотала Нора и пошла в обратном направлении.

Забор опоясывал дом, поэтому ходить вдоль него можно было бесконечно.

«Навигатора» нигде не было, во всяком случае, Нора машины не видела.

— Сдуло его, что ли? — пробормотала Нора и пошла назад.

Мотоцикл с люлькой стоял на месте, а «Навигатора» не было...

Нора потеряла виски, легонько подергала себя за волосы и направилась к «Уралу».

В конце концов это не ее проблема, что джип пропал. Это проблема врача, который ее ведет. Пусть назначает таблетки, УЗИ, томограмму, рентген и рисовальные тесты.

Недолго думая, Нора нырнула в люльку, кое-как разместила там свои длинные ноги и натянула на себя толстый брезентовый тент. Стало гораздо теплее. Она закрыла глаза и представила себя в свадебном платье. Тарасов полз сзади, умоляя поверить ему, что по национальности он белорус...

В какой-то момент Портнягин решил, что сломал ребро, — так больно сжали грудную клетку металлические прутья решетки. Острые края выбитого стекла царапали кожу.

Фил выдохнул до предела, втянул живот и сделал последний, решительный рывок вперед. Черт с ним, с ребром, ведь если голова прошла, значит, и все остальное проскочит. Он рухнул вниз, едва успев вытянуть перед собой руки, чтобы не удариться лбом о паркет.

За окном послышался свист, аплодисменты и необоснованные крики «браво!»

Дуська сидела на стуле, опутанная веревками, словно муха-цокотуха в плену у паука. Она была без сознания. Даже веснушки поблекли на ее бледных щеках, даже волосы не казались такими уж рыжими.

— Сейчас, Дульсиня, — прошептал Фил, проползая под спутанными веревками, хаотично тянущимися ко всем дверям. — Сейчас я тебя спасу...

Растяжки были небрежными, неумелыми, сделанными на скорую руку. Тот, кто их соорудил, был дилетантом, ни черта не смыслящим во взрывном деле. Фил перекатился на спину и без труда обезвредил первую гранату.

Она оказалась фальшивкой. Обычной учебной «пустышкой», у которой при выдергивании чеки запал издает звук не страшнее взрыва петарды.

Фил вскочил на ноги и с досадой отбросил гранату в угол. Подвиг опять превратился в дешевый фарс.

Глотая подступившие слезы, он, не глядя, начал отвязывать от веревок гранаты и скидывать их в угол как пустые бутылки.

Большой трагедии с ним в жизни не происходило. Большого несчастья и разочарования. Он хотел рискнуть своей жизнью, чтобы спасти Дуську, а рискнул лишь своим добрым именем, над которым опять все будут смеяться.

Дуську он развязывал бережно. Она безвольно валилась на бок, но Портнягин поддерживал ее, не давая упасть. Наконец с нехитрыми бесславными делами было покончено. Фил сел на корточки и уткнулся Дуське в колени.

— Вот и все, — прошептал он. — Ты живая, и я живой. Что еще для счастья надо?

Дуська вздрогнула, открыла глаза, и, увидев у своих ног голого мужика, заорала.

— Тише! — зажал ей ладонью рот Фил.

— Ты?! — выпучила глаза Евдокия. — А мы на том свете или на этом?

— На том... в смысле на этом... То есть, живы мы! — запутался Фил.

— А почему ты раздет?

— Так это, в окно между решетками лез, етитская сила, вот и разделся.

— Ты меня спас?! — восторженно удивилась Дуська.

— Спас, — кивнул Фил, пряча глаза. Сообщить Дуське, что гранаты были фальшивыми, у него не было сил.

— Поцелуй меня, — вдруг попросила Дуська и закрыла глаза.

Фил уткнулся ей в щеку плотно сомкнутыми губами. Он не очень хорошо понимал, что делает, но сердце, забившееся с удвоенной силой, подсказывало, что что-то важное.

— Ты что, никогда ни с кем не целовался? — недовольно спросила Дуська, отпихивая его то себя.

— Нет. То есть целовался как-то... давно... с Людкой Косячкиной.

— Сам ты Людка Косячкина, — надулась Дуська. — Целуй, давай, как в кино!

Портнягин расправил плечи и обнял Дуську вместе со стулом. Он поймал ее губы, с грохотом повалил на пол и ... Фил терпеть не мог киношные поцелуи, но уж он постарался.

Дуська почти не дышала. Она обхватила Фила за шею и позволяла делать с собой все, на что у Фила хватило фантазии.

— Ты маньяк! — наконец выдохнула она. — А притворялся евнухом недоделанным.

— Я доделанный... То есть, не евнух. В смысле, не притворялся... — опять запутался Фил.

— Где Алекс? — оттолкнула его от себя Дуська.

— Не знаю, но пусть только сунется. — Фил сделал попытку повторить свой звездный поцелуй.

— Найди мой талисман! — взмолилась вдруг Дуська. — Полмонетки на цепочке! Мне без него замуж ну никак не пойти!

Портнягин пополз на четвереньках, обследуя комнату. Он старался, словно ищейка, включив свое зрение, нюх и желание угодить Дуське.

Талисман нашелся среди кучи гранат. Небрежно разбросав учебные игрушки, Фил поднял цепочку и в зубах принес ее Дуське.

— Держи, — сказал он, надевая ей на шею монетку. — Только замуж без меня ни ногой...

Дуська вздохнула и критически оглядела Фила.

— Я бесприданница, — предупредила она.

— И я бесприданец, — парировал Фил.

— Я рыжая.

— И я рыжий!

— Я дура и неудачница.

— Я тоже дурак и неудачник! У меня вся карусель блевала, когда я над пультом задумался.

— Я заявление в загс подала с Алексом.

— Найдем другой загс, напишем новое заявление...

Фил снова обнял ее вместе со стулом и закрепил на практике поцелуй.

— Что-то долго нашего героя нет! — От нетерпения Клим подпрыгнул, стараясь заглянуть в окно.

— Нужно отойти подальше от дома, вдруг рванет? — обеспокоенно сказал Левин, отступив два шага назад.

— Уже бы рвануло, — поделился размышлениями Андрейкин. — Раз фейерверка до сих пор нет, значит, все более-менее благополучно, — и решительным шагом направился к двери прачечной.

Клим все же залез на приступок и заглянул в окно.

— Что там? — нервно спросил его Левин.

Титов покачнулся, спрыгнул на землю и побежал за Андрейкиным.

— Что там?! — заорал Левин. Ему ничего не осталось делать, как бежать вслед за всеми.

Они влетели в гостиную и замерли на пороге.

Портнягин лежал на полу и взахлеб целовался с Дуськой, прихватив в компанию стул.

— Как бы то ни было, задачу он свою выполнил, — хмыкнул Клим.

— И перевыполнил, — буркнул Левин.

— Кто это?! — оторвавшись от Фила, спросила Дуська.

— Группа поддержки, — ответил он. — Можешь не обращать на них никакого внимания, они нашему счастью не помешают, и снова обнял ее.

Но Дуська выкрутилась и испуганно уставилась на Левина.

— Здравствуйте, Лариса Борисовна, — насмешливо поздоровался он с ней. — Что-то вы кардинально порыжели.

Андрейкин обошел комнату и остановился возле кучи гранат.

— Пустышки! — догадался он, схватил одну гранату, выдернул чеку и запустил снаряд в разбитое окно, попав точно между прутьев решетки.

За забором раздался оглушительный взрыв. Стены дома содрогнулись, стекла в окнах со звоном вылетели. Все, как один, распластались по полу, прикрыв головы руками.

— Ну ни хрена себе! — проговорил Титов, дождавшись оглушительной тишины, и вдруг, сорвавшись с места, ринулся к двери.

— Нора! — истошно заорал он. — Но-ора!!!

— Дина! — бросился за ним Левин. — Дина-а!!!

— А мне некого спасать, — грустно вздохнул Андрейкин, вставая с пола и отряхивая колени. — Что ж ты, Филипп Филиппович, боеприпасы как попало разбрасываешь?

Фил, закрывавший Дуську своим телом, приподнял голову и огляделся.

— Она взорвалась? — шепотом спросил он.

— Как миленькая, — успокоил его Андрейкин. — Слава богу, что у меня метательные способности хорошие, и она за забор улетела, а то...

— Она взорвалась! — Фил подпрыгнул и сплясал что-то из репертуара диких африканских племен. — Я не зря рисковал своей жизнью! Я всех спас!! Я... совершил подвиг? — вопросительно уставился он на мага.

— Сейчас уточним. — Нахмурившись, Андрейкин вышел из дома и направился за ворота.

За забором зияла глубокая воронка. Вывороченные комья желтой земли валялись везде, куда доставал глаз. Возле воронки стояли растерянные Титов и Левин: Левин держался за голову, Титов за сердце.

— Как ты думаешь, куда они делись? — в третий раз спросил Левин Титова.

— Не знаю! — взвыл Клим. — «Навигатор» слишком большая машина, чтобы его разнесло без следа!

— Может, его взрывной волной куда-нибудь... зафигачило? — Левин тоже схватился за сердце, пожалев, что не имеет привычки носить с собой валидол.

— Не может! — Клим высоко подпрыгнул от переполнявших его эмоций. — Не может мой «Навигатор» никуда зафигачить! Он три тонны весит!! Господи, где они?!

— Я убью тебя, гад! Ты зачем бросил гранату?! — Левин с кулаками набросился на Андрейкина. Он беспорядочно молотил воздух, стараясь попасть магу в лицо, но тот уходил от ударов, прыгая как боксер, и кричал:

— Тел нет! Металлолома тоже нет!!

— Я тебе дам металлолом! — Титов, не целясь, зарядил магу в нос. Тот упал, из носа у него хлынула кровь.

— Господа, — взмолился Андрейкин. — Я не виноват! Оглянитесь, вон ваш «Навигатор» едет!

Левин и Титов, как по команде, одновременно обернулись. По объездной дороге, прямо на них, с включенными габаритами летел черный джип. За ним, трясясь на колдобинах, осторожно крался роскошный «лексус».

«Навигатор» с визгом затормозил у края воронки. Из кабины выскочила счастливая Дина в грязном плаще и рваных колготках.

— Я задержала опасного преступника, — весело сообщила она. — Машину помяла совсем чуть-чуть! А зачем вы тут яму выкопали?

— Я же говорил, что трупов нет! — поднимаясь с земли и утирая свой кровоточащий нос, радостно закричал Андрейкин.

Позади джипа осторожно затормозил «лексус». Из него вышел высокий парень в кожаной куртке.

— Это Борис, — представила его Дина. — Он мой партнер по танцам, но в свободное время подрабатывает на Петровке.

Борис слегка поклонился и обратился к мужской компании:

— У меня в машине сидит ценный кадр а наручниках. Не сможете транспортировать его в дом?

— Поможем! — обрадовался Андрейкин такой благоприятной для него смене декораций. — Конечно, поможем!

Он вытащил из «лексуса» неподвижного Ревазова, взвалил его на плечо и потащил в дом.

Левин поймал Дину в охапку и поцеловал в губы.

— Я думал, ты умерла, — сказал он ей на ухо. — Я думал, счастье закончилось...

— Размечтался! — засмеялась она. — Что-то мне говорит, что это самое счастье еще и не начиналось. Кстати, Боря, знакомься, это мой брат Лев Левин! Правда, у нас совсем не братские отношения, но ведь за это не сажают?!

— Пойдемте в дом, — нахмурился оперативник. — Думаю, нам есть что рассказать друг другу.

— Есть, есть, — проворчал Левин и повел Дину в дом.

— Стойте! — крикнул Титов. — А где моя Нора? Где моя беременная Норка, мать вашу?!!

— Что он имеет в виду? — еще больше нахмурился оперативник. — Какая еще беременная норка? Этот парень животновод?

— Да девушку он свою потерял, — объяснила Дина. — Клим, она где-то здесь. Ищи и найдешь!

— Ищи и найдешь, — повторил Титов и медленно пошел вдоль забора. — Ищи и найдешь! Но-ра! Но-ора, лю-любимая!!!

Глава тринадцатая

ДУЭЛЬ

— *Читай, Верунь, вслух, у меня глаза от сидения в подполе слабые стали. Да погромче читай, с ушами тоже что-то не очень.*

— *«Дорогая моя незнакомка! Как увидел вас, потерял покой. Вы так похожи на ту голубоглазую девушку, которая в тридцать втором году полоскала белье в реке Жимарухе!!»*

— *Прости, что перебиваю, на кого я похожа?*

— *На «го-лу-бо-глазую девушку»!*

— *Боже мой... И в каком году она полоскала белье в реке Жимарухе?*

— *В тридцать втором.*

— *Хам! Нахал! Меня в тридцать втором еще на свете не было! Читай дальше.*

— *«Когда я увидел вас, то сразу понял, что судьба дает мне еще один шанс. Ведь та голубоглазая девушка предпочла мне конюха Пятилапко, а я с горя поступил в военное училище и уехал из родных мест...»*

— *Прости, дорогая, что перебиваю, но кого она ему предпочла?!*

— *Конюха Пя-ти-лап-ко!*

— *Ой, да я бы тоже солдафону конюха предпочла, да еще в тридцать втором году! Читай дальше.*

— *«Дорогая! Это ничего, что у вас на ноге гипс. Ничего, что прическа не в порядке и маникюр прошлогодний...»*

— *Что-о?!*

— *Ма-ни-кюр, про-шло...*

— *Не перечитывай! Не глухая. Дальше!*

— *«Я почувствовал, что вы — мой человек! В моей огрубевшей душе все всколыхнулось и поднялось, когда я увидел вас! Я запомнил номера вашей машины и, извините, нашел вас. Хотел поговорить по душам, хотел сказать, что жить без вас не могу, и выпить шампанское за здоровье вашей ноги. Но я не застал вас дома! Душа стонет. Сердце болит. Кровь бурлит».*

— *И все?!*

— Нет, отчего же! «Организм дает сбой, как на берегу реки Жимарухи».

— Про сбой я бы на его месте молчала.

— А я бы на его месте не упоминала названия рек. «Я надеюсь на нашу встречу. Я надеюсь на вашу любовь. Я надеюсь, что мне не придется вновь убегать от себя и поступать в какое-нибудь училище. Ваш полковник Бурмак. Целую в ногу!»

— Пошляк!

— Остряк!

— Одним словом — Бурмак!

— И почему он не генерал?

— А мне, Верунь, на его погоны плевать. Когда он в следующий раз придет, я из подпола вылезу и по-французски заговорю! И ты меня не оставляй! Открывай шампанское.

— П-пах! За что пьем?!

— За любовь! За что еще пить в нашем роскошном возрасте?!

Взрыв Нору не разбудил. Даже то, что «Урал» потрянуло и ощутимо подбросило, не помешало видеть ей счастливые сны. Наверное, такая нечувствительность к взрывам тоже была из разряда токсикозов, но проснулась Нора только от крика «Нора, любимая!»

Она еще немного полежала, наслаждаясь этим душераздирающим воплем, и только тогда открыла глаза, когда крик прозвучал прямо в ухо.

— Норка! — Титов потряс ее за плечо и поцеловал в плеч. — Ты не ранена? Ты жива?

— Что ты несешь? Почему я должна быть ранена?

— Норка... — Клим уткнулся ей в грудь. Он не шутил, не дурачился, не нес околесицу. Это был совсем другой Титов — перепуганный и несчастный. И совсем не похоже было, что он имел крупный бизнес, жил на Рублевке и был накоротке с сильными мира сего.

Нора нежно погладила его по голове.

— Я не смогла найти твою машину и забралась в «Урал», — пояснила она.

— Угу, — всхлипнул Клим. — Мою машину угнала Дина.

— Надо же! На нее это не похоже. Клим, я тут думала, думала и решила, что мы не можем быть вместе.

— Опять двадцать пять! — вздохнул Титов. — Мне относиться к этому серьезно?

— Как хочешь, так и относись, — пожала плечами Нора.

Клим встал, вытащил Нору из люльки и, держа ее на руках, сказал тоном прежнего дуралея и балагура:

— В конце концов у меня есть силовые структуры.

— Что у тебя есть? — не поняла Нора.

— Парни, которые отвезут тебя в загс, хочешь ты этого или нет.

— Они красивые, эти парни?

— Что-о?!

— Если не уроды, пусть тащат в загс. Куда ты несешь меня?

— В доме какая-то важная сходка под предводительством танцора с Петровки. Обещают рассказать много интересного. Пойдем или поедем в клуб, поколбасимся?

— В дом! — приказала Нора, подстегнув Клима ногой. — В клубах скука смертная.

Они расположились вокруг стола, словно собрались чаю попить.

Стол был большой, красного дерева, лакированный. В его блестящей поверхности отражалась яркая многорожковая люстра, делая стол похожим на огромный световой прибор.

На торце, на месте хозяина, сидел Борис. Рядом с ним на стуле, прикованный наручниками к ножке стола, полулежал Ревазов. После двух стаканов холодной воды, выплеснутых ему в лицо, он немного пришел в себя и теперь с усмешкой смотрел на всех из-под полуопущенных век. Напротив Бориса сидел Андрейкин. Свой кожаный плащ маг повесил на спинку стула. Трагически закидывая голову назад, он прижимал к разбитому носу платок. Дина с Левиным уселись справа от мага, а Титов и Нора сидели на одном стуле. Клим так и не рискнул спустить Нору с рук, он держал ее на коленях, как особо ценный, но сбегаящий груз, и шептал на ухо что-то такое, отчего она беззвучно смеялась. Фил успел одеться и сидел с гордо поднятой головой и выпяченной грудью рядом с Дуськой, а по другую сторону сидела горничная Лена. Положив на стол сцепленные в замок руки, она смотрела себе под ноги, нацепив на лицо маску непроницаемого равнодушия.

— Ну вот и расселись, — улыбнулся Борис.

— Смотря что вы имеете в виду под словом расселись, — засмеялся Титов.

Не ответив на шутку, Борис достал из внутреннего кармана удостоверение и, открыв его, показал всем присутствующим.

— Борис Павлович Ровно, — вслух прочитал дальнозоркий Портнягин. — Старший оперуполномоченный уголовного розыска. Здравия желаю! — Пристав, он зачем-то отдал Борису честь.

— Красивая фамилия, — одобрил Титов. — И должность впечатляющая.

— Я думаю, имеет смысл разобраться, как мы все здесь оказались. — Борис спрятал «корочки» и обвел всех вопросительным взглядом.

— Коллега! — вскочил Андрейкин. — Боюсь, я буду самым незаменимым человеком в вашем расследовании.

— Вы — это кто? — уточнил Борис.

— Андрейкин Василий Федотович. Частный детектив. Использую интерактивные, дедуктивные, креативные и другие далекие от науки методы установления истины. Вообще-то, это мое первое дело, — скромно потупился он, придерживая у носа платок. — Но я его не провалил! Я блестяще с ним справился!

— И что же вы установили своими далекими от науки методами? — засмеялся Борис.

— По этому делу я знаю практически все! — высокопарно заявил маг. — А главное — я знаю, кто убил Инну Покровскую!

— Ой, не могу! — захохотал Борис, откинувшись на спинку стула. — И кто же?! Кто, по-вашему, убил звезду шоу-биза?

— Не скажу, — надулся Андрейкин и занялся своим носом.

— Тогда я кое-что расскажу, — перестал хохотать Борис. — Каждый из вас, волей или неволей, оказался причастен к этой некрасивой истории. Двойную продажу квартиры оставим пока в стороне, она почти не имеет отношения к делу. Я уже говорил, что Инна бесследно исчезла с презентации своей книги «Изнанка» после нескольких безобидных звонков с телефона Игоря Грига. Она не воспользовалась услугами своего водителя, таксисты ее тоже не подвозили. Из всего этого следовал вывод: Инну увез из клуба либо какой-то частник, либо знакомый...

— В результате оперативно-розыскных работ было установлено, что Покровская села в синие «Жигули» шестой модели без номеров! — поспешно выкрикнул маг.

— Bravo, — удивился Борис, — для начинающего детектива очень неплохо! И как вам удалось установить это своими ненаучными методами?

— Свидетели, — пояснил маг. — Свидетели, уважаемый сыщик, существуют не только те, которые тусуются в ночных клубах. Есть люди, незримо присутствующие в любых ситуациях. Продавцы мороженого, например. Или уборщики улиц. Или попрошайки, околачивающиеся в одних и тех же местах.

— Bravo, Андрейкин! — опять похвалил мага оперативник. — Правда, в нашем случае свидетелем все же был работник клуба, в котором проходила презентация книги Инны. Он вышел покурить со стороны служебного входа и увидел, как Покровская прыгнула в машину, никак не подходящую ей по статусу. Очевидно, машина поджидала Инну давно, потому что асфальт со стороны водителя был усыпан окурками.

— Постойте, — перебила их Дина, — но ведь синие «Жигули» шестой модели без номеров, это та самая машина, которую я задержала!

— Правильно, — кивнул Борис. — На этой машине разъезжает наш главный герой — рецидивист-уголовник Томас Ревазов, он же Алексей Рувимов, он же Антон Соболевский, он же...

— Андреас Сагалаев, — продолжил маг. — У него куча поддельных паспортов, один из которых он легкомысленно оставил в загсе, куда подал заявление с Евдокией Егодиной.

— Как? Вы и это знаете?! — поразился Борис. — Ревазов вам что, интервью давал?

— Мне ваши парни с Петровки интервью давали, — злорадно ответил Андрейкин. — Да ладно вам, успокойтесь! Не за деньги они болтали, а под легким гипнозом, которым я блестяще владею. Я их в кафе подловил за рюмкой крепкого кофе.

— Час от часу не легче, — пробормотал Борис. — Так вот, нам много времени не понадобилось, чтобы установить, что этот синий «Жигуль» в тот день был замечен на Рублевском шоссе. Не было никаких сомнений, что последним, кто видел Инну живой, был Ревазов.

— Позвольте, но тот факт, что она села в его машину, вовсе не означает, что кроме Ревазова с ней никто не общался! — возмутился Андрейкин. — И потом, есть одна маленькая деталь... Дело в том, что девичья фамилия Инны — Ревазова! — победно выкрикнул маг.

— Ни фигя себе! — восхитился Титов неожиданным поворотом. — Вот это приколы!

— Да, она родная сестра уголовника. Представляете, она — известная личность, звезда, одна из богатейших женщин в шоу-бизнесе, а он — нищий обалдуй, который то и дело нарушает закон! Они с детства недолюбливали друг друга. Инна росла болезненной, и поэтому родители уделяли ей больше внимания. Лучшие игрушки, красивая одежда, вкусная еда и родительская любовь доставались сестре, а не Томасу. Он чувствовал себя ущемленным. Как любой ребенок в такой ситуации, он сделал единственный вывод — его не любят. А раз не любят, значит, он предоставлен только себе. Забросив учебу, Томас связался с компанией, которая избивала и грабила прохожих на улице. К пятнадцати годам у него была куча приводов в милицию, а в семнадцать он первый раз загремел за решетку. А Инка, его старшая сестра, блистала! Детские болезни как рукой сняло после четырнадцати лет. Она стала высокой, стройной, с длинными волосами и красивой фигурой. С учебой у сестрицы, правда, тоже не ладилось, зато она выиграла сначала конкурс красоты «Королева школы», потом победила в телевизионном конкурсе «Лицо года», а потом завоевала почетный титул «Мисс Минеральные Воды». Успехи на поприще красоты вскружили ей голову, вокруг стали виться богатые мужики. Недолго думая, Инна выскочила в восемнадцать лет замуж. Парень оказался из криминального бизнеса, и через год его застрелили в бане. Инне от мужа досталась только могилка да благозвучная фамилия Покровская. Все имущество, деньги, бизнес прибрали к рукам его дружки — якобы за долги.

Родители к тому времени уже умерли, и для Инны настали трудные времена. На конкурсах красоты побеждали шестнадцатилетние, образования у нее не было, поэтому пришлось быстренько освоить профессию маникюрши, чтобы не умереть с голоду. Ко всем несчастьям добавился брат, вернувшийся из тюрьмы и вечно клянчивший у нее деньги. Инна вынуждена была проживать с ним в одной квартире, доставшейся от родителей. Томас нигде не работал, сутками валялся на диване, часто уходил в запои и таскал домой проституток.

Для Инны такая жизнь стала невыносимой. Ей уже наступал двадцатник, а богатые женихи все не попадались.

И тут случилось невероятное.

Томас устроился в гостиницу разнорабочим — таскать, убирать, подметать. У него, наконец, появились свои карманные деньги. Инна не верила своему счастью... А однажды он пришел с работы, как всегда навеселе, и спросил: «Хочешь подцепить папика?» Инна не восприняла его слова всерьез, но Томас, став вдруг серьезным, объяснил, что гостиницу, в которой он работает, купил московский «гостиничный король» Андрей Гнедулин. Он приезжает со дня на день, чтобы лично осмотреть новые владения. Пресса утверждала, что Гнедулин недавно развелся и находится в активных поисках молодой красивой жены.

Инна решила рискнуть. В тот вечер, когда приехал Гнедулин, она пришла в гостиничный ресторан и заняла место у барной стойки. Сидеть пришлось долго, деньги подходили к концу, и Инна уже поняла: глупо поджидать хозяина сети роскошных гостиниц в заштатном ресторане, но тут...

Он вошел в зал с охранником, который бежал впереди Андрея Андреевича, подобострастно приседая. Гнедулин оказался не так уж стар, подтянут и вполне симпатичен. Чтобы обратить на себя внимание и сделать знакомство случайным, Покровская проделала дешевый трюк — оступилась возле стола Андрея Андреевича и упала. Охранник заломил ей руки, но Гнедулин захохотал и приказал отпустить девушку. Он знал цену всем этим фокусам с падающими ему под ноги молодыми девицами, но на этот раз девушка была очень уж хороша. Он пригласил ее поужинать, потом сыграть партию в бильярд, потом в сауну, потом... В его номер Инна идти отказалась, сославшись на строгое воспитание. Гнедулин, скорее всего, хохотал в душе, но правила игры принял. Он ухаживал за Покровской ровно три дня, (кстати, не очень изобретательно — ужины, букеты, избитые комплименты), а потом предложил уехать с ним в Москву.

«В качестве кого?» — дрожащим голосом спросила Инна. «А это зависит от твоего поведения, — ответил Андрей Андреевич. — Будешь дальше ваньку валять и невинную ромашку из себя корчить, возьму к себе горничной. Станешь сама собой, в жены возьму, у меня это место пустует».

Покровская быстренько сообразила, как себя вести, чтобы угодить Гнедулину. Она стала раскованной, остроумной, веселой, и устроила королю такую ночь любви, что утром, проснувшись, он первым делом сказал: «Хороша! А главное — не дура».

Инна поняла, что место горничной остается вакантным, а вот место жены...

Она купалась в своем счастье, но при этом совсем забыла, что обязана им непутевому братцу.

Инна уехала с Гнедулиным в Москву. Свадьба была шикарной. О ней вопила вся пресса. Медовый месяц они провели на островах. Но праздник кончился, начались будни. Гнедулин с головой ушел в свой бизнес, а Инна стала вести безбедную, размеренную жизнь рублевской бездельницы. И тут ей, словно снег на голову, свалился братец. Он стал настойчиво требовать свои дивиденды с удачной операции по замужеству Инны. У брата было несколько условий. Первое — квартира в Москве. Второе — ежемесячное содержание в размере пяти тысяч долларов. Третье — дом за городом и машина не меньше шестисотого «Мерседеса». В случае неисполнения этих условий Томас грозился начать давать интервью прессе о своем богатом уголовном опыте и близком родстве с женой самого Гнедулина.

Инна запаниковала. Собственных денег, чтобы ублажить брата, не было, а признаться Гнедулину, что у нее есть брат-рецидивист, она боялась. И тогда Покровской пришла в голову идея начать самой зарабатывать деньги. Делать она ничего не умела, но у нее было одно ценное качество — талант общения с людьми и умение убеждать их. На этот талант она и рассчитывала, когда решила стать продюсером никому не известного мальчика, подрабатывающего пением в ресторане.

Гнедулин, считавший, что это блажь, которая скоро пройдет, дал ей первоначальные деньги, и Инна взялась за дело. Она сама не ожидала, что все пойдет так успешно! Уже через год Игоря Грига знала вся страна, у него появились фан-клубы, его песни звучали на всех музыкальных каналах, во всех радиоэфирах, за ним носились папарацци, глянец пестрел его фотографиями, а для журналистов он был самой желанной добычей. А тут еще случилась большая удача — Томас в очередной раз загремел в тюрьму.

Но счастье оказалось недолгим. Вместо семи лет Ревазов отсидел всего три. Была объявлена амнистия, и его выпустили на свободу «за примерное поведение». Братец возник в офисе Покровской внезапно и с энтузиазмом взялся за старое. Теперь он требовал загородный дом, хорошую машину, счет в банке и... квартирку где-нибудь на Майами. Его запросы были наглыми, несуразными, и хотя Инна могла теперь легко выполнить хотя бы часть из них, делать она этого не захотела. Для начала она сняла Ревазову

квартиру в спальном районе и стала кормить его обещаниями, тянуть время, размышляя, что делать дальше. Ревазов, тем временем, опять попался на разбое. Инна вздохнула с облегчением, но из криминальных сводок узнала, что Томас сбежал из изолятора и находится в розыске. Но она уже придумала, как избавиться от домогательств братца...

Тут я должен сказать, что за эти годы в личной жизни Инны произошли изменения. Гнедулин был в ярости оттого, что жена начала зарабатывать огромные деньги. Он мечтал о детях, но Инна об этом и думать не хотела, а рычагов влияния на нее у Гнедулина становилось все меньше и меньше. Дело запахло скандальным разводом. Пресса с удовольствием его поджидала, то и дело распаясь в громких заявлениях о любовной связи Покровской и Игоря Грига. Это была правда. Также правдой было и то, что Инна за эти годы пристрастилась к наркотикам. С их помощью она боролась с усталостью, депрессиями и страхами — да, страхами, — потому что Инна много чего боялась. Она боялась развода с Гнедулиным, боялась, что братец раскроет рот и в интервью журналистам расскажет, что она бывшая маникюрша, боялась, что пресса пронюхает, что она наркоманка, боялась, что Григ уйдет от нее к другой женщине или другому продюсеру. Она боялась... старости, собак, высоты, темноты, тесных пространств и толпы, в которой вынуждена была пребывать большую часть своего времени. Но больше всего она боялась опять оказаться с окладом три тысячи рублей в захолустном салоне красоты...

Об этих страхах знал только один человек — Игорь Григ, и это тоже стало одним из ее страхов.

Однажды ей пришла в голову блестящая мысль, как избавиться от всех страхов сразу да еще заработать на этом деньги. Но об этом чуть позже...

Понимая, что скоро придется жить без всемогущего Гнедулина, Инна купила себе дом. На Рублевке, разумеется, а где же еще может купить дом небедная женщина? Так что дом, в котором мы с вами сейчас находимся, принадлежит Инне Покровской! Об этом уютном гнездышке Покровская рассказала только Игорю Григу. Даже журналистам не удалось про него пронюхать. Инна и Григ приезжали сюда тайком, используя все предосторожности — грим, парики, нанятых водителей на недорогих машинах. О том, что звездная парочка два раза в неделю таскается в новые хоромы Покровской, знали только два человека. Горничная Лена и... Томас Ревазов, сбежавший из изолятора. Он выследил их!

Вот тут-то все и началось...

— Потрясающе! — воскликнул Борис. — Скажите, уважаемый детектив, все, что вы нам тут наплели, вы у кого под гипнозом выпытали? У мертвой Покровской?!

Андрейкин оскорблено вздернул разбитый нос и, свысока оглядев всех, сказал:

— Я с покойниками не разговариваю, но бывает, что покойники разговаривают со мной! Скажите, старший оперуполномоченный, вы вот это читали?! — Андрейкин выхватил из внутреннего кармана плаща толстый томик, обложка которого напоминала глянцевый журнал.

— Нет, — буркнул Борис. — Я такую, с позволения сказать, литературу не читаю. А что это? Детектив?!

— «Изнанка», — прочитал вслух Портнягин. — Инна Покровская.

— Помните, я сказал, что Инна придумала способ, как не только избавиться от своих страхов, но и заработать на этом? — Андрейкин вопросительно оглядел всех. — Так вот, она написала книгу, где рассказала о себе всю правду! Всю!!! Про брата уголовника, про то, как с его подачи она выскочила замуж, про то, что она наркоманка, что кроме маникюра она делать ничего не умеет, про свои титулы провинциальной «мисс красоты», про Гнедулина, который хочет запереть ее дома и заставить рожать детей, про то, что они с Григом любовники. Она написала про все свои страхи, сомнения и переживания. Это был смелый поступок. Вызывающий! Но, ко всему прочему, это был способ заработать хорошие деньги от тиражей. Разоблачив себя, Инна хотела вылечиться от наркотической зависимости и начать новую жизнь без старых страхов. Короче, коллега, ваше нелюбопытство к творчеству жертвы очень меня удивляет!

— А что, гениально! — воскликнул Титов. — Этим опусом Инка убивала сразу всех зайцев! После выхода книги она могла послать Ревазова куда подальше с его требованиями! Она обезоружила Гнедулина, Грига, журналистов, недругов и поклонников! После этой книги она стала еще более яркой звездой! Гениально!!

— Да-а-а... — протянул потрясенный Борис. — Умыли вы меня, однако, детектив Андрейкин, своими ненаучными методами. Умыли!! Может, позвольте мне рассказать о дальнейших событиях? Все-таки весь отдел на Петровке работал для установления истины.

— Рассказывайте, черт с вами, — поморщился Андрейкин. — Только если что наврете, не обессудьте, поправлю!

— Так вот, я без лирики изложу, — начал Борис. — Покровская действительно была наркоманкой со стажем. И не последнюю роль в этом сыграл Игорь Григ. Это он подсадил Инну на дорогой и редкий наркотик, который доставал для нее исключительно сам. Этим он добился того, что Покровская была у него на крючке. Скорее всего, Инна понимала это, но остановиться уже не могла. У Грига появился весьма сильный рычаг давления на Покровскую, чем он успешно пользовался. Под его давлением были пере-

писаны договоры, в которых доля его прибыли существенно возросла. Все права на песни и сценический образ Григ закрепил за собой. По новым договорам Инна могла рассчитывать только на агентские вознаграждения.

— Об этом тоже есть в книге, — буркнул под нос Андрейкин.

— Для этого нужно было всего лишь поднять последние договоры, — парировал Борис. — Но как бы не зверствовал Григ, пользуясь зависимостью Покровской, он понимал, что без Инны ему никуда! Пресса, связи на музыкальных каналах и на радио, победы в конкурсах, вес в тусовке — все это было заслугой Инны, без которой ему туго придется. А тут произошла страшная вещь: на одном из конкурсов молодых талантов Инна заметила талантливого парня и решила заключить с ним контракт. Парень был красив, обаятелен, по-настоящему талантлив, и Инна не могла упустить удачу. Вот тогда Григ действительно испугался. Как он ни пытался отговорить Инну, она твердо решила, что будет работать с новым талантом. И тогда Григ...

— Задумал ее убить!!! — не выдержав, заорал Андрейкин. — Сами подумайте — если убрать Покровскую, Григ еще продержится на сцене какое-то время, а если она раскрутит новый талант, Григ вылетит из ротации за очень короткий срок!!! Но появление новой звезды — не единственная причина, по которой Григ хотел убить своего продюсера. Он знал, что Покровская пишет книгу-исповедь, а это не сулило ему ничего хорошего. Сделав все свои тайны явными, Инна освобождалась не только от своих страхов, но и от зависимости от Грига. К тому же все узнают, что это он сделал ее наркоманкой, а такая «реклама» была ему ни к чему. Он всячески стал пытаться помешать выходу книги. Сначала уничтожил готовые файлы в компьютере. Но Покровская догадалась о его проделках и перекрыла Григу доступ к своему ноутбуку. Тогда Григ попытался не дать книге выйти в свет, подкупив некоторых сотрудников в издательстве. Заплатив им, он приказал уничтожить файлы, но и это не получилось. Несмотря ни на что, книга вышла.

Григ был в отчаянии. Он даже поругался с Покровской, назвав ее «предательницей» и «взбалмошной дурой».

— Это вам Григ под гипнозом сказал? — усмехнулся Борис.

— Да нет, просто в издательстве работают болтливые люди. Вы позволите, я продолжу?! Так вот. Из книги Григ узнал, что у Инны есть брат-уголовник, который пойдет на все, чтобы завладеть деньгами сестрицы, и начал его искать. Но Ревазов вдруг сам объявился!

— Да, — снова встрял Борис. — Старый уголовник и звезда шоу-бизнеса быстро нашли общий язык. Григ не только пообещал Ревазову заплатить за убийство сестры почти миллион долларов, но и посулил огромное наследство, на которое Томас сможет претендовать на правах брата. Ревазов с восторгом принял предложение Грига! Только своими руками уби-

вать сестру он не хотел и нанял парней из пашинской группировки. И как они должны были сделать это? — потряс Борис Ревазова за плечо.

— Да обычный налет на дом! — захохотал Томас, открывая глаза. — В элитных поселках такое на каждом углу, несмотря на охрану! Пацаны должны были изобразить ограбление, а по ходу дела застрелить хозяйку! Они запросили восемьсот тысяч долларов за заказ.

— Там, на презентации, — задумчиво продолжил Борис, — у Инны неожиданно испортилось настроение. Можно предположить, что этот резкий перепад настроения был вызван ломкой от нехватки наркотика.

— Можно предположить!!! — гомерически захохотал маг. — Да Покровскую буквально колбасило без таблеток! Это видели даже официанты! Григ в отместку за вышедшую книгу перестал снабжать Инну наркотиками, а лечь в больницу, чтобы избавиться от зависимости, она еще не успела. Покровская догадывалась, где и как ее любовник достает таблетки. Она выпросила у Грига телефон и с его номера позвонила своей парикмахерше. Это был условный знак, что срочно нужны таблетки, и за ними скоро придут. Ей нужно было поскорее удрать с презентации, поехать в парикмахерскую и получить дозу. Самой, без помощи Грига! Игорь прекрасно понял ее маневры, но промолчал. Он позвонил Ревазову и сообщил, что Инна одна, без охраны, выбежит сейчас на улицу и будет ловить машину. Томас приехал и караулил Инну возле клуба. Увидев его машину, Покровская, не задумываясь, села в нее. Скорее всего, она уже ничего не соображала. А тут еще Томас протянул ей заветные таблетки, которыми заранее снабдил его Григ! Она выпила их и забылась в долгом наркотическом сне...

— Ты привез ее в этот дом?! — перебил мага Борис и потряс Ревазова за плечо.

— Ну да, — кивнул Томас, — а куда же еще? Когда она нажралась таблеток, ей по фигу стало, куда ее везут. Я ей чуть больше дозу дал, чтобы ее легче кончать было. Довез я Инку до дома, в спальню занес, на кровать положил, и пацанам отзвонился, что все к налету готово. Они должны были через десять минут нагрянуть и покрошить все в стружку. Короче, начальник, — обратился он вдруг к Борису, — ты где-нибудь запиши, что я сам лично Инку пальцем не тронул!

— Вот, собственно и вся картина убийства, — развел руками Борис. — Пришли парни с автоматами и сделали свое черное дело.

— Минуточку!! — возмущенно заорал маг. — Но ведь у Покровской было перерезано горло! Неужели вы думаете, что бандиты, у которых в руках огнестрельное оружие, будут пачкать руки, орудуя ножом?!!

— А почему бы и нет? — пожал плечами Борис. — На то они и бандиты.

— А я вам скажу, что это неправда! Не может человек, держащий в руках автомат, схватиться за нож!

— Bravo!!! — вдруг раздался голос в дверях, и высоченный седой человек в длинном плаще широкими шагами прошел в гостиную. — Bravo! — захлопал он, обращаясь к Андрейкину. — Я все слышал, господа! Я все слышал, но устал стоять в прихожей. Вы позволите сесть?

Андрейкин быстро выдвинул стул, жестом приглашая гостя садиться.

— Здрасьте, Андрей Андреич, — почтительно привстал Клим, не спуская Нору с колен. — Какими судьбами? — задал он глупый вопрос.

— Это я позвонил Гнедулину и пригласил его приехать сюда, — скромно потупился маг. — В конце концов Андрея Андреевича это дело касается больше всех!

— В конце концов — да, — согласился Титов.

— Согласен, — зачем-то кивнул Левин.

— Господи, чтоб я еще раз, в такой неформальной обстановке... — схватился за голову Борис. — Ладно уж, присаживайтесь, Андрей Андреевич, — вздохнув, согласился он.

Гнедулин усмехнулся и сел.

В нем было, наверное, метра два роста, и самомнения тонны две.

Когда он занял за столом место, показалось, что в гостиной стало темно, тесно и душно.

— Так что вы там говорили про нож? — обратился Гнедулин к Андрейкину.

Глава четырнадцатая

ФИНИТА ЛЯ

— Поедем, красо-отка, ката-аться! Давно я тебя-я не вида-ал!

— Оп! Оп! Пляши, Верка, у тебя ноги здоровые!

— Дрянное шампанское! Газу много, а вкусу нет!

Пое-едем, кра-асотка... Ты думаешь, он придет?!

— Кто?

— Полковник Бурмак!

— Прибежит. Вон, видишь, как он потратился — цветы, шампанское, письмо. Если мужик тратит на тебя хоть копейку, он обязательно прибежит!

— Вообще-то, Верунь, мне Кобзон нравится.

— Ну-у, это ты не в те магазины ходишь. Кларка, пошли обратно в подпол, что-то мне наверху неуютно как-то. Бери букет, бутылку — и пошли!

— И мне тут неуютно. Света много, воздуха много и пространства как в космосе! Я чувствую себя пылинкой. Пошли в подzemелье, моя дорогая!

— Поедем, красо-отка, кататься! Клар, глянь в окно! Он идет! Сюда! Ой!
— Кто, Кобзон?!
— Бурмак, старая ты калоша! Где расческа? Где пудра?! Зеркало где?
— Зачем тебе зеркало, крокодилица?! Он ко мне идет!
— Ты Кобзона жди, а мне — зеркало, расческу и пудру!!!

Андрейкин весело оглядел всех и вдруг обратился к горничной:

— Сколько лет вы работаете в этом доме?

— Давно, — прошептала она. — Я работаю в этом доме давно!

— Ни фиги себе, — удивился Титов. — Это что же, Инка дом уже с прислугой купила?!

— На мою жену это не похоже, — громовым голосом произнес Гнедулин. — Она предпочитает сама нанимать людей, и очень капризна в отношении прислуги.

— Я сейчас все объясню, — поспешно вступил Андрейкин. — Лена осталась от прежних хозяев дома. А знаете почему? Это было условием продажи особняка. Его продали за сущие копейки, но с нагрузкой!

— Стойте! — выкрикнула вдруг Дуська. — Я, кажется, знаю, с какой!

— Да, у прежних хозяев дома имелась своя тайна. Их младший сын был очень болен. В его бедной голове не присутствовало ни капли разума, и родители скрывали сумасшедшего парня от посторонних глаз. Потом у них родились нормальные дети, но этот мальчик был как бельмо на глазу. Лечить его не имело смысла, поэтому родители решили не тратить на клинику. Они поселили сына в доме, отведя для него несколько комнат, в которые никому не было доступа, кроме его няньки. Нянька была единственным человеком, которого он любил и слушался. Больше с безумным ребенком никто не справлялся. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, родители решили уехать жить за границу. Везти с собой проклятие всей семьи, естественно, никто не захотел, и тогда они придумали странную, даже страшную вещь...

— Продать дом за копейки вместе с ненормальным сыном и его нянькой?! — выпучил глаза Борис.

— И как это вы догадались, товарищ старший оперуполномоченный?! Наверняка вы сообразили также, что нянька — это никто иная, как Лена?!

— Сообразил! — огрызнулся Борис.

— Так вот, дом продавался за сущие гроши, но с условием, что несколько комнат в нем будет занимать безумец со своей служанкой, и этого безумца некоторое время придется содержать. Дело в том, что врачи предрекали парню не очень долгую жизнь...

— Не верю, что моя жена могла пойти на такие условия, — покачал головой Гнедулин. — Она очень брезгливый человек и не смогла бы терпеть сумасшедшего в своем доме.

— Смогла! — воскликнул Андрейкин. — Ваша жена пошла на такие условия и смогла терпеть сумасшедшего в доме, потому что у нее возник гениальный план...

— Какой план? — подался вперед Гнедулин. — Какой у этой ведьмы был план?!

— А мы сейчас у Ревазова спросим, — усмехнулся Андрейкин. — Как расплатился с ним Григ за убийство любимого продюсера?!

— Никак, — буркнул Ревазов. — Это гад не дал мне денег!

— Это я расплатилась за убийство Покровской! — вскочив, закричала Дуська. — Мои деньги он отдал бандитам! Мои кровные восемьсот тысяч!!

— Заткнись, Дульсинея! — одернул ее Фил.

— Правильно, — удовлетворенно улыбнулся Андрейкин. — Игорь Григ не расплатился с Ревазовым, потому что свои деньги он платить не хотел, а к деньгам Покровской у него не было доступа. Он пообещал Ревазову огромное наследство, но...

— Но все сеструхины деньги оказались положены на имя Громова Ильи Антоновича! — заорал Ревазов и дернулся в наручниках так, что стол поехал. — На этого сумасшедшего! И дом на него оформлен! И все ее квартиры, машины, недвижимость за рубежом!!! Все! Никакого наследства, которое обещал мне этот драный Григ!! И Гнедулину фиг с маслом! — выкинул он вперед кукиш. — Инка сделала всех! Увела свои деньги у всех нахлебников и наследников из-под носа!! Дрянь мозговитая...

— Покровская обезопасила свое имущество, ведь впереди маячил развод и раздел всего нажитого в совместном браке добра, — объяснил маг. — Она оформила опеку над сумасшедшим Громовым, все свои сбережения складывала на его имя и недвижимость на него оформляла. Так что при разводе ее имущество осталось бы неделимым.

Гнедулин захохотал. Его гогот заставил звенеть оконные стекла и колыхаться портьеры на окнах.

— Ну, Инка! — давясь смехом, выдавил он. — Ну, стервозина!! Ой, все, больше никогда не женюсь! На шизика она все бабки записывала! Ой, не могу...

— Так вот, Инна решила свои проблемы, но не выполнила условия договора с хозяевами дома. Их больной сын не должен был ни в чем нуждаться, за ним должен был быть хороший уход, в его распоряжении должны были остаться несколько комнат. Но Покровская посадила парня в клетку, заточила в подвал, а из еды распорядилась давать только собачий корм.

Лену она заставила работать на себя, ухаживать за пленником та могла только в строго отведенное время. Лена любила сумасшедшего парня. Она вырастила его, лечила, ухаживала за ним, у них выработался свой язык жестов. Простите, Лена, я подслушал, как вы молились в церкви, рассказывая Богу самые сокровенные мысли. Как вы думаете, какие чувства могла испытывать к Покровской Лена?!

Все дружно уставились на служанку. Ее смуглая кожа налилась неестественной краснотой.

— Да! — с вызовом ответила Лена, не поднимая от пола глаз. — Я ненавидела ее, потому что несчастного мальчика нельзя было обижать, его и так Бог обидел. А она использовала его, засунув в темный подвал! Я любила его! У меня на всем белом свете только один близкий человек был, Илюша. Его никто не любил кроме меня, даже родители. Он... он мне был больше, чем сын, потому что полностью от меня зависел. — Из глаз женщины потекли слезы, она с ненавистью глянула на Гнедулина. — Эта гадина лишила нас общения! Она посадила его в клетку как зверя!!

— Когда Ревазов привез Инну в этот дом и в наркотическом опьянении положил на кровать, он позвонил бандитам и сообщил, что к налету все готово, — пристально посмотрел на Лену Андрейкин. — Что было дальше?

— Они ворвались в дом с автоматами, — прошептала она. — Меня ударили, связали, а сами побежали наверх... Их было человек пять.

— Кто вас развязал?

— Сама... Вертки были нетуго завязаны. Когда они ушли, я поднялась в спальню, а там...

— И вы не позвонили в полицию?! — продолжал допрашивать маг.

Лена замолчала. Она теребила край своего халата и по-прежнему смотрела в пол.

— Почему вы не позвонили в полицию? — повторил Андрейкин вопрос.

— Кремь тетка, — похвалил Клим служанку.

— Еще бы ей не быть кремнем, — тихо сказал маг. — Никому не хочется признаваться в убийстве.

— Это не я! — вскочила Лена. — Это не я!

— Вы, — спокойно проговорил Андрейкин. — Вы воспользовались беспомощностью хозяйки и тем, что она одна. Кухонный нож у вас всегда под рукой. От ненависти у вас помутился рассудок, и вы полоснули Инну по горлу. Бандиты приехали уже на готовый труп. Я думаю, их это очень повеселило. Пришли с автоматами, а клиент лежит с перерезанным горлом! Им оставалось только устроить погром в квартире и прихватить кое-какие драгоценности.

— Стойте! — Ревазов сделал попытку вскочить. — А за что же я им деньги отдал?!

— Я отдала! — буркнула Дуська.

— Заткнись! — шлепнул ее по коленке Фил.

— Расскажите, как все было на самом деле, — ласково обратился Борис к Лене. — Чистосердечное признание, как известно, облегчает участь.

— Рассказывай! — подбодрил служанку Клим. — Из тюрьмы выйдешь, я тебя к себе на работу возьму.

— Только без сумасшедшего! — пнула его под столом Нора.

— Да... — еле слышно прошептала Лена. — Я... ее... не хотела. Нож у меня в руке случайно оказался, я овощи резала, но мне показалось, что сработала кнопка вызова, и я поднялась наверх. Посмотрела на нее, сытую, красивую, богатую, пьяную и... не выдержала. Как по горлу полоснула, не помню. Она так издевалась надо мной и над Илюшенькой, так издевалась!... Крови море было. Я испугалась, убежала, а тут этот налет. Бандиты меня и не заметили сначала. Они разгромили все в комнатах, деньги и драгоценности взяли, потом в спальню поднялись и... ржать стали. Хотели Инну автоматной очередью прошить, но это было уже лишнее. Потом они меня на лестнице увидели... с окровавленным ножом. Опять заржали, приказали труп не трогать, белье не стирать. Я и не трогала... два дня. А потом...

— Потом за трупом приехал кто-то из бандитов, так? — прищурился маг.

— Так, — кивнула Лена. — Они тело забрали, я комнату прибрала, простыни отстирала. Больше не знаю ничего...

— Дело в том, что Ревазов, не рассчитавшийся с киллерами, начал от них бегать. Григ обещанных денег не дал, и ему нечем было расплачиваться с бандитами! Томас не так боялся федерального розыска, как парней с автоматами. Так, Ревазов?

— Так, — буркнул Томас. — Я нашел себе рыжую дуру и жил у нее, как у бога за пазухой. А потом она и нужную сумму мне подгробла, иначе бы меня грохнули.

— Тьфу! — плюнула Дуська в лицо Ревазову, снайперски попав ему в лоб.

Он мотнул головой, стряхивая плевок, и обратился к Андрейкину:

— Когда эта сучара рыжая в моей машине труп сеструхи нашла, я понял, что меня вычислили. Пацаны узнали, где я скрываюсь, и дали мне это понять, подсунув труп в багажник. Но я их уже не боялся. У меня были деньги.

— Я и Дуську из кладовки выпустила, потому что она Илюшеньку пожалела, — прошептала Лена.

— По-моему, надо сажать Грига, а не Лену, — высказала свое мнение Дина.

— Разберемся, — сухо сказал Борис.

— И кому теперь достанутся деньги Покровской? — с интересом спросила Нора. — Илья Громов ведь недееспособный!

Гнедулин вдруг встал, разогнувшись во весь свой двухметровый рост, и улыбнулся:

— Я с удовольствием стану новым опекуном господина Громова.— По моему, это будет справедливо. И еще, хочу напомнить вам, господа, что я обещал вознаграждение тому, кто найдет убийцу моей жены. Думаю, со мной все согласятся, что героем этого вечера стал...— Андрей Андреевич вопросительно посмотрел на мага.

Андрейкин пошел красными пятнами и попытался поправить галстук, которого не было.

— Андрейкин, — представился он Гнедулину. — Маг Федотович. Ой, то есть, Василий Маго... нет, Детектив Васильевич... Господи! — Он так низко поклонился, что ударился лбом о стол.

— Одурел от счастья, — прокомментировал ситуацию Клим.

— Мне, собственно, наплевать, как вас зовут, — сухо сказал Гнедулин, выходя из-за стола. — Вы мне свой номер счета давайте.

— Господи! — схватился за голову маг. — Я не помню ни одной цифры! Я не помню названия банка! Я даже не помню, есть ли у меня счет!! Я ничего не помню!!

— Позвоните мне завтра. — Гнедулин через весь стол бросил Андрейкину свою визитку. — Решим этот меркантильный вопрос, и, тяжело шагая, покинул гостиную.

Андрейкин схватился за сердце и плашмя рухнул на пол.

— Пять миллионов долларов, — прошептал он. — Что с ними делать?

— Вино пить в «Жаворонке»! — охотно подсказал Левин.

Никто и не подумал поднять Андрейкина. Никто и не подумал ему сочувствовать.

Он был одинок в своем большом человеческом счастье...

— Постойте, а как Покровская в ванной оказалась? — вдруг вспомнила Дина. — Почему в воде марганцовка и цветы были?!

— Это я вам потом объясню, — невесело пообещала Дуська. — Мы можем уйти? — обратилась она к Борису, но тот куда-то звонил и не ответил ей.

— Скажите, вам щеночек не нужен? — нагнулась над Андрейкиным Дина.

— Не знаю, — пробормотал маг. — А что с ним делать?

— Как что?! Кормить, гулять, любить. Вы теперь состоятельный человек и можете себе это позволить.

— Любить? Да, теперь я могу себе это позволить... А сколько он стоит?

— Нисколько. Я вам его подарю. От всей души!

— Спасибо, родная! Я отдарюсь! Тоже от всей души! Котенком, например.

— Боже, не надо, — отпрыгнула от него Дина.

— Люди!! — заорал маг, раскинув по паркету руки и ноги. — Как вы думаете, Гнедулин не врет, он точно отдаст мне деньги?! Все пять миллионов?!!

Никто не ответил ему.

Нора и Клим целовались на стуле. Фил зачем-то снял с Дуськи сапог и перематывал ей портянку, закусив губу от усердия. Феерический успех мага оставил старшего по подъезду равнодушным. Ревазов висел на стуле и, кажется, снова спал. Лена сидела, уронив голову на руки. Дина и Левин о чем-то шептались.

Переговорив по телефону, Борис подошел к Дине.

— Сейчас за ними приедут, — кивнул он на Лену и Томаса. — Я распорядился.

Левин громко фыркнул на слово «распорядился». Очевидно, в отместку за это Борис протянул Дине руку и, улыбнувшись, спросил:

— У нас сегодня тур аргентинского танго, ты не забыла?

Левин хотел подставить ему подножку, но не успел. Подхватив Дину, старший оперуполномоченный повел ее в страстном, ритмичном танце.

Андрейкин валялся у них под ногами, но они слаженно перепрыгивали через него.

Левин заскрипел зубами от злости.

— А скажите, старший оперуполномоченный, — заорал он, — откуда у вас такая дорогая машина? На зарплату купили?

— Не поверите, в казино выиграл! — не моргнув, ответил Борис.

— Не поверю, — пробормотал Левин. — Но не колоть же мне опера...

— Моего партнера, балда! — крикнула Дина, падая на руки Бориса и высоко задирая ногу.

— Боюсь, что с танцами вам придется завязать, — сказал Левин, вытирая о брюки вспотевшие руки.

— Почему?! — возмутился с пола Андрейкин. — Ты не представляешь, как они снизу смотрятся!

— Вставай!! — пнул мага ногой Лев. — Разлегся тут!

Прежде чем встать, Андрейкин схватил Бориса за ногу, тот споткнулся и чуть не упал, выпустив Дину.

— Это тебе от меня бонус, — подмигнул маг Левину. — Кстати, ты мне за расследование уже ничего не должен!

— Еще бы я тебе должен был, миллионер хренов! — возмутился Левин, прижимая Дину к себе.

— У нас теперь одна проблема осталась — отыскать наших мам, — вздохнула она.

— Я знаю, где они! — сказал вдруг Борис. — Мы запеленговали их мобильные телефоны, выяснив, в каком районе они примерно находятся. Так что остальное дело техники. Я могу отвезти вас к ним, но в обмен на одно обещание.

— Какое?! — хором заорали Дина и Лев.

— Ты должен пообещать мне, — обратился оперативник к Левину, — что разрешишь Дине два раза в неделю танцевать со мной.

— Х...хорошо, — выдавил из себя Левин. — Но только под моим приглядом!!

— Нет, ну сегодня точно не мой день, — развел руками Борис.

Когда Лёну и Томаса увезли в полицейском «газике», все расселись в огромном салоне «Навигатора».

Искать пропавших старушек пожелали и маг, и даже Филипп Филиппович. Впрочем, для последнего это было не столько любопытство, сколько нежелание расставаться с Дуськой.

— А вдруг ты свинтишь, Дульсиней? — подозрительно спросил Фил, присоединяясь к компании, которая ехала на «чисто семейные разборки», как выразился Борис.

Отъезжая от дома, они увидели несущиеся им навстречу пожарные машины.

— Оперативно, — похвалил Клим и приветственно посигналил брандмейстерам.

— Где здесь улица Изумрудный луг? — высунулся в окно один из них.

— Да плюньте вы на нее, — посоветовал Клим. — Там уже все сгорело.

В красной машине послышался гогот, она с готовностью развернулась и поехала в обратном направлении...

Борис ехал на «лексусе» впереди, показывая дорогу. В дачном поселке, куда он всех привез, оказалось очень темно. Мало того, что не горел ни один фонарь, так еще и луна, которой положено было светить в это позднее время суток, спряталась за плотными облаками.

Борис заплутался среди узких дорожек, между тесно настроенных домиков. Титов плелся за ним, тихо ругаясь под нос.

— А ты по окнам смотри, — посоветовал ему Фил. — Сейчас ведь не дачный сезон, значит, где свет горит, это и есть наш дом.

— Голова! — похвалил Фила Титов и сразу увидел домик, где в глубине комнаты теплился приглушенный свет. Он посигналил Борису, и тот затормозил у нужной калитки.

— Головы у нас миллионы долларов получают, — буркнул Портнягин, кивнув на Андрейкина, который спал, развалившись в удобном кожаном кресле. — А я так... за подъездом слежу.

— Придется Василия Федотовича в машине оставить, — сказал Левин, тщетно пытаясь разбудить Андрейкина.

— Придется! — Фил злорадно осмотрел мага, снял с него шляпу и поменял на Дуськину армейскую шапку. — Пусть хрючит, гусь лапчатый, шарлатан детективчатый!

...Калитка оказалась открыта.

— Мамина машина! — воскликнул Левин, указывая на черный «опель», который стоял во дворе.

Стараясь ступать неслышно, компания гуськом поднялась по скрипучей винтовой лестнице на второй этаж.

В комнате горела тусклая настольная лампа. За столом, плотно заставленном пустыми бутылками и закуской, сидели Вера Петровна, Клара Аркадьевна и какой-то бравый старик в военном мундире.

— Опаньки! — мутно глядя на Дину, сказала Вера Петровна, — Кто это к нам такой похожий на Динку пришел?! Да и Левка твой, Кларунь, кажется, подгрёбся.

— Мама... — в ужасе прошептала Дина. — Ты пьяна?!

— Я?! — возмутилась Вера Петровна. — Я только валокордин пью, да и то по праздникам...

— Вы кто? — Левин потряс военного за плечо.

— Полковник Кобзон, — отрапортовал военный, вскинув руку и попытавшись встать. Не удержав равновесие, он рухнул под стол и остался лежать, продолжая держать руку на отлете.

— Сына пришел, — улыбнулась Клара Аркадьевна, помахав перед глазами рукой, словно пытаясь прогнать видение.

— Господи, чем это они так нажрались? — удивился Левин.

— Шампанское, водка, водка, шампанское, шампанское, водка, — перебирая пустые бутылки, сообщил Клим.

— Сына, рыжиков хочешь? — спросила Клара Аркадьевна и шаловливо подмигнула Борису.

— Да-а, — протянул Борис. — Старое поколение жжет!!!

— Это кто здесь старое поколение? — Клара Аркадьевна подскочила и замахнулась костылем на Бориса. — Вы кто вообще тут такой?!

— Я старший оперуполномоченный уголовного розыска Борис Ровно, — с усмешкой представился Борис и показал удостоверение.

— Верка-а, за нами Ровны пришли, — упала на стул Клара Аркадьевна. — Пришли, Верка, в самый неподходящий момент! — Она всхлипнула и утерла лавашем слезы.

— Мама! — взмолился Левин, отбирая у нее лепешку и рассеянно засовывая ее в рот. — Мам, что у тебя с ногой?

— Оскольчатый перелом. Слушай, а, может, меня с переломом нельзя в тюрьму? — оживилась Клара Аркадьевна. — Все-таки возраст, то, се...

— В тюрьму?!! — вдруг заорала Вера Петровна. — На нары?!! Да с удовольствием!! Меня эта дача, по-русски говоря, за... долбала. Особенно рыжики. Слушайте, а что тут Люська делает? Ее тоже арестовали?! И вообще, кто все эти люди?!! Динка, скажи мне перед смертью, ты с Левкой спала?

— Мама, никто не собирается сажать тебя в тюрьму! У Бориса, моего партнера по танцам, даже наручников нет.

— Я как огурец, — зачем-то заверила всех Вера Петровна и чуть не упала со стула.

— Мы как огурцы, — поддержала ее Клара Аркадьевна и тепло обратилась к Борису:— Поднимите полковника, дорогой! Боюсь, это последний мачо в моей многострадальной жизни.

Титов с Борисом бережно усадили военного за стол. Не открывая глаз, тот прочувствованно сказал «мерси» и тут же заснул.

Все молча расселись вокруг стола.

— Мама, мы должны во всем разобраться, — строго сказала Дина.

— Доча, сначала скажи, ты с Левкой спала?!

— Мама!!

— Что мама?! Кларунь, ну-ка, плесни мне беленькой для сугреву!

Левин схватил единственную полную бутылку водки и спрятал ее за пазуху.

— Пьянству конец, — объявил он, ощущая, что правое веко начинает произвольно дергаться в тике.

— Придется на трезвую колотья, — вздохнула Вера Петровна. — Приступай, Кларунь!

— Все началось три года назад...

— Четыре!

— Ты хочешь сказать, что мне уже семьдесят? Нет, все началось три года назад!!! От скуки я стала ходить на дворянские собрания. Я, правда, имею к дворянскому роду не самое прямое отношение, но вот мой первый муж, папа Левы... Он принадлежал к древнейшему знатному роду. Я решила, а отчего бы мне не приобщиться к собраниям, ведь не на танцы же мне было ходить. Хотя... — она с интересом посмотрела на Ровно.

— Мама! — застонал Левин.

— Так вот, я стала шляться на эти глупые, скучные сборища, где каждый кичился своим происхождением.

— И я туда шляться стала, — вздохнула Вера Петровна. — Там мы и познакомились. Только в отличие от Кларки я — настоящая потомственная дворянка и принадлежу к старинному роду Аршинниковых.

— Короче, мы подружились, — перебила ее Левина. — И стали ходить не на пафосные сборища, а друг к другу в гости. Это было гораздо приятнее. Когда я первый раз пришла к Верке, то увидела у нее на стене точно такую же фотографию, которая много лет висит у меня.

— Ричарда? — подскочил Левин.

— Сядь, — приказала ему мать. — Все по порядку. Мы хохотали как бешеные, когда выяснили, что общего между человеком на этой фотографии и нами.

— Да уж, мы даже напились то ли с горя, то ли с радости, поняв, что нас связывает, — усмехнулась Вера Петровна. — Клара сказала мне, что на портрете родной брат ее беспутного мужа, который бросил ее беременной и укатил за границу в поисках счастья. Брата звали Иван Левин и, в отличие от сволочного муженька, который не проявлял интереса к сыну, он поддерживал Клару деньгами. А потом и он эмигрировал за границу. Сначала в Штаты, потом в Англию, а затем в Швейцарию. Как многие эмигранты, Иван Левин поменял имя и стал Ричардом Левиным. Клара была очень благодарна дядьке своего сына, который даже из-за границы высылал ей деньги и поддерживал связь. Она повесила его портрет на стену, как самого близкого и благородного человека.

— Да не поэтому! — возмутилась Клара Аркадьевна. — Просто он такой красавчик, что посмотреть приятно. И отчего бы мне за него замуж было не выскочить?!

— Да оттого, что Ричард до одури любил меня! — воскликнула Вера Петровна. — Мы познакомились с ним в санатории, куда меня отправили по профсоюзной путевке. Ричард, тогда еще Ванька, приехал туда вместо какого-то друга и маялся от безделья и скуки. Он не любил курорты. И тут встретил меня. У него, как сейчас говорят, крышу снесло! Это была любовь с первого взгляда! Озарение! Вспышка! А может, он просто купился на мою родовитую фамилию... На одном из свиданий Иван-Ричард рассказал мне, что существует древняя семейная легенда: если род Левиных объединится с родом Аршинниковых, в России настанет эра благоденствия. Но на протяжении сотен лет этого объединения не происходило — то в семьях рождались одни только мальчики, то, наоборот, только девочки, а потом и вообще случилась Октябрьская революция и дворянское происхождение нужно было скрывать как страшный грех.

Я тогда посмеялась над Ричардом, его любовью и странной легендой. Дело в том, что я уже была беременна Диной и без ума любила ее отца. — Вера Петровна нахмурилась и осуждающе посмотрела на Дину: — Твой папаша оказался подонком. Он бросил меня, не дождавшись рождения ребенка, и ни копейкой не помогал мне. Зато Ричард писал из эмиграции

такие теплые письма! Я так и не призналась ему, что живу без мужа и одна воспитываю ребенка. Но сколько раз я жалела, что ответила ему тогда отказом и не захотела объединить две знатные фамилии! Иногда мне в голову лезли очень глупые мысли: выйди я за Ричарда Левина, может, в России и не было бы дефолта! Или демократия наступила бы еще в семидесятых! Или... Бред, конечно, но иногда мне казалось, что все передряги в стране происходят из-за того, что я отказала Ваньке Левину, ставшему впоследствии Ричардом. Он выслал мне свою фотографию, и в порыве чувств я повесила ее на стену. Она много лет согревала мне сердце. Я знала, что этот человек меня любит, и старалась не думать о том, что, возможно, он любит лишь мою знатную фамилию. Наверное, на примере Ричарда у нас с Кларкой появились завышенные требования к мужикам, поэтому мы так и не вышли замуж... Ричард фантастически разбогател за все эти годы. Он женился, но рано остался вдовцом. Жена не смогла родить ему наследников, и это стало его бедой. Он постоянно звонил мне, поздравлял с праздниками, просил рассказать про дочку.

— И мне звонил, и меня просил рассказать про сына! — хвастливо вмешалась Клара Аркадьевна.

— Но где-то полгода назад Ричард пропал, — тихо продолжила Вера Петровна. — Он не отвечал на звонки, от него не было ни слуху ни духу. Он уже знал, что мы подружились с Кларой Аркадьевной, и очень этому радовался. Мы с Кларкой голову потеряли от беспокойства, но сделать ничего не могли, не ехать же было в Лозанну! И вдруг нас пригласили прийти в адвокатскую контору. Мы с Кларой Аркадьевной приехали, совершенно не подозревая, что нас там ждет.

— А там адвокат, нанятый адвокатом Ричарда, сообщил, что Ричард умер! — воскликнула Клара Аркадьевна. — Концы отдал в одночасье. Обширный инфаркт у него случился, что неудивительно в таком преклонном возрасте. Мы с Веркой всплакнули, договорились устроить поминки и хотели уйти, но холеный дядька в дорогом костюме вдруг начал зачитывать завещание Ричарда.

— Что? Дядюшка Ричард оставил мне свое состояние? — вдруг оживился Левин.

— Вряд ли. Красавчик Ричард наверняка отписал все свои денежки моей мамочке! — засмеялась Дина.

— Не угадали! — показала загипсованный палец Вера Петровна. — Не угадали!! Этот фанат красивой идеи по спасению России пообещал все свои миллионы той супружеской паре, в которой воссоединятся два великих российских рода — Левины и Аршинниковы! А состояние у Ричарда оказалось такое, что адвокат читал список до вечера. Там не только сотни

миллионов евро, но и ювелирные коллекции, картины, имения в разных странах... Короче, под конец списка Кларуна сознание потеряла, а я икать начала. Пришлось адвокату по конторе бегать и нашатырь искать. Такую вот цену решил заплатить Ричард за счастье великой Родины. Поэтому я тебя еще раз спрашиваю тебя, Дина, ты с Левкой спала?!

— Мама! — вскочила Дина. — Замолчи, я тебя умоляю!!

— Отпад! — прошептала Нора.

— Динка! — заорал Левин. — Из всей этой галиматьи я понял только одно: мы с тобой не брат и сестра! Ура!

— Ура, — неуверенно поддержала его Дина.

Левин сграбастал ее в охапку и, оторвав от пола, поцеловал.

— Из всей этой галиматьи я понял, что если вы, дурни, поженитесь, то станете баснословно богатыми и сможете предотвратить дефолт, — подал голос Клим.

— Ну, хоть один умный человек нашелся! — воскликнула Вера Петровна.

— Вы задумали поженить ваших детей! — догадался Борис. — Но почему-то действовали как-то уж очень витиевато. Чего стоило просто познакомиться их за чаепитием?

— Вы не знаете эту дубину Дину! — заорала Вера Петровна. — Она унюхала бы сводничество за версту и послала бы всех куда подальше вместе с миллионным наследством! Дворянская кровь!! Гордость родилась раньше нее!

— Вы не знаете моего Левку, — поддержала ее Клара Аркадьевна. — Он верит только в тонкие материи. Тоже дворянская кровь и тоже послал бы меня с вариантом выгодной женитьбы! Нет, тут нужно было действовать очень хитро и осторожно. Необходимо было создать чрезвычайные обстоятельства.

— И вы их устроили! — захохотал Титов. — Купили им одну на двоих квартиру!

— Сначала нужно было развести Дину, — задумчиво сказала Вера Петровна, рассматривая свой загипсованный палец.

— И отвадить от Левки эту английскую дуру, — поддержала ее Клара Аркадьевна.

— Мама! — в один голос закричали Дина и Левин.

— Это ты вызвала моему мужу проститутку, а потом позвонила мне? — выпучив глаза, спросила Дина.

— Я, — скромно призналась Вера Петровна. — Я думаю, это следовало бы сделать, даже если бы не было никакого завещания.

— Что ты сказала Клэр? — кинулся к матери Левин. — Ты звонила ей?!

— Да, — покраснев, кивнула Клара Аркадьевна. — Твоя девчонка отлично понимала по-русски. Я сказала ей, что в России у тебя остались жена и трое детей-даунов, которых ты должен содержать...

— Господи, — схватился за голову Левин. — Почему даунов?!

Клим с Норой звонко захохотали. Фил с Дуськой тоже весело хрюкнули, прикрыв рты руками.

— Ладно, давайте, рассказывайте про свою авантюру, — вздохнула Дина, усаживая Левина рядом с собой. — Если честно, то я совсем не жалею, что развелась со Стасом.

— А я рад, что дуреха Клэр повелась на маминых даунов! — рассмеялся Левин. — Господи, как хорошо, что наши мамы не рискнули познакомить нас за чашкой чая! — Лев уткнулся Дине в плечо. — У нас бы не было ни единого шанса!

— У нашей страны бы не было ни единого шанса! — поправил его Титов. — Левин, если ты не женишься на Дине, я тебя убью! Очередного дефолта я не переживу!

— Женюсь, — счастливо зажмурился Левин. — Ой, братцы, женюсь!

— Вы что, не хотите знать, как мы это счастье организовали? — надулась Вера Петровна.

— У нас была домработница Дуська, одна на двоих. Вот она, глазенками бесстыжими хлопает! — Вера Петровна указала своим загипсованным пальцем на Дуську. — Ни Дина, ни Левка ее не знали в лицо, потому что дома бывали редко. Когда стало понятно, что наших детей за чаепитием не поженить, мы решили, что без помощи Дуськи не обойтись. Она хоть и необразованная, но хитрая, пронырливая и наглая. Именно такие качества нам были нужны! Мы пообещали платить Дуське приличные деньги и посвятили ее в свои планы. Зная, что для вас первоначальной проблемой является покупка квартиры в хорошем районе, мы зарегистрировали агентство недвижимости «Юпитер», оформив его на Егодину. Потом, как бы невзначай, посоветовали вам воспользоваться его услугами. К нашему удивлению вы послушались, хотя оба терпеть не могли наши советы. Пользуясь париками и гримом, Дуське предстояло втюхать вам одну и ту же квартиру. Все прошло как по маслу. Мошенничества в этом не было ни на грамм, потому что эту квартиру мы купили заранее вскладчину, а ваши деньги пошли на счет родных мамочек, и мы, конечно, собирались вернуть их вам! Прописывая вас в одной и той же квартире, мы уговорили паспортных тетешек никому не выдавать тайну. Наплели им такую слезливую историю о рассорившихся влюбленных, которых нужно помирить, насильно поселив на одной жилплощади, что они рыдали в голос! Короче, паспортистки

согласились помочь, с удовольствием приняли маленькое вознаграждение и молчали как партизаны, когда их расспрашивали о прописке двух разных покупателей на одной жилплощади. То же самое мы проделали в полиции и прокуратуре. Наверное, нас приняли за сумасшедших старух, но, во всяком случае, на все ваши заявления о мошенничестве не реагировали, зная, что ситуация вот-вот разрешится любовью и миром. Везде работают люди! И с ними можно договориться.

В общем, так вы оказались под одной крышей. Теперь предстояло самое трудное. Нужно было, чтобы между вами проскочила та самая пресловутая «искра», от которой вспыхивают любовные отношения. Зная характерец Дины, я понимала, что это непросто. Чтобы создать вам из ряда вон выходящие условия жизни, чтобы стимулировать эту «искру», мы... сняли квартиру этажом выше.

— И поселили там Дуську?! — прищурилась Дина.

— Да. Дуська должна была исполнять роль привидения. У нее был ключ от вашей квартиры и неутоленное желание таскать все, что плохо лежит. Ночью, когда вы спали, или днем, когда никого не было, Дуська проникала в квартиру и тешила свои воровские наклонности. Ведь ничто так не сплачивает незнакомых жильцов, как тайны, загадки и всякие потусторонние штуки! Честно говоря, мы думали, что вы от страха в первую же ночь прыгните друг другу в постель...

— Да-а-а, — протянул Левин. — Ну, вы, мамыши, даете! Так это Дуська воровала продукты, косметику и туалетную бумагу?!

— Она, — кивнула Вера Петровна. — До поры до времени она честно исполняла свои обязанности, за которые мы ей платили.

— И ирисы ты своровала? — удивленно уставился Левин на Дуську.

— Я, — потупилась Дуська. — Они мне понравились. Только я вазу случайно кокнула и палец порезала. В воду кровь попала. Я сначала ее вылить хотела, но потом подумала, что так даже лучше — цветы пропали, а в воде кровь.

— И газеты под дверь ты жгла? И потоп организовала?!

— Я! Для вашего большого обеспеченного счастья! — выкрикнула Евдокия.

— А храп? — поразилась Дина. — Ты же не могла почти каждую ночь храпеть в нашей квартире!

— Я вообще не храплю, — насупилась Дуська.

— Признавайся, Дульсинея, чем ты храпела? — строго спросил Фил, и, поймав маленькую Дуськину ладошку, крепко ее сжал.

— Специальным устройством, — призналась она. — Его в магазине приколов продают. Я игрушку в вашей квартире припрятала, а ночью с дис-

танционного пульта запускала, чтобы вам утром было о чем поговорить на кухне. Для вас же старалась! Кто бы мою личную жизнь так устраивал, — проворчала она.

— В общем, все шло по плану, только вы все никак не хотели друг в друга влюбляться и подавать заявление в загс, — вздохнула Вера Петровна. — А тут еще эта дрянь рыжая вздумала нас шантажировать! Пообещала все рассказать вам о наших проделках, если мы не заплатим ей восемьсот тысяч долларов!! Пришлось отдать ей половину суммы, которую вы оба перечислили на наш счет за покупку квартиры...

— Я отдам... — прошептала Дуська. — Я все до копейки отдам.

— Не дрейфь, Дульсинея, — подбодрил ее Фил. — Я скоро вахтером устроюсь, мы эти доллары вмиг наскребем!

— Ой, да не нужно, — отмахнулась Вера Петровна. — Если Динка и Лев поженятся, нам эти копейки на фиг не нужны!! В общем, Дуська из разряда наших союзников переключалась в стан врагов. Но надо отдать ей должное, получив от нас деньги, она не только не рассказала о наших авантюрах, но и захотела помочь довести дело до конца. Ведь вы же все никак не влюблялись друг в друга! Потусторонние силы вас не зажгли! На этот случай у нас был припасен вариант «В».

— Это еще что? — простонал Левин.

— Труп!! Ведь ничто так не объединяет, как расследование преступления! Это Кларка придумала, она детективы тоннами глотает.

— Постойте, вы что, хотели кого-то убить и заставить нас расследовать это дело?! — спросила Дина, с опаской посмотрев на Бориса.

— Да нет, — вздохнула Вера Петровна. — Труп должна была изображать Дуська. Чтобы вытащить вас наверх, в снятую квартиру, она должна была устроить потоп, сама лечь в ванну, прикинувшись мертвой, а для зловещего антуражу закрасить воду марганцовкой — типа она себе вены вскрыла. Вы бы перепугались, побежали полицию вызывать, а Дуська за это время исчезла бы... Полиция приезжает, а трупа нет! Что вам остается делать? Самим расследовать, куда сбежал труп. И уж тогда между вами точно вспыхнула бы любовь! А теперь представляете наш шок, когда утром из газет мы узнали, что в снятой нами квартире нашли зарезанную Инну Покровскую!

— Это я придумала вместо себя ее в ванну положить, — прошептала Дуська. — Я подумала, что настоящий труп лучше! Я же не знала тогда, что это звезда... Я музыкой современной не увлекаюсь и звезд всех в лицо не знаю. Мне потом Алекс сказал, кто она, но было уже поздно.

— Короче, мы с Кларкой решили уйти в бега, пока настоящего убийцу не найдут. Попробуй, докажи нашу непричастность к этому делу! Вот так мы и оказались здесь.

— Убийца Покровской найден, вы можете больше не прятаться, — усмехнулся Борис и добавил:— Нет, такого смешного дела у меня отродясь не было!

— Ура, Верка, нам можно катапультироваться с этой черовой дачи! — отчего-то нерадостно воскликнула Клара Аркадьевна.

— Жалко, что это приключение так быстро закончилось, — с сожалением вздохнула Вера Петровна. — Но как я рада, что Динка с Левкой все же поженятся! Будет в старости на кого опереться, куда съездить и у кого денег поклянчить!

— Черт знает что! — вскочил Левин со стула и заходил, меряя шагами небольшую, полутемную комнату. — Вроде бы приличные, образованные женщины, а мозгов... — Открыв рот, он постучал себя по макушке. Звук получился как от пустой кастрюли.

— Если бы не наши мозги, Левчик, сидел бы ты сейчас в своей сраной Англии, со своей недоделанной Клэр! — оскорблено встрепенулась Клара Аркадьевна.

— А ведь действительно сидел бы! — захохотал Левин. — В сраной Англии, с недоделанной Клэр! И даже не понимал бы, что очень несчастен!

— И был бы беден, как клерк! — уточнил Титов.

— Деньги не главное, — обнял Левин Дину. — Мне наплевать, из какого она рода!

— Я же говорила, что он мыслит исключительно тонкими материями! — фыркнула Клара Аркадьевна. — Если бы не наши хитроумные комбинации...

— Слушайте, — перебила ее Дина. — А кто нас запер тогда в квартире? Из-за кого мы на балконе сорок минут сидели?

— Я запер, — признался Фил. — Слышу, канитель за соседской дверью творится, ну, думаю, воры! Решил бревном дверь запереть и в полицию всю гоп-компанию сдать. А тут ваши друзья дверь открыли, в квартиру зашли, а там... Растерялся я малость. Сделал вид, что ничего не видел, не слышал.

— Ладно, — сказал Клим, — все при принцах и при принцессах, может, вернемся в цивилизацию? А то у меня на дачах рефлекс — тяпки ломать.

— Я вам голову отверну, молодой человек, если вы мне тяпку сломаете, — погрозила Вера Петровна загипсованным пальцем.

— А если мы это... того... отсюда в цивилизацию съедем... Полковника моего прихватим?! — робко попросила Клара Аркадьевна. — Боюсь, это последний мачо в моей многострадальной жизни.

— Ох, чует мое сердце, что не последний! — вздохнул Левин, вынимая из пальцев военной потухшую сигарету. — Эй, Кобзон, вы меня слышите? Видите? Осязаете? — Левин пальцем поводил у полковника перед носом.

— Я вообще-то не пью, — не открывая глаз, сообщил полковник. — Не пью, не курю, не...

— Тсс! — предотвратил Левин его излишние откровения. — Пусть это останется вашей маленькой тайной, полковник!

Дуська постелила себе на диване, а Филу на раскладушке.

— До свадьбы ни-ни, — строго сказала она, гася свет и в темноте стягивая одежду.

Фил вздохнул, разделся и лег на продавленную раскладушку.

Минут пять он пялился в потолок.

Сон не шел, хоть убей...

На диване послышались всхлипы.

— Ду-усь! — позвал Фил. — Ты чего реवेशь? Ведь все хорошо закончилось!

— Мы два неудачника, Фил!

— Удачника! — горячо возразил Фил.

— Две некондиции!

— Кондиции!

— Даже пять миллионов достались не нам!

— А вот это ты брось. — Фил сел на раскладушке. — Вот скажи, Дульсинея, на что нам пять миллионов? Что с ними делать? Дом на Рублевке купить? Зачем? Мороки не оберешься! Они, дома-то эти, особого ухода требуют! Снег зимой с крыши скинь, газон летом подстриги, крыльцо отремонтируй! Крыльцо всегда самое слабое место во всех домах, его всегда ремонтировать надо... А еще птицы сверху гадят. Для них, птиц, Рублевка, — не Рублевка, етитская сила, они летают и срут на дома за пять миллионов долларов! Тебе это надо?! Нет уж, мы лучше в квартирке, с комфортом, радостно заживем. Я на работу устроюсь. Вахтером, или дворником, или начальником смены. А ты... ты дома можешь сидеть, чистоту наводить и пироги с абрикосами печь.

Дуська перестала всхлипывать и вдруг рассмеялась.

— А на рыбалку мы будем ездить?

— Етитская сила! — треснул себя по лбу Портнягин. — «Урал»-то на Рублевке остался! Как ты думаешь, не сопрут его богатеи?

— Не сопрут, — заверила Дуська. — Кому там нужен «Урал»?

— «Урал» всем нужен, — обиделся Фил. — У него же коляска!

Они еще помолчали.

— Ду-усь! — позвал Фил.

— Ну чего?

— А может... до свадьбы, того... породнимся? Что свадьба? Формальность. Иди ко мне! У меня тут уютно продавлено. Ду-у-усь...

— Ага! Счас! Еще я на раскладушке не роднилась! Давай ко мне на диван, тут выемочка есть, как раз под тебя.

— Дуська! Ура! И на хрена нам пять миллионов?! — Фил в длинном прыжке полетел на диван, но не долетел, с грохотом упав на пол. — Етитская сила, — потер он ушибленный затылок, — и кто сказал, что я неудачник?

Дуська захохотала. Фил тоже захохотал, держась за живот.

Соседи возмущенно заколотили в стенку старшего по подъезду, ведь было уже три часа ночи...

Дина стремительно прошлась по квартире, внимательно осматривая комнаты.

— Господи, всего каких-то пятьдесят восемь квадратов! И зачем теперь эта квартира, если у нас есть замок в Шотландии? — вздохнула она и обернулась к Левину, который ходил за ней по пятам.

— Не знаю, — с тупым выражением лица ответил Левин и почесал Пантагрюэля за ухом.

— Хорошо, раковину не успели поставить, — пробормотала Дина, заходя в ванную. — Вся эта дешевая сантехника никуда не годится. А метро? Левин, зачем мы переплачивали за близость к метро?!

— Не знаю, — тупо повторил Левин.

— Ужас! — покачала головой Дина, рассматривая разводы на потолке. — Три с половиной метра! Халупа... Ты не знаешь, какие потолки в замках?

— Не знаю, — пожал Левин плечами. — Я никогда не ходил в замки с рулеткой.

— Эх, ты! Недальновидность — твой основной недостаток. А помнишь, как ты первый раз сюда пришел?

— Помню. — Левин сел на пол и обнял собаку. На его лице блуждала улыбка.

— Ты принял меня за проститутку, которую нанял Титов!

— Ты была в красной комбинации и с косой в зубах. Что я мог подумать?!

— Например, что это твоя судьба.

— Когда ты в следующий раз возьмешь в зубы косу, я обязательно так подумаю.

— Тьфу! Ты у Титова научился так разговаривать?

— Да нет, это я в Москве научился так разговаривать. Тут без здорового русского стеба не проживешь. Ты, кстати, тоже в этом весьма преуспела.

Дина развернулась и пошла на кухню. Вытерла стол, поставила чайник и начала мыть посуду.

Левин с собакой поплелись за ней.

— Между прочим, ты так и не сделал мне предложения, — не оборачиваясь, сказала она.

— Ой! — ужаснулся Левин. — А как его делают?

— Ты что, никогда не был женат?

— Был. В студенчестве, две недели.

— Так, может, и дети у тебя есть?!

— Нет. Кажется... Во всяком случае, алиментов с меня никто не требует.

— Уже хорошо. Так как, Левин, будем спасать Россию?

— От чего?

— Ее всегда найдется от чего спасти! — возмутилась Дина и резко повернулась к нему. — Всегда!

Левин встал на левое колено. Подумав, сменил его на правое. Снял очки, подышал на них и надел на нос.

— Дорогая! — тихо сказал он. — Предлагаю тебе устроить счастье в отдельно взятой стране.

— Согласна, — кивнула Дина, поцеловав Левина в нос. — Почему бы и нет?!

ГОД СПУСТЯ, ВОСЬМОЕ МАРТА

Квартирки были в Париже, Милане, Амстердаме, Барселоне и Лондоне. В сущности, они могли быть везде, где душа пожелает.

Но только та, что была на Арбате, грела душу и заставляла замирать сердце от приятных воспоминаний.

Пятьдесят восемь квадратных метров, с разводами на потолке и без раковины в ванной! Это было лучшее место в мире.

Все праздники они праздновали здесь, а в особенности Восьмое марта.

— Вы звоните по объявлению? — плясал от нетерпения у телефона Левин. — Да, я отдаю щеночка. Да, совершенно бесплатно. Возраст одиннадцать месяцев. Почему не щенок?! Очень даже щенок. Он — девочка. То есть, мальчик. Извините, я в этом вопросе не очень... Порода? Хорошая порода, «бетховен» называется. Ничего я не выдумываю. Ну, и идите вы... На халяву им чемпионов подавай! — Левин швырнул трубку и закричал в сторону кухни:— Дина! Кажется, Гаргантюа остается жить с нами! Все требуют точный пол, родословную и маленький возраст!

— Ну и пусть остается, — Дина зашла в комнату с большим блюдом, на котором дымился плов. Она накрывала праздничный стол. На ней было длинное платье и туфли на каблуках. Длинные волосы уложены в высокую прическу. — Пусть остается, — повторила она, и, поставив блюдо на стол, почесала за ухом огромное лохматое существо, очень похожее на чудовище из «Аленького цветочка». Чудовище лежало кверху лапами на диване и заинтересованно косило на стол.

— Пусечка! — нежно позвала его Дина и сунула в зубастую пасть кусок мяса из плова.

— Опять нам с двумя пусечками через границы летать, — вздохнул Левин, усаживаясь за праздничный стол.

— Хорошо, что не с восьмерыми, — засмеялась Дина, садясь рядом с ним.

— Нора! Клим! — заорал Лев. — Ну где они там?

— В туалете руки моют, — усмехнувшись, пояснила Дина. — А вот Андрейкин что-то опаздывает.

— Кто опаздывает?! — завопил маг, словно из-под земли возникнув на пороге комнаты.

В руках у него был огромный торт в прозрачной коробке и букет тюльпанов, который разместился бы только в ведре. Из кармана у мага торчала неизменная бутылка вина.

— Весна! — заорал Андрейкин, швыряя букет на собаку и бухнув торт на середину стола. — Весна, все маги торжествуют! Хорошо-то как!! Все женщины сегодня особенные красавицы!! Все мужики — рыцари!

— Садись, — смеясь, пригласил его Левин к столу. — Рассказывай, как поживаешь на халявные денежки.

Андрейкин снял плащ, достал из кармана бутылку и уселся за стол.

— Машину поменял, — начал он загибать пальцы, — квартиру купил, дачу за каким-то хреном тоже купил, родословную своему щенку приобрел, магическую контору с детективным уклоном открыл, и... почти женился.

— Почти — это как? — заинтересовалась Дина.

— Это так, что Пэрис Хилтон пока не ответила «да», но и «нет» не сказала!

Дина с Левиным захохотали.

Пришел Пантагрюэль, и они с Гагрантюа вяло полаяли на Андрейкина.

— Чего вы смеетесь и лаете? — обиделся маг. — Не все же вам одним выгодно жениться!

Он накидал в тарелку салатиков, положил плов, и, жадно набив себе рот, поинтересовался:

— А где ваши веселые мамочки?

— На курортах, — вздохнула Дина. — Путешествуют по всему миру, попутно пытаясь вылечить полковника Бурмака от какой-то неизвестной науке болезни. Я даже точно не знаю, где они сейчас.

— Вчера были на Гоа, — уточнил Левин, разливая шампанское по фужерам.

— Отлично устроились, — одобрил маг. — Кстати, могу вам сообщить, что Грига все-таки посадили! Дали тринадцать лет, и это еще по-божески. Ревазов и Лена тоже мотают срок. А Гнедулин ... Ребята, вы не поверите, но Гнедулин взял, да начал раскручивать того парня, с которым хотела работать Покровская. Парень зазвездил с такой силой, что Гнедулин не успевает стричь бабки! Кстати, он, как и обещал, стал опекуном сумасшедшего Громова и теперь спокойно распоряжается деньгами своей покойной жены. Правда, надо отдать ему должное, Андрей Андреевич оказался порядочней Инны. Громову он выделил целый дом, нанял ему охрану, штат врачей и прислуги. Так что Илья теперь как сыр в масле катается. А как Филипп Филиппович поживает?

— Устроил такую свадьбу, что соседи пять раз Каюкина вызывали, — засмеялась Дина. — Он у нас щенка одного забрал, так они с Дуськой вместе его гуляют, потому что поодиночке удержать не могут. Кажется, Дуська ждет ребенка, но это непроверенные сведения.

— Титов! Нора!! — заорал Левин, стукнув кулаком по столу. Пузырьки в шампанском улетучивались, не оставляя времени для разговоров.

— Они руки в туалете моют! — со смыслом повторила Дина, укоризненно посмотрев на Левина.

— Там раковины нет! — возмутился Левин, не поняв намека.

— Да не нужна им раковина! — прямым текстом объяснила ему Дина. — Не нуж-на!

— Кто у Норы родился? — поинтересовался маг.

— Дашка, — сказала Дина.

— Наташка, — ответил Левин.

— Так Дашка или Наташка? — не понял Андрейкин.

— Обе, — махнула рукой Дина. — С внучками Норины родители нянчатся, а они с Титовым, вон, руки с утра до вечера моют.

— А-а-а-а! — уважительно протянул маг. — А вы, как, над наследниками работаете? Я, помнится, вам беременность напророчил.

— Мы над всем работаем, — засмеялся Левин. — Динка издательство свое организовала, я докторскую от скуки защитил и теперь думаю, куда с этим добром податься. Деньги, это такая добука, — страдальчески поморщился он.

Из ванной вынырнули Нора и Клим. Заговорщицки переглядываясь, они сели за стол.

— Левин! — хватая бокал с шампанским, весело сказал Клим. — Шутки шутками, а дефолта-то нет! У меня бизнес как на дрожжах прет! Норка бассейнами заведует, у нее персонал самый отстроенный. Так что спасибо вам, ребята, за стабильность в стране! Если б не вы....

В дверь пронзительно позвонили. Левин с бокалом в руке пошел открывать.

— Дефолта-то нет! — громовым голосом орал в комнате Клим. — Легенда сработала!

На пороге стояла толпа полуодетых девиц. Внешний вид их мог соответствовать только одному роду занятий.

— Эй, маньяки, кто стриптиз вызывал?! — крикнул Левин.

— Я! — отозвался Андрейкин. — Я девчонок позвал, а то пока Пэрис Хилтон согласится, я забуду конфигурации женского тела!

— Идите отсюда, — Левин протянул деньги девчонкам. — Нам тут и без стриптиза нормально.

Девчонки схватили доллары, и, застучав каблуками, побежали по лестнице.

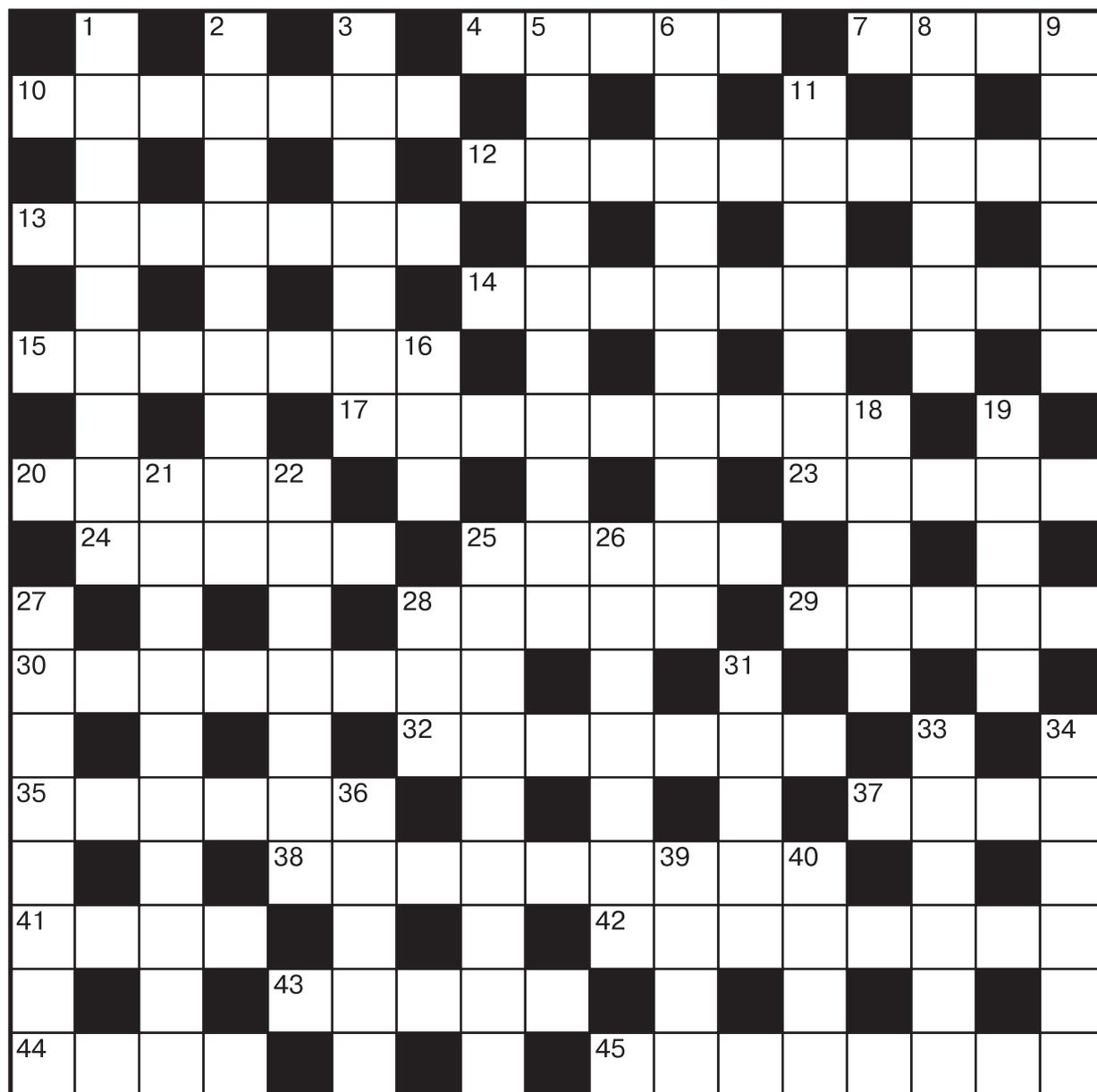
— Выгнал? — расстроено спросил маг вернувшегося к столу Левина.

— А зачем нам чужие бабы? — искренне удивился Левин, поднимая бокал. — Пэрис впуск, и Хилтон впуск, а этих дур выгнал. С тебя тост, Василий Федотович! Короткий, но умный.

Андрейкин встал, внимательно оглядел всех и тоже поднял бокал.

— Любите друг друга, — тихо сказал маг. — Все остальное не имеет значения... □

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Бремя пассажира». **7.** Что лишает прогулку под дождем всякой романтики? **10.** «Гарантийный взнос» покупателя. **12.** От чего умерла первая жена Ивана Грозного? **13.** «Обходной листок». **14.** Подготовка шпионского послания к отправке адресату. **15.** Окровавленное блюдо перед

пушкинским Евгением Онегиным. **17.** Компьютерный мозг. **20.** Кто создал первую практически пригодную печатную машину? **23.** Отступные в казну. **24.** Хата в ауле. **25.** Лимонад, «крадущий градус» у джина. **28.** Какой металл уступает только вольфраму по температуре плавления? **29.** Рахманиновская цыганщина.

30. «Когда падают чужие головы, не бросай свою на ... судьбы». **32.** На какой горе обитали музы? **35.** Строй «от большего к меньшему». **37.** Кто в Ватикане за старшего? **38.** В каком здании Вашингтона, согласно слухам, обитают тринадцать привидений? **41.** Что визажист на веки накладывает? **42.** Материал для покрытия беговых дорожек. **43.** Где церковные иерархи заседают? **44.** Какого из своих сыновей больше всего ненавидел Зевс? **45.** Графин, куда наливают вино, прежде чем разлить его по бокалам.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Огранщик мрамора. **42.** Концерт «веселых и находчивых». **3.** Лейбл на документах. **5.** Цирковая показуха. **6.** Крупнейший полуостров в мире. **8.** Зажигалка старого образца. **9.** Какой танец исполняет Карамельная трость из балета «Щелкунчик»? **11.** Первый киевский митрополит из русских.

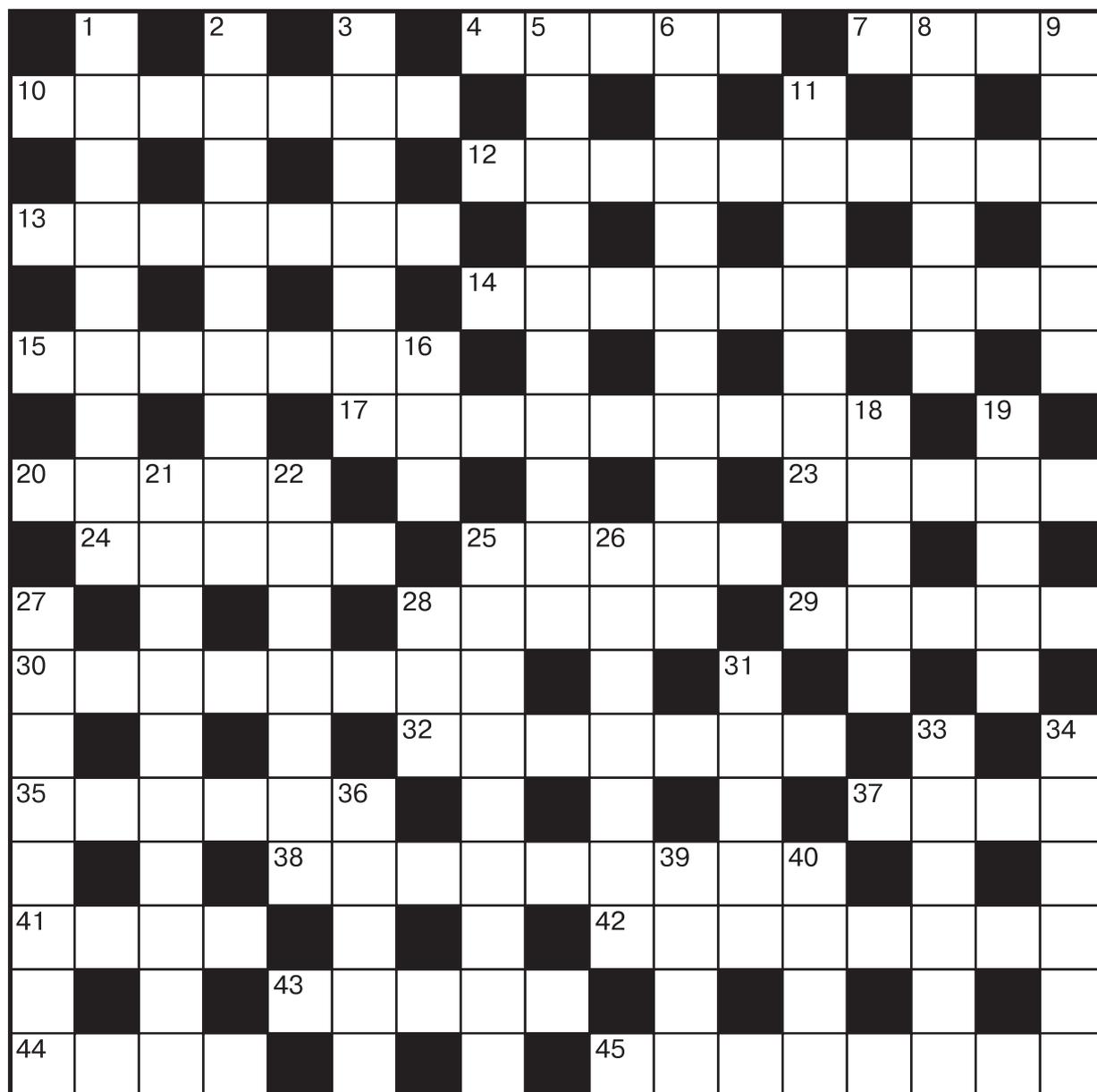
16. Ломтики картошки из фастфуда. **18.** Французский классик, чей культовый роман окрестили «энциклопедией смеха». **19.** Оберег из блокбастера «Голодные игры». **21.** Жидкая жуть. **22.** Окулист в простецком разговоре. **25.** Чье общество каждый двадцатый американец предпочитает общению с женой? **26.** Ляпис-Трубецкой из «Двенадцати стульев». **27.** Какое произведение легло в основу фильма Яна Фрида «Летучая мышь»? **28.** Оружие быка. **31.** Какой шут носил юного принца Гамлета на плечах? **33.** Кто сочинил слова к революционной песне «Замучен тяжелой неволей»? **34.** Какого великого композитора Фридрих Ницше считал «не человеком, а болезнью»? **36.** Какой металл рождается от многоступенчатого распада урана? **39.** «Ренуар изображал то, что видел. Я изображаю то, что понял» (классик французской живописи). **40.** Гранд-мастер Ордена джедаев.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Алиби. **9.** Хоботок. **11.** Рояль. **12.** Галстук. **14.** Витте. **15.** Кукушка. **16.** Налив. **18.** Тоник. **20.** Генетик. **23.** Каток. **25.** Кафе. **28.** Варенье. **29.** Урожай. **30.** Пуля. **32.** Вальс. **33.** Бараш. **34.** Интриган. **36.** Балаганов. **38.** Вестник. **39.** Сахар. **40.** Сумоист. **41.** Криль. **42.** Дартс. **43.** Виртуоз. **44.** Манга.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Собинов. **2.** Постник. **3.** Дог. **5.** Люстиг. **6.** Блук. **7.** Поручик. **8.** Алеко. **10.** Качалов. **13.** Куренье. **17.** Весельчак. **19.** Карабинер. **21.** Капур. **22.** Беляш. **24.** Калан. **26.** Жулик. **27.** Кофта. **30.** Паваротти. **31.** Ладожское. **32.** Валторна. **35.** Лазурит. **36.** Биолог. **37.** Баран. **38.** Ватто.

ЭРУДИТ



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Тропические бобы для аромата десертов. **7.** Ужас мрака с мифическим подтекстом. **10.** Какую историческую область поделили между собой Нидерланды, Бельгия и Германия? **12.** Упряжная лошадь из Германии. **13.** Имение «папаши Гранде» в романе Оноре де Бальзака.

14. «Публичная женщина» в Древней Греции. **15.** Какая рыба, выскакивая за мошкаррой, становится добычей чаек? **17.** Помощник Шивы. **20.** Кто из наших легендарных вратарей прослыл «простодушным Тигром»? **23.** Толмач при библейском Моисее. **24.** Кто держит пансион для благородных девиц

из комедии «За двумя зайцами»? **25.** Тот самый Барабек, чей аппетит феноменален. **28.** Какая певица воплотила образы Маты Хари, матери Терезы и Коко Шанель? **29.** Хоровод из Южной Африки. **30.** Сторонник дискриминации. **32.** Окаменевшая черепаха. **35.** Что рыцарь Галахад предъявил в качестве документов героине рассказа Нила Геймана «Галантность»? **37.** Кремовый боб. **38.** Французская ткань китайского происхождения. **41.** «Фригийский раб» из пушкинских стихов. **42.** Самый большой в мире зеркальный ... установлен на Гавайских островах. **43.** Суррогат сливочного масла. **44.** Кормилица Диониса. **45.** Немецкий скоморох.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Американская чемпионка ОИ, выигравшая после 55 чемпионатов по гольфу. **2.** Чье имя носит священное масло великих волхвов? **3.** Крупа из яровой пшеницы. **5.** Создатель сорта растения.

6. Генератор идей. **8.** Овощной салат у малайцев. **9.** «Жизнь в могиле» из Ислама. **11.** Где великий Микеланджело взял мрамор для создания своей «Мадонны Медичи»? **16.** Французский придворный фрак. **18.** Малыш у Андрея Белянина. **19.** Остроумная шутка из старинных времен. **21.** «Кинжал милосердия». **22.** Прозвище святого старца, слывающего чуть ли не главным прототипом былинного богатыря Ильи Муромца. **25.** «Вождь якобинцев». **26.** Как назывался самый первый штык? **27.** Футбольный мяч в глазах геометра. **28.** Армейское подразделение у древних греков. **31.** «Клубничное дерево». **33.** Чемпион среди феноменов. **34.** Какой остров занесен в Книгу рекордов Гиннеса как местность с самой стабильной круглогодичной и суточной температурой в мире? **36.** Скотч у маляров. **39.** Норгей Тенцинг по национальности. **40.** Английская мера длины.

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Хунта. **9.** Грандам. **11.** Устин. **12.** Керамик. **14.** Талия. **15.** Сабуров. **16.** Сосуд. **18.** Кидок. **20.** Сиртуин. **23.** Генир. **25.** Сафр. **28.** Конкани. **29.** Короса. **30.** Рами. **32.** Депре. **33.** Зенон. **34.** Ассингер. **36.** Деканозов. **38.** Семафор. **39.** Курай. **40.** Ланабан. **41.** Ларош. **42.** Скрэт. **43.** Чезлвит. **44.** Митап.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Креатин. **2.** Антифог. **3.** Эак. **5.** Урагус. **6.** Таис. **7.** Псеудис. **8.** Бимон. **10.** Медовик. **13.** Кантани. **17.** Дипкурьер. **19.** Кейсинкей. **21.** Натан. **22.** Арбин. **24.** Ровер. **26.** Скрап. **27.** Прост. **30.** «Резонабль». **31.** Моногамия. **32.** Девадаси. **35.** Галабея. **36.** Додола. **37.** Кумка. **38.** Сауэр.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2025 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 255 рублей 20 копеек	За 1 номер — 289 рублей 30 копеек
За полугодие — 1531 рублей 20 копеек	За полугодие — 1735 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Банк ПСБ» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Банк ПСБ» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется
в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Telegram-канал Журнала «Смена»: <https://t.me/smenamagazine>



! ВНИМАНИЕ! **Анонс на №6-2025**

ISSN 0131-6656



9 770131 665607

25005

СМЕНА

«Лето Блоки проводили в своем подмосковном имении Шахматово, а в семи верстах от них, в Боблово, жила семья Менделеевых. Именно там произошла первая встреча Любы Менделеевой и Александра Блока. Они были такие разные: синеглазая, статная Люба и Блок, с его холодными глазами... Поначалу ничто не предвещало, что в дальнейшем они соединятся в супружеском союзе, тем более, что Александр был безумно влюблен в актрису Ксению Садовскую. Но жизнь непредсказуема, и они все-таки поженились но, увы, этот брак не стал счастливым...

Светлана Марлинская «Трагический певец туманов»

«В Берлине состоялась встреча принцессы Софии-Доротеи и великого князя Павла Петровича, которая закончилась помолвкой, а потом и браком. София приняла православие и получила при крещении имя Марии Федоровны и титул великой княгини. А спустя год у пары родился первенец — которого назвали Александром. Вскоре после него родился и второй сын — Николай Павлович. Но Мария Федоровна вошла в историю не только как мать двух самодержцев, но и как императрица, занимающаяся благотворительностью: она помогала сиротам, при ее покровительстве открылось несколько женских учебных заведений, под ее ответственностью были детские дома, больницы. Но многое она сделать не успела, скончавшись в 1828 году...

Александр Ралот «Матушка двух императоров»

«Кто из нас в молодости не был увлечен Хемингуэем, который сам стал прообразом героев своих произведений — бесстрашный солдат, боксер, охотник, рыбак, путешественник... Его невероятная жизнь символизировала безграничную свободу личности. Но, увы, финал у нее оказался трагическим...

Юрий Осипов «Вечный "Папа-Хем"»

«Юному актеру Миرونу Лебедеву всего 14 лет, а на его счету уже более 24 киноработ, чем может похвастаться не каждый взрослый артист. О чем мечтает юное поколение, чем занимается помимо актерской деятельности и учебы в школе — об этом вы узнаете из нашего интервью с Мироном, которое он дал журналистке Дарье Парчинской.

Детектив Наталии Солдатовой «Черный человек»

№5 май 2025